

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Слово объ общественномъ мнѣніи, произнесенное въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича Преосвященнаго Амвросія.

Постепенное отпаденіе христіанскаго Запада отъ православія (продолженіе). Д-ра православнаго богословія Владиміра Гете (съ франц.) К. Истомина.

Проповѣдническая дѣятельность Василія Михайловича Дроздова (въ послѣдствіи Филарета, митрополита Московскаго) 1803—1808 гг. (окончаніе) И. Корсунскаго.

Греческіе Силлоги Амф. Лебедева.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Возможна-ли философія? Профессора Московской духовной академіи (продолженіе) В. Кудрявцева.

Критическое обозрѣніе обычныхъ взглядовъ и сужденій о различныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ общественнаго благоустройства (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицкаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе) * * *

III. ЛИСТОВЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе листа: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго общества.—Краткая вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода за послѣднюю треть 1883 года.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, ПЪМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относяціяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 руб.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Марта 1 дня 1884 года.

·Цензоръ Протоіерей *Т. Павловъ*.

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго
въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Импе-
ратора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ МНѢНІИ.

*Кого Мя глаголютъ чловѣцы быти
Сына чловѣческаго? (Мат. 16, 15).*

Великую силу и вліяніе на умы пріобрѣтаетъ у насъ нынѣ такъ называемое *общественное мнѣніе*. Оно устанавливаетъ новые взгляды на многіе вопросы знанія и жизни; оно вводитъ новые обычаи, заставляетъ общественныхъ дѣятелей оглядываться по сторонамъ съ безпокойствомъ изъ опасенія порицанія, и чрезъ то лишаетъ ихъ надлежащей энергіи и твердости; оно влачитъ за собою людей, не имѣющихъ собственныхъ убѣжденій и не разсуждающихъ о томъ, куда они идутъ, и куда придутъ. „Всѣ такъ думаютъ; таково общественное мнѣніе“, — вотъ основаніе для мысли и жизни у весьма многихъ людей нашего времени.

Но не согласно съ достоинствомъ чловѣка слѣпо слѣдовать чужому мнѣнію, хотя-бы и общественному. Притомъ, отъ направленія нашихъ мыслей, откуда-бы мы ихъ ни заимствовали, и отъ качества нашихъ дѣлъ зависитъ наша судьба, за которую самимъ себѣ и Господу Богу мы одни отвѣчаемъ; общественное мнѣніе не

освободить насъ отъ этой отвѣтственности. Поэтому намъ нужно тщательно опредѣлить для себя, что такое общественное мнѣніе, и какъ мы должны къ нему относиться.

Что-же такое—общественное мнѣніе? Конечно, оно не есть мнѣніе цѣлаго человѣчества; не можетъ быть мнѣніемъ и цѣлаго народа, такъ какъ нельзя согласить цѣлый народъ, или каждаго въ немъ человѣка имѣть одно и тоже понятіе о каждомъ предметѣ: разномысліе есть неисправимый недостатокъ человѣчества. Итакъ, *общественное мнѣніе*, по самому точному опредѣленію, *есть сужденіе большинства въ известномъ кругѣ людей*. Такой кругъ можетъ быть очень великъ, можетъ на великое множество людей распространять свое вліяніе; но всегда въ томъ-же народѣ найдутся другіе кружки, думающіе по своему, и для мыслящаго наблюдателя всегда есть возможность сличать мнѣнія, и избирать изъ нихъ тѣ, которыя кажутся ему лучшими. Измѣнчивость человѣческихъ мнѣній, смѣшеніе и новое размѣщеніе кружковъ, происходящія съ теченіемъ времени, не только даютъ намъ право, но и обязываютъ каждаго изъ насъ имѣть свое *собственное мнѣніе*; а если кто сдѣлать этого не въ силахъ, тотъ вправѣ по своему убѣжденію избирать себѣ въ руководители тѣхъ, кого пожелаетъ, а не тѣхъ, кто ему навязывается.

Христіанское ученіе только въ этомъ смыслѣ и признаетъ общественное мнѣніе. Иисусъ Христосъ, спустя нѣсколько времени послѣ вступленія Своего въ подвигъ спасенія людей, спросилъ Апостоловъ: „за кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго?“ Конечно, Онъ зналъ это и безъ свидѣтельства Апостоловъ, и не для того Ему нужно было знать общественное о Себѣ мнѣніе, чтобы съ этимъ мнѣніемъ соображать Свои дѣйствія; но Онъ желалъ въ умахъ Апостоловъ установить о

Себѣ Самомъ истинное понятіе, чтобы они не смущались противорѣчивыми сужденіями и толками, ходившими о Немъ въ народѣ. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что Апостоламъ предстояло быть проповѣдниками вѣры во Христа, учителями и руководителями народа. По этому вопросу возникла бесѣда Спасителя съ учениками, хотя краткая, но весьма знаменательная и для насъ поучительная. Приведемъ въ подлинникѣ необходимую для насъ часть этой бесѣды.

„Пришедши въ страны Кесаріи Филипповой,—повѣствуетъ Евангелистъ Матѳей,—Иисусъ спрашивалъ учениковъ Своихъ: за кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго? Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремію, или за какого-нибудь изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого Меня почитаете? Симонъ-же Петръ, отвѣтствуя, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (Мат. 16, 15—16. Ср. Лук. 9, 18—20).

Понявъ вопросъ Господа въ томъ смыслѣ, что Ему угодно знать, какъ принимается народомъ возвѣщаемое Имъ Евангеліе царствія Божія и распространяется вѣра въ Него самого, Апостолы высказали Ему только мнѣніе о Немъ лучшей части народа, которая любила Его, хотя и не имѣла о Немъ яснаго и вѣрнаго понятія. Но они не сказали, что существовало другое общественное о Немъ мнѣніе,—это мнѣніе враговъ Его. Можетъ быть, имъ тяжело было огорчать Господа напоминаніемъ о лжи, порицаніяхъ и клеветахъ, которыя распространяемы были о Немъ въ самой сильной и вліятельной части народа Іудейскаго. Тѣмъ не менѣе враги распространяли о Немъ мнѣніе, какъ о самозванномъ учителѣ, льстящемъ народу, отвергающемъ законъ Моисеевъ и отеческія преданія, совершающемъ чудеса силою бѣсовскою. и опасномъ возмутителѣ народа про-

тивъ существующихъ властей. Это мнѣніе опиралось на самые важные авторитеты; — на сужденія законныхъ народныхъ учителей и благочестиваго въ глазахъ народа сословія фарисеевъ. Этому мнѣнію подыскивали основанія въ законѣ Моисеевомъ и пророкахъ; его держался весь Синодріонъ — верховная власть въ народѣ. Эти ученые и властные мужи съ сознаниемъ своего достоинства говорили людямъ простымъ, на которыхъ надѣялись имѣть вліяніе: „неужели и вы прельстились? Увѣривалъ-ли въ Него кто изъ начальниковъ, или фарисеевъ? Но этотъ народъ, невѣжда въ законѣ, — проклятъ онъ“. Справедливому и безпристрастному изъ нихъ самихъ Никодиму, просившему суда надъ Іисусомъ Христомъ по закону, они съ насмѣпкою говорили: „и ты не изъ Галилеи-ли? Разсмотри, и увидишь, что изъ Галилеи не приходитъ пророкъ“. (Іоан. 7, 48—52). Народъ не могъ спорить съ своими учителями. Только однажды слѣпорожденный, получившій отъ Господа исцѣленіе, поразилъ ихъ силою своего здраваго смысла: на слова фарисеевъ: „мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ, а сего (Іисуса Христа) мы не знаемъ, откуда Онъ“, — слѣпорожденный нищій отвѣчалъ: „это и удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, а Онъ отверзъ мнѣ очи“. (Іоан. 9, 29. 30). Увлекаемый силою слова, благодареній и чудесъ Іисуса Христа, народъ безъ спора, съ забвеніемъ всѣхъ своихъ авторитетовъ и руководителей, всюду слѣдовалъ за Нимъ, и громко, а иногда и торжественно выражалъ свою вѣру и любовь къ Нему. Но мнѣніе фарисеевъ и книжниковъ, поддерживаемое властью, насиліемъ, подкупомъ и клеветою, восторжествовало, и мы знаемъ послѣдствія этого торжества: Богочеловѣкъ распятъ, а народъ Іудейскій доселѣ остается отверженнымъ. Такое общественное мнѣніе и съ такими сильными и учеными представителями

можетъ быть всегда и во всякомъ народѣ и приносить тѣ-же самыя плоды. Торжество его можетъ быть временно, но послѣдствія вѣчны, — невозвратимая утрата благосостоянія и самостоятельности народовъ.

Обратимся къ другому мнѣнію о Господѣ, которое сообщили Ему Апостолы. Что и это мнѣніе имѣло характеръ *общественнаго*, это засвидѣтельствовали сами первосвященники іудейскіе и фарисеи. Во все время они съ завистию смотрѣли на успѣхъ проповѣди Іисуса Христа, а послѣ воскрешенія Лазаря съ смущеніемъ говорили: „весь міръ идетъ за нимъ“ (Іоан. 12, 19), и, собравши совѣтъ, спрашивали другъ друга: „что намъ дѣлать? Этотъ человекъ много чудесъ творитъ! Если оставимъ такъ, то всѣ увѣруютъ въ Него“ (Іоан. 11, 47. 48), и только смерть Его признали вѣрнымъ средствомъ для прекращенія ненавистнаго имъ народнаго движенія. Но тогда какъ мнѣніе фарисеевъ и законниковъ отличалось такою ужасающею опредѣленностію и рѣшительностію, мнѣніе народа объ Іисусѣ Христѣ носитъ на себѣ черты понятія несложившагося и неопредѣлившагося. Одно въ немъ видно, что народъ смотрѣлъ на Іисуса Христа какъ на друга и величайшаго своего благодѣтеля, хотя и не умѣлъ назвать Его настоящимъ Его именемъ. Но Самъ Господь, хотя и не произнесъ на это мнѣніе своего одобренія, но и не осудилъ его; Онъ видѣлъ въ немъ добрыя задатки, и зналъ, что оно опредѣлится со временемъ. Что-же могло составлять достоинство мнѣнія этого „невѣжды въ законѣ“, какъ говорили о народѣ фарисеи? То, какое большею частію имѣетъ собственно народное мнѣніе: прямоту, искренность и внутреннюю честность, при внѣшней темнотѣ, неточности и неопредѣленности. Такое понятіе совершенно согласно и съ тѣми средствами познанія, какія доступны и всегда присущи народу: чувство истины и

справедливости, здравый смыслъ и довѣріе къ опыту, не затемняемое предвзятыми взглядами и мнѣніями, вытекающими изъ отвлеченныхъ построений и учений.—Народъ ожидалъ Мессію, и ожидалъ скоро, но запутанный ложными толкованіями о Мессіи своихъ законниковъ, онъ ждалъ въ Немъ земнаго царя своего, имѣющаго явиться со всѣми принадлежностями могущества и славы. Этому онъ не видѣлъ въ смиренномъ „Сынѣ Человѣческомъ“, и потому не могъ съ увѣренностію назвать Его Мессіею. Между тѣмъ онъ смутно зналъ о явленіи предъ пришествіемъ Мессіи нѣкоторыхъ пророковъ-предвѣстниковъ, можетъ быть руководствуясь также невѣрнымъ толкованіемъ пророчества Малахія о предтечѣ—Иліи, подъ именемъ котораго разумѣлся Іоаннъ Креститель (Мат. 11, 14. 17. 12). И вотъ, при видѣ чудесъ и благодѣяній Іисуса Христа, народъ съ восторгомъ говорилъ: „великій пророкъ возсталъ между нами, и Богъ посѣтилъ народъ свой. Такое мнѣніе о Немъ“—прибавляетъ св. Евангелистъ Лука—„распространилось по всей Іудеѣ и по всей окрестности“. (Лук. 7, 17. 18). Затѣмъ оставалось только назвать этого пророка по имени, и, какъ водится въ народѣ, каждый называлъ Его по своему; одни Іоанномъ Крестителемъ, недавно убіеннымъ отъ Ирода и воскресшимъ, какъ думалъ и самъ Иродъ (Мат. 14, 2), другіе Іліею, иные Іереміею.... Но, какъ мы сказали, народъ понималъ и какъ должно оцѣнилъ въ Іисусѣ Христѣ все, что требовалось для предварительной вѣры въ Него, подготовившей такую почву для проповѣди Апостоловъ, что по сошествіи на нихъ св. Духа народъ цѣлыми тысячами въ одинъ день обращался ко Христу (Дѣян. 2, 41; 4, 4). Народъ убѣжденъ былъ въ Его чистотѣ и святости такъ, что даже разбойники, бродившіе въ горахъ Палестины, знали, что Онъ *ни одинаго зла*

сотвори (Лук. 23, 41). Онъ принималъ открытымъ и жаднымъ сердцемъ слово Иисуса Христа, чувствуя въ Немъ истину, не затемненную хитростями человѣческой учености, и съ восторгомъ выражалъ свое сужденіе: „никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ“ (Іоан. 7, 46). Онъ вѣрилъ въ безконечную любовь Его, и тѣснился къ Нему съ довѣріемъ, останавливалъ Его на пути, вторгался въ хижины, гдѣ Онъ искалъ Себѣ успокоенія, приводилъ къ Нему дѣтей своихъ, искалъ прикоснуться къ Нему, какъ кровоточивая, или хотя издали взглянуть на Него, какъ Закхей. Народъ, убѣжденный безчисленными чудесами Господа, вѣровалъ въ Его божественное всемогущество и признавалъ въ Немъ владыку жизни и смерти, какъ исповѣдывала это сестра Лазаря: „Господи, если бы ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой“ (Іоан. 11, 21). Соберите эти признаки созрѣвавшаго въ народѣ понятія объ Иисусѣ Христѣ, и вы увидите въ нихъ ясное очертаніе Его божественнаго образа, нуждавшееся только въ точномъ, какъ мы нынѣ говоримъ, догматическомъ опредѣленіи Его Лица. Но это опредѣленіе было выше народнаго пониманія, и его надлежало сдѣлать ближайшимъ ученикамъ Господа, Его Апостоламъ, чего и желалъ отъ нихъ Господь.

„Вы-же за кого Меня почитаете?“—спрашиваетъ ихъ Господь, выслушавъ народное о Себѣ мнѣніе. Апостолы были избраны также изъ простаго народа, потому и они были свободны отъ неисправимыхъ ложныхъ взглядовъ фарисейской учености. Притомъ, они стояли въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ народъ, для ближайшаго познанія своего божественнаго Учителя. Они были съ Нимъ неотлучно, слѣдовательно, не случайно при встрѣчахъ, и не по частямъ, какъ народъ, наблюдали за Его дѣйствіями, а видѣли Его во всѣхъ поло-

женіяхъ и во всякую минуту. Они были довѣренными друзьями Его (Іоан. 15, 15); слышали Его ученіе не прикровенное, какъ слышалъ народъ, не въ притчахъ, а въ видѣ чистой истины; имъ возвѣщаемы были и тайны царствія Божія (Лук. 8, 10), т. е. устройство и судьбы духовнаго царства Христова, или Церкви Его; они были подъ освѣщеніемъ особыхъ молитвъ о нихъ Господа (Іоан. 17, 9—15); они были свидѣтелями предварительнаго явленія славы Его на Таворѣ; имъ, наконецъ, дано было ясное обѣтованіе объ участи въ Его вѣчной славѣ въ небесномъ царствіи: „сядете на двѣнадцать престоловъ судить двѣнадцать колѣнъ израильскихъ“ (Мат. 17, 28). По всему этому имъ естественно было услышать отъ Господа вопросъ: вы-то Мои друзья, пребывшіе со Мною въ напастяхъ Моихъ (Лук. 22, 28), которыхъ избралъ Я отъ міра (Іоан. 15, 19), которымъ открылъ душу Свою и всю волю Отца Моего небеснаго (Іоан. 15, 15),—вы за кого Меня принимаете?—И вотъ, возвышенный надъ всѣми народными предразсудками, сомнѣніями и колебаніями, свыше озаренный Петръ (Мат. 16, 17), отвѣтствуя за всѣхъ Апостоловъ, въ первой разъ въ точныхъ выраженіяхъ произноситъ основной догматъ христіанства о Богочеловѣкѣ Мессіи: „Ты Хри́стосъ, Сынъ Бога живаго.“ Это краткое слово можно сравнить только съ молніею, озарившею тьму невѣрія и джеученій, облежавшую умы и сердца народа Божія со всѣхъ сторонъ. Извѣстны слова Господа, которыми Онъ привѣтствовалъ это первое исповѣданіе, произнесенное Симономъ, назвавъ его блаженнымъ, и утвердивъ за нимъ навсегда, еще прежде по предвѣдѣнію при самомъ призваніи его къ апостольству, данное ему имя *каменя* (Петръ) за то, что онъ первый положилъ въ основаніе ученія Церкви этотъ камень вѣры во Христа Сына Божія.

Три урока мы можемъ извлечь для себя по предложенному нами вопросу объ общественномъ мнѣніи изъ этого евангельскаго повѣствованія.

Первый урокъ. Христіанскимъ міромъ должно управлять не *мнѣніе*, частное, или общественное, а *истина*. Мнѣніе подлежитъ разбору и обсужденію, и только разборъ и обсужденіе мнѣній есть путь къ истинѣ. А такъ какъ всѣ люди склонны къ заблужденіямъ: то ни наука человѣческая, ни познанія, ни дарованія, ни высокое общественное положеніе не могутъ дать намъ ручательства за истину высказываемыхъ мнѣній. Поэтому всякому ученому и общественному дѣятелю должна быть воздаваема подобающая честь, если онъ съ скромнымъ сознаніемъ человѣческой ограниченности и благожелательствомъ предлагаетъ свои мнѣнія для пользы общества; но только по всестороннему обсужденію и продолжительному опыту подобныя мнѣнія должны быть возводимы на степень несомнѣнной истины, служащей ко благу человѣчества. Если-же вы слышите въ устной бесѣдѣ, или въ печати недавно гдѣ-либо зародившіяся мысли, многими принимаемыя съ восторгомъ, и предлагаемыя вамъ за чистыя истины во имя науки, или все-свѣтныхъ человѣческихъ авторитетовъ, и притомъ съ гордостію, самоувѣренностію и обличеніемъ васъ „въ невѣжествѣ,“ — вспоминайте фарисеевъ, которые говорили о народѣ, вѣровавшемъ во Христа: „народъ невѣжда въ законѣ, проклять онъ.“ Изъ такого общественнаго мнѣнія можетъ составиться большая сумма общественныхъ заблужденій. Это намъ и предсказано въ словѣ Божіемъ. И наше время, которымъ мы такъ гордимся, какъ и всякое другое, несетъ съ собою *духъ времени*, или господствующія въ человѣчествѣ на этотъ разъ возрѣнія и стремленія, относительно которыхъ и дано намъ предостереженіе св. Іоанномъ Богословомъ: „воз-

любленныя, не всякому духу вѣрите, но испытывайте духовъ, отъ Бога-ли они“ (1 Иоан. 4, 1). По предрѣченію Христа Спасителя, предъ Его вторымъ пришествіемъ будетъ такое *общественное мнѣніе*, и такъ возобладаетъ надъ людьми, что „Сынъ Человѣческій, пришедши, найдетъ-ли вѣру на землѣ?“ (Лук. 18, 8).

Второй урокъ. Руководители всякаго народа, даже языческаго, не должны слишкомъ полагаться на свои отвлеченныя познанія и соображенія, а присматриваться и прислушиваться къ народу. Не зная наукъ, онъ однакоже воплощаетъ въ себѣ и своей жизни научныя указанія; поэтому надобно предоставить ему право имѣть свой вкусъ для разбора пищи, которая ему предлагается, и по временамъ справляться, приносятъ-ли ему эта пища здоровье и силы. Тѣмъ болѣе нашимъ, такъ называемымъ передовымъ людямъ, желающимъ заправлять общественнымъ мнѣніемъ, не мѣшаетъ помнить, что они имѣютъ дѣло съ народомъ христіанскимъ, — народомъ, составляющимъ Церковь Божию, руководимымъ Божіею благодатію, слѣдовательно имѣющимъ духовный вкусъ и чувство истины и правды еще въ большей степени, чѣмъ составлявшій Церковь ветхозавѣтную, народъ Іудейскій. Поэтому, да не гнѣваются ученые люди, когда народъ отвергаетъ противную его вкусу пищу многихъ новыхъ ученій. Благонамѣренный-же служитель истиннаго, т. е. христіанскаго просвѣщенія и блага народнаго да утѣшается мыслию, что доколѣ народъ нашъ остается христіанскимъ и православнымъ, онъ, этотъ благонамѣренный дѣятель, всегда будетъ оцѣненъ по достоинству, и слово его, хотя-бы онъ былъ и одинокъ, всегда перевѣситъ во вниманіи и сочувствіи лучшей части народа громкія вѣщанія цѣлаго полка книжниковъ и фарисеевъ.

Третій урокъ. Такъ какъ Христосъ Спаситель рѣши-

тельный отвѣтъ о Себѣ самомъ,—самосущей истинѣ (Іоан. 14, 6) предоставилъ дать Своимъ Апостоламъ, а потомъ ихъ самихъ и преемниковъ ихъ уполномочилъ быть проповѣдниками, хранителями и защитниками истины: то въ христіанскомъ народѣ, во всѣ времена для людей, желающихъ понять истинное значеніе распространяемыхъ въ обществѣ новыхъ ученій—обязательно обращаться къ мнѣнію и сужденію „слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ“ (1 Кор. 4, 1). Ученіе Христово, воплощаемое въ живыхъ людяхъ, хранимое въ цѣлости, и развиваемое въ неповрежденности, достаточно не только для опредѣленія и оцѣнки всѣхъ движеній нашего вѣка, но и всѣхъ вѣковъ грядущихъ. Мы знаемъ, что многіе возразятъ намъ на это: „вы хотите поработить общество *клерикальному вліянію*, т. е. вліянію духовенства, во вредъ наукъ и свободѣ мышленія, какъ это было и есть на Западѣ“. Что сказать на это? Знать чужое, и не знать своего, и затѣмъ погрѣшности чужихъ христіанскихъ исповѣданій обращать въ вину своей православной Церкви,—это обычное, хотя и прискорбное явленіе въ нашемъ образованномъ мірѣ. Это голоса людей, безъ сознанія и безъ размышленія повторяющихъ чужія заносныя мысли, которыя и зародиться не могли бы на нашей православной почвѣ. Оставляя ихъ безъ вниманія, чего они вполнѣ и заслуживаютъ, изучайте, сл., свою православную Церковь, ея законы и уставы,—и вамъ легко будетъ понять истинное значеніе въ ней духовенства. Исторія нашей Церкви покажетъ вамъ, какъ всегда открыто проповѣдывали ея пастыри и учителя, отдавая себя и свои мысли на обсужденіе православнаго народа; и принимали съ благодарностію ученые труды писателей изъ мірянъ вѣрныхъ православію; какъ они взаимно повѣряли себя сужденіями другъ друга, и какъ, наконецъ, на святыхъ собо-

рахъ разъясняли и утверждали истины вѣры и правила христіанской жизни голосомъ Церкви вселенской. По взгляду православной Церкви, всѣ мы потому только и учителя ваши, что проповѣдуемъ чистое ученіе Христова; мы помнимъ завѣтъ нашего Господа: *вы же не нарицайтесь учителями: единъ бо есть ваишъ учитель Христосъ: вси же вы братія есте* (Мат. 23, 8).

Но если наша обязанность изъяснять вамъ ученіе Спасителя нашего и уставы истинной Его Церкви, то ваша—чрезъ пріобрѣтеніе познаній въ вѣрѣ разсѣвать облегающій васъ туманъ чуждыхъ ученій и мнѣній, и утверждать и свои убѣжденія, и свои дѣйствія на началахъ нашей Церкви и народной жизни, подъ ея вліяніемъ сложившейся и воспитанной. Здѣсь наша сила, благо отечества, нерушимость Престола, спокойствіе и благоденствіе Благочестивѣйшаго Государя нашего. Наконецъ, если мы живемъ, какъ любимъ говорить, *въ просвѣщенный вѣкъ*: то должны знать, что самое просвѣщеніе наше, которое должно быть, конечно, христіанскимъ, требуетъ, чтобы мы, по слову Апостола, „приходили въ единство вѣры и въ познаніе Сына Божія, въ мѣру полнаго возраста Христова; дабы мы не были младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству чловѣковъ, по хитрому искусству обольщенія“. (Еф. 4, 18, 19). Аминь.

ПОСТЕПЕННОЕ ОТПАДЕНИЕ

ХРИСТИАНСКАГО ЗАПАДА ОТЪ ПРАВОСЛАВІЯ

(Продолженіе *).

ІХ.

Въ Швейцаріи, какъ и въ остальныхъ странахъ Запада, возста-вали противъ захватовъ папства и возставали даже прежде воз-никновенія протестантства.

Когда Швейцарская республика была подчинена Австріи, то по-литическое и религиозное бытіе обѣихъ странъ было почти тожде-ственно; но когда Швейцарія стала свободной, то принялась за уничтоженіе злоупотребленій церковной юрисдикціи. Съ 1351 го-да, на Цюрихской конференціи вмѣстѣ съ четырьмя лѣсными го-родами, пздано было запрещеніе мірянамъ являться въ церковные суды и вообще свидѣтельствовать на кого-либо въ этихъ судахъ по денежнымъ долгамъ. Тѣмъ не менѣе церковные суды продол-жали настойчиво отстаивать свои привилегіи, въ защиту кото-рыхъ употребляли отлученіе отъ церкви; этимъ церковнымъ отлу-ченіямъ кантоны въ 1370 году въ свою очередь противопостави-ли знаменитое *письмо къ священникамъ (Pfaffenbrief)*, признанное основнымъ закономъ на конференціи въ Штансѣ въ 1481 году; Оно гласитъ, что „каждый церковнослужитель, нарушающій этотъ законъ, долженъ быть изгоняемъ; не позволительно давать ему ни бѣсть, ни нищъ, ни снать, ни имѣть какое-либо общеніе съ нимъ“.

Балтазаръ, называющій это *письмо къ священникамъ пригма-*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 3.

тической санкціею Швейцаріи, безъ сомнѣнія, хотеть приравнять его къ славнымъ прагматическимъ санкціямъ Людовика Святаго и Карла VII; но я не вижу—на какомъ основаніи; эти послѣднія, поставляя преграду ультромонтанскимъ притязаніямъ, устанавливали правила избранія епископовъ, ихъ постановленія, и сохраняли нѣкоторые остатки свободы церкви галликанской. *) Можно-ли видѣть что-либо подобное въ *письмѣ къ священникамъ*? Постановленіе Люцернскаго сената, о которомъ говоримъ, озаглавлено: *de Helvetiorum juribus circa sacra*. Выщѣ переводитъ его слѣдующими словами: *Трактатъ о вольностяхъ Гельветической церкви*. Въ немъ можно находить собраніе правилъ, по которымъ всѣ церковныя лица и всякое церковное имущество во всѣхъ отношеніяхъ, принадлежащихъ вѣдѣнію гражданской власти, должны подчиняться суду гражданскому; церковное имущество, какъ и всякое другое имущество, подлежитъ государственнымъ налогамъ, безъ всякихъ взысканій въ пользу Рима и безъ всякихъ льготъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ легкихъ исключеній въ пользу

*) Названіе: прагматическая санкція имѣетъ въ исторіи неодинаковое значеніе. Обыкновенно историки подъ прагматическою санкціею разумѣютъ документъ, по которому германскій императоръ Карлъ VI, не имѣвшій наследниковъ мужскаго пола, предоставилъ престолъ свой женской линіи изъ своего дома. Только съ большимъ трудомъ императору удалось склонить германскихъ князей признать этотъ государственный документъ. Впрочемъ, курфюрстъ Баварскій Карлъ Альбрехтъ, признававшій себя ближайшимъ наследникомъ всего государства, отвергалъ этотъ документъ. По смерти императора Карла VI, въ 1740 году, это вызвало баварскую войну изъ-за наследства престола, но послѣ войны баварцы вынуждены были, наконецъ, (22-го апрѣля 1745 года) признать императорскую прагматическую санкцію. Кромѣ того, прагматическою санкціею исторички называютъ еще основныя законы, изданныя сначала французскимъ королемъ Людовикомъ Святымъ и затѣмъ Карломъ VII въ Буржѣ въ 1438 году, на основаніи рѣшеній Констанскаго и Базельскаго собора. Законы эти имѣли въ виду предохранить свободу галликанской церкви отъ папскихъ притязаній. Прагматическою же санкціею назывались также и постановленія Майнцкаго сейма въ 1439 году, составленныя тоже на основаніи опредѣленій Констанскаго и Базельскаго собора. Оба послѣдніе документа ограничивали папское вмешательство въ церковныя дѣла; но впоследствии были замѣнены конкордатами, болѣе благоприятными папскимъ захватамъ. Наконецъ, прагматическою-же санкціею историки называютъ распоряженіе короля испанскаго Карла III, по каковому распоряженію этотъ король въ 1759 году объявилъ престолъ обѣихъ Сицилій принадлежащимъ третьему сыну своему и его потомкамъ.

приходскаго духовенства; а также все священники, подобно остальнымъ гражданамъ, должны быть подсудны гражданскимъ судамъ.

Когда церковная власть ограничивается лишь сферою своихъ правъ, когда произнося приговоръ, облеченный въ форму, требуемую канонами, употребляетъ лишь духовныя мѣры, то заслуживаетъ уваженія и повиновенія. Но она роняетъ себя, когда переступаетъ предѣлы своихъ правъ, потому что сопротивленіе ей въ этомъ случаѣ, быть можетъ, будетъ простираться до оспариванія законнаго употребленія ея, т. е. до противопоставленія злоупотребленію злоупотребленія. Исторія Швейцаріи представляетъ различные примѣры этого. Во время распри между императоромъ и папою въ 1247 году, Цюрихъ, Швицъ, Ури и Унтервальденъ остались вѣрны императору, не смотря на римскія отлученія отъ церкви. Священники, отказавшіеся исполнять свои обязанности, были изгнаны. Имущество ихъ было конфисковано, и когда получивши отъ папы полномочіе исполнять свои священнослужительскія обязанности, захотѣли возвратиться на свои прежнія мѣста, то ихъ не захотѣли допустить до этого; Цюрихъ предпочелъ лучше оставаться 18 лѣтъ безъ богослуженія, чѣмъ подчиниться нарушенію своихъ гражданскихъ правъ. Годы 1315, 1328, 1339, 1426 и пр. равнымъ образомъ представляютъ акты сопротивленія папскимъ запрещеніямъ—несправедливымъ или признаннымъ несправедливыми.

Въ 1495 году, въ Линдау, гдѣ былъ собранъ сеймъ, нунцій имѣлъ дерзость обнародовать пастырское увѣщаніе съ требованіемъ, чтобы кантоны въ пятнадцать дней отозвали свои войска, находявшіяся на службѣ во Франціи, и чтобы разорвали союзъ съ этою страной, подъ угрозою, въ случаѣ отказа, подвергнуться церковному отлученію *ipso facto*. Швейцарцы, приведенные въ негодованіе отъ этого поступка, тотчасъ-же и въ томъ-же городѣ вывѣспли аппеляцію на это злоупотребленіе церковной власти. Ограничиться только этою мѣрою, это значитъ, безъ сомнѣнія, доказать большую свою умѣренность.

Въ 1647 году, когда кантонъ Ури изгналъ двухъ мятежныхъ

священниковъ, нунцій равнымъ образомъ грозилъ поразить кантонъ отлученіемъ, если только не переимѣнитъ своего рѣшенія; ему предоставили право угрожать сколько угодно, но рѣшенія не отменили.

Когда Григорій XIII отлучилъ отъ церкви кантонъ Люцернъ за казнь двухъ священниковъ-злодѣевъ, то католическіе кантоны писали ему письмо почтительное, но твердое, заявляя, что оба злодѣя понесли наказаніе за свои преступленія.

Кантоны, преимущественно-же Люцернъ, проявили ту-же твердость въ 1657 и 1725 году, а равно и при другихъ случаяхъ, когда нунцій спорилъ съ гражданскою властію о правѣ предавать церковнослужителей гражданскому суду. Эта послѣдняя эпоха представляетъ фактъ, достойный занесенія въ исторію великихъ происшествій по поводу незначительныхъ причинъ.

Въ Удлингеншвилѣ Люцернскаго кантона происходили ежегодные танцы въ день храмоваго праздника. Приходской священникъ запретилъ ихъ; напротивъ того—магистратъ разрѣшилъ. Тогда приходскій священникъ, увлекаемый неразумною ревностію, позволилъ себѣ съ церковной кафедры выраженія, за которыя былъ призванъ къ суду предъ сенатомъ; священникъ отказался повиноваться, и за это былъ изгнанъ. Въ это дѣло вмѣшались нунцій, епископъ Констанскій и комиссія кардиналовъ, созванная папою. Кантоны тоже отнеслись съ горячностію къ разсмотрѣнію этого дѣла. Весь Люцернскій сенатъ торжественною клятвою обязался настаивать на защитѣ своихъ правъ; цѣною имущества и крови каждый сенаторъ поклялся сохранить во всей силѣ это рѣшеніе и не отступать отъ него ни вслѣдствіе угрозъ, ни вслѣдствіе церковнаго отлученія. Это рѣшеніе разгнѣвало папу и онъ, въ письмѣ своемъ отъ 3-го января 1726 года, назвалъ его *иродіанскимъ развращеніемъ*.

Сопротивленіе кантоновъ иногда носило на себѣ отпечатокъ наивности; такъ—когда знаменитый Сіонскій кардиналъ Шянеръ, поссорившись съ своими соотечественниками, требовалъ чтобы кантонъ Валлисъ былъ подвергнутъ безславію (*mis au ban*)

на всю имперію, и чтобы это безславіе было обнародовано во всей Швейцаріи, то кантоны воспротивились этому, говоря, что они не привыкли къ подобнаго рода безславіямъ и что во всѣ времена они обходились безъ нихъ. При другомъ случаѣ, когда жителямъ Граубиндена—католикамъ угрожали отлученіемъ отъ церкви; то они отвѣчали: мы не знаемъ, что такое отлученіе, но мы его не желаемъ.

Соборы Констанскій и Базельскій, изъ которыхъ одинъ собранъ былъ вблизи швейцарцевъ, а другой среди нихъ, привлекли ихъ вниманіе къ себѣ. Сочиненія, представленныя въ засѣданія этихъ соборовъ; краснорѣчивыя разсужденія, которыя тамъ можно было слышать; знаменитые люди, которыхъ можно было видѣть,— все это произвело въ швейцарскихъ мѣстностяхъ глубокое впечатлѣніе. Въ Базелѣ и теперь еще цитируютъ удивительныя рѣчи кардинала, архіепископа Арльскаго, Людовика Аламана, предсѣдателя собора. Любятъ вспоминать остроумную хитрость, которою онъ воспользовался, чтобы скрыть безчестіе нѣкоторыхъ робкихъ епископовъ, уклонившихся отъ засѣданія, на которомъ должно было быть постановлено окончательное рѣшеніе о папѣ.

Тридентскій соборъ, принимаемый швейцарцами въ отношеніи къ ученію, никогда не былъ принимаемъ въ отношеніи къ тому, что касается церковной дисциплины.

Часто кантоны спорили съ епископомъ Констанскимъ, котораго епархія простиралась на нѣкоторую часть Швейцаріи. Равнымъ образомъ они имѣли серьезный споръ съ архіепископомъ Миланскимъ и епископомъ Комскимъ, которые въ швейцарскихъ городахъ своихъ епархій старались ввести инквизицію. Швейцарцы съ ужасомъ отвергали это судилище.

Лотарингія, составлявшая независимое государство до своего соединенія съ Франціей, вела борьбу, подобно другимъ западнымъ государствамъ, съ римскимъ неправославіемъ.

Герцогъ Карлъ II посылалъ депутатовъ на Констанскій соборъ, и опредѣленія этого собора имѣли силу закона въ Лотарингіи;

но въ ней никогда не хотѣли признавать ни инквизиціоннаго судилища, ни опредѣленій издававшихся римскою инквизиціонною конгрегаціею, ни юрисдикціи нунціевъ, ни буллы *in coena Domini*; всѣ предписанія, исходившія изъ Рима, были подчинены полученію правительственнаго *placet* (одобренія). Всѣ церковныя распоряженія, противорѣчившія правамъ гражданской власти, были отвергаемы *заявленіемъ ничтожества церковныхъ актовъ*, замѣнявшихъ собою *апелляцію на злоупотребленіе церковною властью*, и слѣдовательно отвергались болѣе сильнымъ терминомъ и, быть можетъ, отвергались еще съ большею силою въ дѣйствительности, потому что объявить какой-либо актъ ничтожнымъ, это значитъ не признавать въ принципѣ никакого права и никакой власти того, отъ кого исходитъ этотъ актъ, это значитъ приводить актъ къ небытію. Однакоже *сопротивленіе по ничтожеству актовъ* было дурно принаровлено, когда въ 1642 году верховный Лотарингскій дворъ возсталъ противъ посланія Урбана VIII, осуждавшаго разводъ герцога Карла IV.

Церковные суды часто гремѣли противъ разводовъ государей, которые въ угоду своимъ страстямъ старались извратить евангельскія правва. Папы и соборы въ Э-ла-Шапель, Тіонвилѣ, Метцѣ, Божанси и пр. вынуждены были заниматься этими скандалами.

Лотарь II, король Лотарингскій, оставляетъ Титбергу и женится на Вальдрадѣ.

Филиппъ I, король французскій, разводится съ Бертой изъ-за Бертрады.

Людовикъ VII разлюбилъ Элеонору Аквитанскую.

Георхъ VIII, англійскій, разошелся съ Еватериной Арагонской.

Людовикъ XII, король французскій, оставляетъ добродѣтельную Жанну.

Георхъ IV пережениетъ Маргариту Валуа.

Если-бы среди простыхъ подданныхъ подобнаго рода дѣла совершались также часто, какъ среди государей, то надобно было

бы установить постоянные церковные суды и непрерывныя засѣданія соборовъ.

Карлъ IV, герцогъ Лотарингскій, женившись на принцессѣ Николѣ, возгарается страстію къ дѣвицѣ Канткруза и хочетъ жениться на ней. Отецъ Шемино, іезуитъ и духовникъ дочери и матери, составляетъ записку, чтобы доказать, что бракъ герцога съ принцессой не дѣйствителенъ; и не смотря на возраженія богослововъ болѣе благоразумныхъ, Карлъ IV въ 1637 году все же женился въ Безансонѣ на дѣвицѣ Канткруза. Урбанъ III отлучилъ герцога отъ церкви, объявилъ второй бракъ недѣйствительнымъ и присоединилъ запрещеніе новобрачной носить титулъ герцогини Лотарингской.

Государственный стряпчій Лотарингіи обнародовалъ по этому случаю аппеляцію на злоупотребленіе церковной власти, какъ по существу этого дѣла, такъ и вслѣдствіе ограничительной прибавки въ отношеніи къ титулу. Кардиналъ Ришелье, два раза лишавшій Карла его наслѣдственныхъ земель, не имѣя болѣе возможности сдѣлать ему какое-либо иное зло, заставилъ герцогиню Ниболу вести въ Римъ судебный процессъ по дѣлу о своемъ бракѣ, чтобы доказать его дѣйствительность, чего она и достигла въ 1654 году, по рѣшенію главнаго церковнаго суда въ Римѣ.

Аппеляція на злоупотребленіе церковной власти съ большею основательностію была примѣнена Лотарингскимъ дворомъ въ 1703 году. И вотъ по какому случаю:

Герцогъ Леопольдъ, оставившій по себѣ прекрасныя воспоминанія въ своей землѣ, обнародовалъ въ 1701 году сборникъ узаконеній, касавшихся судебной администраціи, веденія гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, регламентаціи владѣнія рѣками и лѣсами и пр. Климентъ XI, посланіемъ своимъ отъ 22 сентября 1703 года, подъ угрозою отлученія отъ церкви запретилъ читать эти узаконенія, сохранять ихъ, пользоваться ими и приводить въ исполненіе, не говоря въ тоже время, какой именно членъ сборника подвергается церковному порицанію, хотя этихъ членовъ въ

сборникѣ было болѣе тысячи двухъ сотъ. Папское распоряженіе было равносильно пріостановкѣ въ странѣ правосудія и вызову въ ней анархій. Папа объявлялъ лишь, что узаконенія нарушаютъ льготы церковныхъ имуществъ отъ государственныхъ налоговъ. Это обвиненіе съ нѣкоторою справедливостію могло падать только на запрещеніе чужестранцамъ владѣть церковными имуществами въ Лотарингіи, безъ разрѣшенія правительства, а также на веденіе свѣтскими судами чисто гражданскихъ дѣлъ духовенства.

Бурсье, главный прокуроръ Лотарингіи, обнародовалъ апелляцію съ подробнымъ исчисленіемъ основныхъ причинъ апелляціи, — образцовый документъ по разсудительности и благоразумію. Самъ папа, какъ увѣряютъ, удивлялся этой апелляціи, и однако-же не отмѣнилъ своего распоряженія. Леопольдъ, узнавши, что Бисси, епископъ Тулонскій, тайно противорѣчилъ его видамъ и поддерживалъ ссору между Римомъ и Лотарингіею, просилъ Людовика XIV предоставить этому прелату-сплетнику другую епископскую кафедру, и Бисси былъ переведенъ въ Мо.

Только съ этого времени сношенія съ Римомъ стали болѣе легкими. Въ новомъ сборникѣ узаконеній уничтожили все, что не нравилось папѣ, но замѣтили, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ не упомянуто въ узаконеніяхъ, надобно руководствоваться прежними постановленіями; а эти прежнія постановленія именно и содержали уничтоженные члены узаконеній. Папа рѣшилъ не отречься отъ своего посланія, и Лотарингія сохранила свое законодательство въ неповрежденномъ видѣ. Посредствомъ подобныхъ дѣтскихъ предосторожностей, имѣвшихъ значеніе дипломатическаго плутовства, дѣло было окончательно рѣшено въ 1710 году.

Университетъ Понъ-а-Муэсо, основанный въ 1572 году и ввѣренный іезуитамъ съ самаго возникновенія своего и до уничтоженія іезуитскаго ордена, распространилъ въ Лотарингіи любовь къ литературѣ. По церковнымъ предметамъ въ университетѣ можно было видѣть замѣчательныхъ профессоровъ, а во главѣ ихъ надобно поставить Мальдоната; но само собою понятно, что въ этомъ обществѣ, слѣпо преданномъ своему генералу, жившему въ

Римѣ, профессора скорѣе были уполномоченными іезуитскихъ генераловъ: Суаретца, Сальмерона, Васкеза, чѣмъ французскихъ епископовъ: Боссюэта, Ариольда, Николая и Флери.

Нерасположеніе къ галликанскимъ правиламъ *) безопасно стало высказываться при нѣкоторыхъ, а можетъ быть и при многихъ случаяхъ во время спора іезуитовъ Понтъ-а-Муссо и ихъ собрата, кардинала Беллярмина съ Баркляями—отцемъ и сыномъ.

Въ 1729 году, отецъ Симонъ, университетскій секретарь, напечаталъ для *руководства семинаристовъ* Богословіе, въ которомъ между другими предосудительными положеніями, находилось и слѣдующее: „папа можетъ назначать духовниковъ въ епархіи, вопреки епархіальнымъ архіереямъ“. Епископъ Метцкій рѣшилъ подвергнуть это положеніе публичному порицанію. Чтобы избѣжать этой непріятности, іезуиты вырвали изъ всѣхъ экземпляровъ книги листовъ, содержащихъ въ себѣ это положеніе, и замѣнили его другимъ.

Въ 1745 году произошелъ новый скандалъ отъ обнаруженія сочиненія отца Пипона: *Ученіе (l'esprit) Іисуса Христа и церкви о частномъ причащеніи*. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ совершая съ другими іезуитами частыя и шумныя религіозныя торжества (missions) въ трехъ епископіяхъ, преимущественно-же въ Нанси, Линьи и Метцѣ, іезуиты своею нерачительностію въ совершеніи

*) Франція всегда пользовалась относительною свободою въ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ; но закономъ эта свобода признана была со стороны Рима только въ 1438 году, при посредствѣ прагматической санкціи, заключенной между папою и французскимъ королемъ Карломъ VII. Во время спора между Людовикомъ XIV и Иннокентіемъ XI эта санкція была подтверждена во Франціи и даже расширена четырьмя членами или правилами галликанской церкви (Quatuor propositiones Cleri Gallicani). Въ разгаръ своего спора съ папою (изъ-за поставленія епископовъ) Людовикъ XIV созвалъ въ Парижѣ духовенство, которое на засѣданіяхъ своихъ приняло, въ дополненіе къ прагматической санкціи, слѣдующіе четыре члена или правила: 1) папа въ свѣтскихъ дѣлахъ не имѣетъ никакихъ правъ надъ князьями и королями и не можетъ разрѣшать ихъ подданныхъ отъ вѣрноподданнической присяги; 2) папа подчиненъ опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ; 3) власть папы во Франціи ограничена канонами вселенской церкви и дѣйствующими постановленіями французскаго государства и французской церкви, и, наконецъ 4) сужденіе папы въ отношеніи къ предметамъ вѣры не непреложно (irreformabile).

тайнствъ вызвали безпорядки; поэтому епига отца Пишона (отвергавшая необходимость частнаго причащенія) была чрезвычайно распространена: въ этомъ увѣряетъ Бежонъ, епископъ Тулонскій, который однако-же осудилъ это сочиненіе только въ 1748 году, хотя прошло уже три года со времени изданія книги.

Къ счастью, епископство Коасленское возбудило въ обширной епархіи Метцкой любовь къ серьезнымъ занятіямъ; съ другой стороны хорошо шло обученіе у бенедиктинцевъ, премонстрантовъ и у другихъ монашескихъ корпорацій, имѣвшихъ много приходскихъ священниковъ въ Лотарингіи и въ трехъ епархіяхъ. Обѣ эти провинціи, страннымъ образомъ переплетавшіяся одна съ другою и составлявшія пять епархій, съ учрежденіемъ ихъ въ Нанси и Сень-Діе въ 1777 году, представляли, въ корпораціи приходскихъ священниковъ, духовенство достойное уваженія по своему просвѣщенію и по своимъ добродѣтелямъ.

Но панизмъ восторжествовалъ здѣсь надъ этимъ духовенствомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и теперь властвуетъ надъ нимъ, какъ повелитель.

Х.

Бельгія, послѣдовательно подчиненная Испаніи и Австріи, наравнѣ съ ними держалась неправославія, котораго очень сильныя доказательства представлены были обѣими этими странами. Тѣмъ не менѣе въ ней тоже можно встрѣчать протестацію противъ предпринятой съ давнихъ поръ напствомъ работы противъ святаго апостольскаго ученія.

Общимъ центромъ образованія въ Бельгіи былъ Левенскій университетъ. Этотъ университетъ считалъ въ числѣ своихъ профессоровъ Бойена, который позже подъ именемъ Адріана VI былъ возведенъ на Римскій престолъ. Протестанты, равно какъ и католики въ Утрехтѣ, его родинѣ, сохраняютъ религіозное уваженіе къ дому, въ которомъ онъ родился, а также къ дому, выстроенному имъ и извѣстному подъ именемъ *папскаго дома*. Адрианъ VI, желавшій, чтобы людей давали церковнымъ доходамъ, а не церковные доходы назначали людямъ, -- отличавшійся строгостію

своихъ нравовъ, смѣло заявилъ себя врагомъ папской пышности и папскихъ безпорядковъ, и рѣшился ихъ уничтожить. На всегда останется славною, данная имъ въ 1522 году, инструкція нунцію Шаргату, во время Нюренбергскаго сейма. „Откровенно сознавайтесь, говоритъ онъ ему (упоминая о лютеранствѣ), сознавайтесь, что Богъ допустилъ своей церкви претерпѣвать это несчастіе по причинѣ людскихъ грѣховъ, и преимущественно по причинѣ грѣховъ священниковъ и прелатовъ. Мы знаемъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на этомъ святомъ престолѣ совершилось множество гнусныхъ дѣлъ, допускались крайности, злоупотребленія въ духовныхъ дѣлахъ, и все было извращено; ничего нѣтъ удивительнаго, что зло распространилось отъ головы къ членамъ, отъ верховныхъ первосвященниковъ къ низшему духовенству“. Къ несчастію, новое бѣдствіе опечалило церковь; смерть этого достойнаго первосвященника уничтожила его проекты реформъ.

Левенскій университетъ имѣлъ честь считать въ числѣ своихъ профессоровъ Дриедо, Ванъ-Вьяна, Олстрета, Латомуса, Геннебеда, почитателя галликанскихъ вольностей, и Гоммара Гейленса, нелюбимаго, говорятъ, Римомъ, за свой отказъ писать противъ четырехъ французскихъ членовъ. Профессоръ Николай Дюбоа занялся этимъ мало почетнымъ заказнымъ трудомъ.

Ученые бельгійцы съ силою спорили противъ папскихъ опасныхъ для политическаго общества доктринъ. Около половины XVIII столѣтія, юрисконсультъ Штокманъ, профессоръ университета и потомъ членъ верховнаго Брабантскаго совѣта, составилъ очень сильный трактатъ о бельгійскихъ правахъ въ отношеніи къ рескриптамъ, булламъ, посланіямъ и другимъ документамъ, исходявшимъ изъ Рима. Римляне утверждаютъ, что буллы, адресованныя *ubi et ubi*, обязательны съ той минуты, когда они обнародованы на площади Флоры. Штокманъ-же утверждаетъ, что эти мѣры недостаточны для сообщенія имъ характера закона; надобно еще, чтобы онѣ были скрѣплены и облечены правительственнымъ *placet* или *exequatur*. Эти предварительныя дѣйствія необходимы для нихъ.

Левенскій юрисконсультъ обнародовалъ еще одно сочиненіе, котораго самое заглавіе достаточно показываетъ цѣль его: это *Защита бельгийцевъ противъ вызова ихъ въ чужестранные суды*. Совѣтникъ Винантъ, издавшій въ началѣ XVIII вѣка томъ постановленій Брабантскаго совѣта и многіе другіе труды, раздѣлялъ это-же мнѣніе, равно какъ и Брабантскій совѣтъ.

Левенскій университетъ, славный своими учеными трудами и замѣчательными воспитанниками, вышедшими изъ этого заведенія, всегда признавался оракуломъ католичества, пока споры изъ-за исповѣданія вѣры (*formulaire*) и изъ-за буллы *unigenitus* не вызвали въ немъ разногласія, тотчасъ-же возбудившаго все бельгійское духовенство. Преслѣдованія пали на тѣхъ, которіе не захотѣли подписаться подъ этимъ исповѣданіемъ вѣры и этой буллою. Одинъ человекъ, котораго слава затмѣваетъ порицанія его враговъ, безсмертный Ванъ - Эспанъ, восьмидесяти-двухъ лѣтній старикъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Бельгіи и искать болѣе гостепріимной страны, и онъ нашелъ во всякомъ случаѣ убѣжище и могилу въ Амерсфортѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ университетъ, лишенный своего блеска, открылъ свои нѣдра для ультрамонтанскихъ мнѣній, господствовавшихъ уже въ монастыряхъ и семинаріяхъ. Книга римскаго *index'a* поставлена въ уровень съ Библіею. Папѣ принисали, даже съ причисленіемъ его къ лику святыхъ, непогрѣшимость, въ чемъ однако-же кардиналъ Куза отказываетъ даже вселенскимъ соборамъ, потому что о подобныхъ свойствахъ этихъ соборовъ (будто-бы) ничего не отърыто ни въ Св. Писаніи, ни въ преданіи, и признаніе непогрѣшимости ихъ никогда не можетъ быть членомъ вѣры. Сочиненія аскетическія на фламандскомъ языкѣ, по большей частн, наполнены глупостями и ложными чудесами. При подобномъ положеніи вещей могъ-ли народъ избѣжать заразы предразсудковъ? Отсюда-то и проистекаетъ столько ложныхъ вѣрованій, столько смѣшныхъ обѣтовъ, которые въ Бельгіи находятся еще въ большей силѣ.

1778 годъ представляетъ намъ сближеніе двухъ достопамят-

ныхъ фактовъ. Когда аббатъ Мартини, умершій архіепископомъ Флорентійскимъ, снова перевелъ на италіянскій языкъ всю Библию, папа Пій VI обратился къ нему съ поздравленіями, въ которыхъ хвалить его за то, что этимъ переводомъ на народный языкъ онъ сдѣлалъ доступнымъ для всѣхъ вѣрующихъ „чтеніе священныхъ книгъ, составляющихъ собою обильный источникъ благодати, долженствующій быть открытымъ для всѣхъ“. Но именно въ томъ же 1778 году, кардиналъ Франкенбергъ, архіепископъ Мехельнскій, объявляетъ, что обязавши Левенскихъ богослововъ *исправить историческій катехизисъ* Флери, онъ порицаетъ приготовленное ими изданіе его, и въ этомъ изданіи, въ которомъ многія мѣста (articles) скорѣе были испорчены, чѣмъ исправлены у Флери, онъ особенно порицаетъ допущеніе переводовъ и чтеніе на народномъ языкѣ Св. Писанія и литургическаго текста. Издателемъ этихъ переводовъ, говорятъ, былъ Пако, прежній профессоръ еврейскаго языка въ Левенѣ, обнародовавшій въ Нидерландахъ литературные мемуары, въ которыхъ ясно обнаруживается духъ партіи. Въ нихъ тщетно будутъ искать именъ Гюйгенса, Ванъ-Вьяна и Ванъ-Эспана.

Австрійская администрація, засѣдавшая въ Брюсселѣ, справедливо обезпокоенная антисоціальными доктринами, проповѣдуемыми въ Бельгіи, почувствовала, наконецъ, необходимость въ ихъ искорененіи. Ея усиліямъ очень дѣятельно помогалъ графъ Нени, президентъ тайнаго (privé) совѣта. На совѣщаніи Брабантскаго совѣта, при эрцгерцогинѣ Изабеллѣ, въ 1628 году было определено, чтобы булла *in coena Domini* никогда не была принимаема въ Бельгіи. Правительство формально запретило ее въ 1759 году, и въ томъ-же году запрещено было богословіе Денса, какъ искаженное положеніями, противными гражданской власти, что однако-же не помѣшало Феллеру снова напечатать его съ примѣчаніями. Десять лѣтъ спустя, правительство обнародовало въ Левенѣ книгу подъ названіемъ *Сокращенное ученіе*, по которой экзаменовали всѣхъ домогавшихся богословскихъ степеней. Это ученіе было тождественнымъ съ ученіемъ галликанской церкви, и

было преподаваемо въ Вюрцбургѣ Бартелемъ, въ Страсбургѣ Цальвейномъ, въ Боннѣ Шпицемъ, въ Трирѣ Неллеромъ, въ Майнсѣ Вурдвейномъ.

Въ небольшомъ числѣ профессоровъ, оставшихся вѣрными добрымъ началамъ, помѣщаются Бишона, доктора богословія, подъ руководствомъ котораго воспитывался Іосифъ Ле-Платъ, обнаруживавшій огромныя способности. Ле-Платъ, занявшій въ 1775 г. катедру каноническаго права и посвятивши себя спеціальному изученію церковныхъ древностей, противопоставилъ опредѣленіямъ Испдора, Граціана, Григорія VII правила, намѣченныя древними канонами, развивалъ начала и указывалъ слѣдствія галликанскихъ вольностей. Но онъ оттолкнулъ отъ себя любовь, частію раскрытіемъ истинъ, бывшихъ новостию въ глазахъ невѣждъ, частію переводами, отличававшимися произволомъ, и, быть можетъ, нѣкоторою нескромностию, осмѣяніемъ монастырскихъ и всякихъ другихъ злоупотребленій. Въ его полемическихъ сочиненіяхъ очень часто разумный доводъ принимаетъ тонъ насмѣшки. Найдете ли вы, говоритъ онъ напримѣръ, что-нибудь болѣе удивительнымъ, чѣмъ ложныя декреталія, индексы и пиквизиція?

Онъ подарилъ превосходное изданіе Тридентскаго собора, съ пятью томами мемуаровъ, болышею частію неизданныхъ, о засѣданіяхъ этого собора, подъ названіемъ *Monimenta consilii Tridentini*; онъ перепечаталъ съ новыми статьями и примѣчаніями различныя произведенія Штокмана и Ванъ-Эспана, равно какъ и каноническія изданія Риггера и Пехема, которыя онъ избралъ текстомъ своихъ академическихъ курсовъ.

Лекціи Ле-Плата, а также Марана, профессора церковной исторіи, основанныя на правилахъ первенствующей церкви, возвратили бы университету его древнее просвѣщеніе, еслибы не вызвали враждебнаго шума ультрамонтановъ, и вскорѣ потомъ не были заглушены политическими смутами. *Ex*-сенаторъ Ламбрехтъ, въ бытность свою профессоромъ гражданскаго и каноническаго права, тоже сообщалъ своимъ слушателямъ все, что могло бы предохранить ихъ отъ притязаній Римскаго двора. Ле-Плата

укоряли въ томъ, что онъ преподавалъ по Пехему; въ оправданіе свое онъ спрашивалъ: уже-ли для того, чтобы быть католикомъ въ Левенскомъ университетѣ, надобно преподавать не то, что преподаютъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ Пехемъ самъ преподавалъ по своей книгѣ.

Ле-Платъ требовалъ возвращенія гражданской власти права опредѣленія причинъ, ведущихъ къ расторженію брака. Мазьеръ и Маранъ тоже поддерживали права гражданской власти въ дѣлѣ заключенія брачнаго контракта, признавая въ то же время бракъ церковнымъ таинствомъ; этого же ученія держались и всѣ профессоры правъ. Профессоръ Ванъ-де-Вельдъ оспаривалъ его въ своихъ тезисахъ. Сотоварищи Вельда постарались опровергнуть его съ превосходствомъ таланта; но тезисы разозлили его противниковъ и этимъ разсердили ихъ еще больше; а это заставило Марана поднять споръ другаго рода.

Говоря объ успеніи Пресвятой Дѣвы и признавая достовѣрность Ея прославленія, Маранъ утверждалъ, что ученіе о *тѣлесномъ взятіи Ея на небо* (assomption corporelle) есть благочестивое вѣрованіе, а не догматъ. Тотчасъ-же возникъ странный ропотъ между сообщниками невѣжества; Марана называли несторіаниномъ, лютераниномъ, кальвинистомъ; ему расточали и другія болѣе ненавистныя названія. Архіепископъ, съ цѣлію, безъ сомнѣнія, усилить этотъ шумъ, прибылъ въ Левенъ произнести нѣчто въ родѣ слова, исполненнаго очевидной брани противъ профессора. Маранъ, слишкомъ далекій отъ того, чтобы отвергать или уменьшать достоинства Пресвятой Дѣвы, не отрицалъ и тѣлеснаго взятія Ея на небо; но отказался признать это членомъ вѣры, потому что объ этомъ ничего не открыто въ Св. Писаніи. Въместѣ съ этимъ, наведши справки на пространствахъ всѣхъ христіанскихъ вѣбовъ, пересмотрѣвши всѣ памятники Церкви восточной и западной, онъ доказалъ, что Григорій Турскій первый упоминаетъ о тѣлесномъ взятіи Ея на небо. Хотя въ наши дни, говорилъ онъ, это вѣрованіе стало всеобщимъ въ Римской церкви, но писатели мартирологовъ большею

частію, а въ числѣ ихъ Адонъ и Усвартъ, а также наибольшая часть служебниковъ Римскаго духовенства и другія литургическія сочиненія именуютъ праздниѣ Успенія слѣдующими названіями: *прехожденіе* (transitus), *успеніемъ* (dormitio), *отложеніемъ тѣла* (depositio).

Въ 1782 году, Іосифъ II запретилъ учить о личной папской непогрѣшимости, о верховенствѣ папъ надъ вселенскими соборами, о необходимости апелляцій въ Римъ. Въ слѣдующемъ году онъ уничтожилъ судебную нунціатуру въ Брюсселѣ. За этой реформой послѣдовали многія другія.

Закрытіе многочисленныхъ религіозныхъ союзовъ (maisons), обращеніе ихъ доходовъ на предметы общественной пользы, множество постановленій въ отношеніи къ формамъ виѣшняго богопочтенія, все это произвело ропотъ. Императоръ, учредившій въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ общественныя семинаріи, хотѣлъ примѣнить подобный-же планъ и къ Бельгій и объявилъ въ 1784 году, для всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ воспитанниковъ этой страны, учрежденіе главной семинаріи въ Левенѣ, вмѣстѣ съ дополнительной или вспомогательной семинаріей въ Люксембургѣ. Несмотря почти на всеобщее недовольство, множество воспитанниковъ собралось въ эти мѣста; но вскорѣ послѣ этого, когда императоръ обнародовалъ проектъ великихъ перемѣнъ въ гражданской администраціи и судебномъ институтѣ, когда стали подкапываться подъ всѣ основы древней конституціи, принятой въ Бельгій, онъ вызвалъ со всѣхъ сторонъ всеобщій ропотъ, которымъ духовенство искусно воспользовалось для воспрепятствованія введенію церковныхъ реформъ.

Тогда нежеланіе епископовъ и монаховъ посылать своихъ воспитанниковъ въ общую семинарію перешло въ сопротивленіе, особенно со стороны архіепископа Мехельнскаго, руководимаго своимъ секретаремъ Дюввьсромъ. А епископъ Антверпенскій Нелісъ, измыслившій свой планъ семинаріи, чрезъ это самое сталъ противникомъ, хотя и весьма умѣреннымъ, правительственной семинаріи. Лобовичъ, епископъ Гентскій, находившій прежде

смѣшнымъ сопротивленіе своихъ собратій открытію этого учрежденія, и самъ, наконецъ, примкнулъ къ ихъ партіи. Епископъ Эйпернскій Арбергъ осудилъ сочиненія Пехема, съ тѣмъ, чтобы этимъ подвергнуть порицанію университетъ, въ которомъ сочиненія его признаны были классическими; а нѣсколько дней спустя признался, что никогда не читалъ ихъ. Этому же примѣру послѣдовалъ епископъ Брюгскій. Изъ этой конфедераціи, возставшей противъ правительственной семинаріи, надобно исключить лишь епископа Дорникскаго Сальмъ-Сальма, ставшаго вслѣдъ затѣмъ архіепископомъ Пражскимъ.

Враги съ искусствомъ возставали противъ семинарскаго обученія, называя его еретическимъ, а также порицали Штегера,—директора, присланнаго изъ Вѣны, гдѣ онъ долгое время преподавалъ богословіе. Собранные отовсюду воспитанники большаго частію оставили заведеніе, а епископы отказались посылать въ него другихъ. Іосифъ вынужденъ былъ объявить епископамъ, что каждый изъ нихъ можетъ имѣть въ Левенѣ, по своему избранію, священника для наблюденія за преподаваніемъ, и Штегеръ, директоръ семинаріи, съ своей стороны, тоже призывался къ этому наблюденію.

Императоръ далъ архіепископу предписаніе посѣтить Левенъ для изслѣдованія дѣла обученія и для убѣжденія въ правильности его. Архіепископъ прибылъ туда; но вмѣсто экзамена воспитанниковъ, онъ учредилъ надъ профессорами нѣчто въ родѣ инвизиціи и кончилъ осужденіемъ ихъ ученія; свой репортъ объ этомъ онъ подвѣрилъ неодобреніемъ папы и всѣхъ епископовъ бельгійскихъ.

Тогда императоръ пригласилъ архіепископа въ Вѣну, куда онъ прибылъ только послѣ повторенныхъ приказаній; послѣ изслѣдованія ученія, преподаваемаго въ этомъ городѣ, тождественнаго съ ученіемъ въ Левенѣ, архіепископъ представилъ Іосифу II декларацію за своею подписью о томъ, что онъ признаетъ вѣнское ученіе православнымъ. Но возвратившись въ Бельгію и нашедши свою страну въ величайшемъ возбужденіи, непостоянный прелать

перемѣнилъ свои рѣчи и присоединился къ недовольному духовенству.

Страна была наводнена памфлетами. Смуту трубилъ преимущественно Фелеръ, редакторъ *Люксембургскаго журнала*.

Благородное сословіе въ этой странѣ, какъ почти повсюду (на Западѣ), шедшее по теченію измѣнчивыхъ интересовъ и объявлявшее себя другомъ то трона, то алтаря, то государя, то народа, на этотъ разъ вступило въ союзъ съ духовенствомъ; оно смѣшалось государственную конституцію, на которую дѣйствительно нападали, съ религіею, на которую никто не нападалъ. Умы были раздражены пастырскими посланіями прелатовъ. Въ посланіи епископа Эйперскаго, 17 декабря 1789 года, можно было читать: „небольшое число доблестныхъ Брабансонцевъ отказались отъ повинности государю, который нарушилъ свои обязательства въ отношеніи къ народу и пр.“, и вслѣдъ за этимъ епископъ приказалъ совершить торжественный молебенъ (Te Deum) въ благодарность за ихъ побѣды. Вмѣстѣ съ этимъ возмутители, не допуская ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинности политическаго догмата о верховенствѣ народа, по подражанію прелату Эйперскаго, стали провозглашать этотъ догматъ въ брошюрахъ; его твердили въ церквахъ, примѣшивая въ тоже время возгласы противъ Іосифа II и противъ семинаріи. Буленжеръ, приходскій священникъ при церкви Гаврскаго св. Николая въ Монсѣ, говорилъ въ своей печатной проповѣди, „что въ Левенскомъ университетѣ преподаваніе богословія ввѣрено людямъ, обязаннымъ распространять ереси въ дистиллированномъ видѣ“.

Между сочиненіями, обнародованными въ эти бурныя времена, надобно указать на *Философскія замѣчанія въ отношеніи къ основнымъ началамъ, принятымъ императоромъ въ церковныхъ дѣлахъ*. Сочиненіе это отличается крайнимъ либерализмомъ.

Во всѣхъ мѣстахъ съ аффектаціею совершали литургіи *противъ гонителей церкви*, возмущали совѣсть, совершали процессы, увѣряя, что вѣра находится въ опасности; что Іосифъ II еретикъ и хочетъ перемѣнить религію (въ народѣ). Такъ именно

говорили монахи: августинцы, капуцины, доминиканцы и пр. Нѣкоторые фанатическіе священники доходили даже до того, что проклинали роялистовъ до третьяго поколѣнія. Вскорѣ послѣ этого императоръ былъ объявленъ лишеннымъ царствованія и бельгійцы были разрѣшены отъ вѣрноподданнической присяги.

Премонстрантскій аббатъ Тонгерло, взбунтовавшій войска, объявилъ себя полковникомъ и обнародовалъ нѣчто въ родѣ манифеста, начинавшагося слѣдующими словами: „Готфридъ, Божіею милостію аббатъ въ Тонгерло, главный духовникъ (spirituel) войскъ, взявшихся за оружіе и пр., всѣмъ офицерамъ, поручикамъ и пр.“ Онъ напоминаетъ имъ о первыхъ успѣхахъ и скорбитъ о ихъ недѣятельности. Говорятъ, онъ получилъ отъ Рима званіе главнаго священника съ полномочіемъ въ духовныхъ дѣлахъ надъ полковыми священниками различныхъ полковъ.

Иосифъ II, желая успокоить бельгійцевъ, принужденъ былъ отмѣнить свои эдикты и просилъ римскаго посредничества въ этомъ дѣлѣ. Папа Пій VI изготвилъ 23 января 1768 года посланіе къ архіепископу Мехельнскому и къ другимъ бельгійскимъ епископамъ, съ увѣщаніемъ привести ихъ епархіи въ повиновеніе императору. Но посланіе не произвело желаннаго дѣйствія. Иосифъ II умеръ въ 1790 году.

Такимъ-то образомъ либерализмъ возникъ въ Бельгіи одновременно съ ультрамонтанствомъ; тотъ и другой шли своимъ путемъ. Въ настоящее время либералы и ультрамонтаны ведутъ борьбу другъ съ другомъ. Ультрамонтаны ослабѣли; но восторжествуетъ ли ультрамонтанство или либерализмъ, тѣмъ не менѣе православіе умерло въ этой странѣ, а съ нимъ погибъ и духъ истинной религіозности.

XI.

Даже въ странахъ, на которыя панизмъ оказалъ самое сильное вліяніе, прибѣгали къ помощи принятаго во Франціи церковнаго ученія, чтобы спасти отъ панства нѣкоторые остатки православія.

Именно это случилось въ Португаліи.

Португалія и Испанія представляютъ намъ двѣ сосѣднія страны, иногда соединенныя, чаще же всего разъединенныя, которыя въ различныя эпохи находились во всеѣхъ фазисахъ дружбы, сопернованія, соперничества и взаимной ненависти. Тождество религій, а также внушаемое и заповѣдуемое этою религіею милосердіе всегда составляли нѣкотораго рода противовѣсъ роковому раздѣленію этихъ странъ, и духовенство обѣихъ странъ почти всегда держалось однихъ и тѣхъ-же правилъ. На соборѣ Тридентскомъ, португальскіе прелаты старались постановить рѣшеніе о верховенствѣ собора надъ папою. Вареоломей Мартиръ настаивалъ на возвращеніи епископамъ полного пользованія ихъ властію. Если онъ заблуждался, одобряя въ своихъ сочиненіяхъ инквизицію, то это заблужденіе составляетъ единственное пятно, которое можно замѣтить въ жизни этого славнаго архіерея.

Съ началомъ португальской монархіи въ XII столѣтіи, распространеніе ультрамонтанскихъ правилъ дало церковно-служителямъ средства оказывать безграничное вліяніе на гражданскіе порядки. Альфонсъ I объявилъ себя вассаломъ святаго престола. Санчо I, его сынъ, называлъ папу владыкою своего тѣла и своей души. При Альфонсѣ II, Сеиро, доминиканскій настоятель, имѣлъ дерзость составлять и обнародовать распоряженія, противоположныя распоряженіямъ короля. Альфонсъ III, которому папа Григорій X угрожалъ отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ, согласился вести государственныя дѣла только по совѣту прелатовъ. Церковная юрисдикція усилилась, наконецъ, до такой степени, что Альфонсъ IV увидѣлъ себя въ необходимости ограничить ее. Педро I и Іоаннъ I постановили, чтобы акты, издаваемые Римомъ, были обнародованы въ Португаліи только по опредѣленію королевскаго *placet*. Самъ папа Иннокентій VIII признавалъ это право; и когда Іоаннъ II, безъ сомнѣнія изъ учтивости, согласился, чтобы акты, издаваемые папою, были распространяемы въ его царствѣ безъ предварительнаго министерскаго разсмотрѣнія, то публицисты и богословы горько жаловались на эту предосудительную уступку въ отношеніи къ государствен-

нымъ интересамъ. Необходимость королевскаго *placet*, снова предписанная въ 1765 и 1770 годахъ, всегда была тщательно сохраняема. Всѣ усилія нунція помѣшать разсмотрѣнію королевскимъ совѣтомъ папскаго посланія *super soliditate* противъ Эйбеля и папской буллы *auctorem fidei* противъ епископа Пистой обазались ничтожными.

Въ 1640 году, Португалія свергла съ себя иго Испаніи, угнетавшее ее въ теченіи шестидесяти лѣтъ, и избрала своимъ королемъ потомка изъ дома Браганскаго. Іоаннь IV назначилъ епископовъ на вакантныя мѣста; но Урбанъ VIII и Иннокентій X отказали имъ въ ставленныхъ буллахъ. Король отправилъ посланникомъ въ Римъ одного епископа, которому однакоже кастильскій заговоръ помѣшалъ быть принятымъ и котораго заговорщики пытались даже умертвить. Послѣ годичныхъ бесполезныхъ усилій этотъ посланникъ былъ замѣненъ Монтеиро, назначеннымъ быть епископомъ въ Портъ-а-Легро. Ему было поручено представить папѣ, вмѣстѣ съ вѣрительными грамотами, письмо португальскаго духовенства, въ каковомъ письмѣ говорилось, что народъ скорбитъ объ отказѣ папскаго милосердія въ отношеніи къ тому, что принадлежитъ духовенству по закону правды. Тогда Римъ рѣшился поискать средствъ для избѣжанія ссоры съ Кастильскимъ (испанскимъ) дворомъ.

Предложено было много плановъ; нѣкоторые кардиналы полагали поставлять на епископскія кафедры двухъ епископовъ, одного по представленію испанскаго короля, а другаго—португальскаго. Думали основаться въ этомъ отношеніи на примѣрѣ Августина и Валерія и ссылались на Беллямара, который въ своихъ (каноническихъ) толкованіяхъ полагаетъ, что епископскій престолъ можетъ быть занимаемъ двумя епископами. Другіе совѣтовали самому папѣ принять мѣры въ отношеніи въ замѣщенію епископскихъ мѣстъ по своему собственному рѣшенію, *motu proprio*. Посланникъ заявилъ, что подобное несправедливое рѣшеніе было-бы равносильно отверженію власти Іоанна IV. Были предложены и другія уклончивыя мѣры и всегда были внушаемы

опасеніемъ оскорбить Испанію, которой посланникъ подкупилъ даже убійць для умерщвленія Монтеиро. На Монтеиро сдѣлано было нападеніе, хотя и неудачно; впрочемъ, одинъ изъ его слугъ былъ лишенъ жизни. Папа, приведенный въ негодованіе этимъ поступкомъ, приказалъ судить и осудить убійць; но приверженцы Испаніи облегчили имъ побѣгъ. Монтеиро самъ огласилъ подробности этого преступленія въ своемъ донесеніи. Вскорѣ затѣмъ онъ возвратился въ Лиссабонъ, а на его мѣсто послали италіянца, по имени Батолини, который, прибывши въ Римъ, получилъ отъ папы запрещеніе возвращаться въ Португалію. Четвертый посланникъ, позванный тремя королевскими указами, потерялъ три года въ напрасныхъ домогательствахъ, безъ всякаго успѣха. Его замѣнили португальскимъ посломъ во Франціи; но и онъ, прибывши къ своему посту, тоже не добился папской аудіенціи.

Между тѣмъ въ Римѣ появилось небольшое сочиненіе съ цѣлію доказать, что папа не обязанъ утверждать епископовъ, назначаемыхъ португальскимъ королемъ. Но плохонькое сочиненіице это подверглось тѣмъ болѣе скорѣйшему забвенію, что въ это же время было издано на португальскомъ и латинскомъ языкахъ произведеніе, признанное на всегда славнымъ. Оно озаглавляется: *Validos das igrejas* и пр. *Balatus ovium*, или вопль португальскихъ церквей къ верховному первосвященнику Иннокентію X.

Въ этомъ сочиненіи три государственныхя сословія излагаютъ предъ папою плачевное состояніе церквей въ различныхъ частяхъ свѣта португальскихъ владѣній: двадцать шесть епископскихъ кафедръ остаются вакантными, изъ нихъ тринадцать въ европейской Португаліи имѣютъ только одного епископа, именно въ Эльвазѣ. Въ сочиненіи говорится далѣе, что викарій Іисуса Христа „подобенъ равноденственному солнцу, освѣщающему всѣ страны; но подобно тому какъ послѣ двѣнадцати лунныхъ ночей часто случаются преступленія, такъ много безпорядковъ и бѣдствій „слѣдуетъ за вдовствомъ многихъ церквей, вдовствомъ двѣнадцати- „лѣтнимъ, въ теченіи каковаго времени напрасно старались село- „нить папу снизойти въ желанію португальскаго народа“.

Сочиненіе, какъ очевидно, носить на себѣ отпечатокъ господствовавшаго тогда вкуса. Его можно упрекнуть еще въ слишкомъ схоластической учености; но эти недостатки обильно распределены въ сочиненіи по требованію методическаго теченія мыслей, и самыя мысли подтверждаются доказательствами, не допускающими возраженій.

Португалія не проситъ у Рима признанія ея политическихъ правъ, ни утвержденія званія монарха, принятаго Іоанномъ IV. Если папы непосредственно отъ Іисуса Христа получаютъ свою власть, то „короли получаютъ ее отъ своихъ подданныхъ, которыхъ Богъ сотворилъ свободными и которымъ даровалъ право избирать себѣ вождя. Никогда болѣе не повинуются церкви, никогда болѣе не хранятъ католическую религію, какъ тогда, когда обѣ власти удерживаютъ себя во взаимныхъ границахъ“. Невѣрный турокъ шлетъ своего посланника въ Римъ и этотъ посланникъ бываетъ принятъ, между тѣмъ какъ посланника католическаго короля не принимаютъ. Если этотъ король похититель власти, то очевидно не боится церковнаго отлученія; если-же онъ имѣетъ законныя права на эту власть, то тоже не имѣетъ никакихъ причинъ бояться. Но только что установленныя нами начала доказываютъ законность его власти. Въ первые вѣка христіанской эры, вѣрующіе, составляя не націю, а только часть общества, не оспаривали правъ похитителей престола: сообразно съ заповѣдію Спасителя, изображеніе на монетѣ означало для нихъ того, кому они должны были повиноваться. Такова-же была практика и римской церкви; когда посланные императора Фридриха III жаловались папѣ Пію II на то, что онъ не признаетъ Матвѣя Корвина, короля Венгерскаго, то папа отвѣчалъ имъ: „апостольскій престолъ держится обыкновенія признавать государемъ того, кто царствуетъ“.

Итакъ, государственныя сословія не просятъ у папы признанія законности Іоанна IV; они просятъ только, чтобы папа далъ нареченнымъ королемъ епископамъ ставленныя буллы, въ которыхъ папа до сихъ поръ отказывалъ, такъ какъ Римъ боялся

кастильскаго могущества. Право имѣть епископовъ есть право Божественное; право-же утвержденія ихъ есть право человѣческое; послѣднее право не можетъ отмѣнить перваго; и при столкновеніяхъ человѣческое право должно уступить ему, безъ чего Іисусъ Христосъ не могъ бы достаточно удовлетворять нуждамъ Своей Церкви. Этотъ неопровержимый аргументъ проводится подъ различными формами во всемъ сочиненіи. Папа, говорится еще въ этомъ сочиненіи, болѣе обязанъ давать епископовъ, чѣмъ король просить ихъ у него. Власть главы церкви ему вручена для созиданія, а не для разрушенія церкви. Его качество отца всѣхъ вѣрующихъ должно исключать мысль о предпочтеніяхъ однихъ предъ другими; если-же онъ оказываетъ преимущественную отеческую любовь къ Испаніи, то Португалія не обязана поэтому являть ему болѣе сильную и болѣе почтительную сыновнюю любовь. Епископы получаютъ свою юрисдикцію или отъ Іисуса Христа, или отъ папы. Если отъ Іисуса Христа, то папа не можетъ прекращать сообщенія этой юрисдикціи; если-же отъ папы, то папа долженъ сообщать ее; но папа не можетъ быть призванъ источникомъ этой юрисдикціи. Св. Павелъ прямо говоритъ, что онъ получилъ свои права отъ Того, Кто сказалъ своимъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ преемникамъ ихъ: „Какъ послалъ Меня Отець, и Я посылаю васъ; грѣхи отпустятся тѣмъ, которымъ вы отпустите; и удержатся, которымъ вы удержите“. На основаніи этихъ текстовъ, государственныя сословія заключаютъ, что, слѣдуя наиболѣе принятому мнѣнію, самое посвященіе сообщаетъ уже епископамъ полную власть, а утвержденіе при этомъ не необходимо, и что епископская юрисдикція получается непосредственно отъ Іисуса Христа. Стараются опровергнуть это мнѣніе, говоря, что титулярные епископы не имѣютъ никакой юрисдикціи; въ отвѣтъ на это можно сказать, что они не имѣютъ ее только случайно, *ex defectu designationis et applicatioms* (по недостатку распоряженія и примѣненія), и что власть ихъ становится дѣйствительною со времени врученія имъ словеснаго стада для управленія.

Новое доказательство въ подтвержденіе этой-же мысли извлекается изъ общепринятаго на Западѣ обыкновенія, по которому кафедральные канитулы, и вслѣдъ за ихъ согласіемъ—нареченные, но еще не посвященные епископы совершаютъ всѣ юридическія дѣйствія, за исключеніемъ поставленія на церковныя должности, котораго они еще не получили. Въ подтвержденіе этого положенія, сочиненіе цитируетъ огромное число богословскихъ свидѣтельствъ и множество фактовъ, заимствованныхъ въ различныхъ католическихъ странахъ, преимущественно-же изъ аналоговъ португальской церкви.

Папа предлагаетъ поставленіе епископовъ собственною властію *motu proprio*; но отказъ въ ставленныхъ буллахъ тѣмъ, которыхъ представляетъ король, основывается лишь на политическихъ соображеніяхъ. Сочиненіе разсматриваетъ затѣмъ и другіе предлоги отказа, какъ напр. взносы, налагаемые на духовенство, и доказываетъ, что церковныя имущества, подобно другимъ имуществамъ, должны нести свою часть государственныхъ налоговъ.

Въ книгѣ говорится еще, что король совѣтовался съ университетами, какъ отечественными, такъ и иностранными. И надобно сожалѣть, что не напечатали ихъ отвѣтовъ въ полномъ видѣ, а представили лишь анализъ этихъ отвѣтовъ; университеты подаютъ различные совѣты, какъ-то: ничего не платить Риму, собрать національный соборъ, учредить патриархатъ для управленія португальскою церковію, въ виду того, что нужда не знаетъ закона. При этомъ встрѣчаются съ вопросомъ, необходимо-ли папское утвержденіе (*confirmation*) для епископовъ, и вопросъ рѣшаютъ въ отрицательномъ смыслѣ на основаніи историческихъ фактовъ и обыкновенія первенствующей церкви относительно избранія и посвященія епископовъ, что совѣтуютъ возобновить и теперь.

Намъ казалось необходимымъ представить въ краткомъ очеркѣ весь планъ этого сочиненія, признаваемого славнымъ памятникомъ въ лѣтописяхъ церкви и націи португальской.

Во время этихъ-то препирательствъ, въ 1648 году, два кану-

цина-миссіонера въ Конго, присланные въ Римъ королемъ этой страны, хлопотали о епископствѣ; папа хотѣлъ наречь ихъ, но португальскій посланникъ воспротивился этому, ссылаясь въ подтвержденіе справедливости своего сопротивленія на то, что Конго составляетъ первую колонію, завоеванную королемъ Португальскимъ.

Измаилъ Буилло, французскій священникъ, по предложенію португальскаго правительства, обнародовалъ въ пользу этой церкви два превосходныя сочиненія. Въ первомъ изъ нихъ онъ съ силою настаивалъ на формѣ избранія и поставленія епископовъ въ первенствующей церкви; этотъ столь простой и столь справедливый пріемъ доказательствъ всегда представляется весьма тягостнымъ для защитниковъ ультрамонтанскихъ притязаній. Въ числѣ многихъ соборовъ, усвоившихъ митрополиту право посвященія и утвержденія новоизбранныхъ епископовъ, Буилло справедливо ссылается на 12 правило Толедскаго собора въ 681 г. Но почему писатель забываетъ четвертое правило перваго вселенскаго Никейскаго собора, разрѣшающаго этотъ вопросъ столь ясно?

Переходя къ новѣйшимъ вѣкамъ, писатель предлагаетъ подражать тому, что сдѣлано въ Испаніи въ 1399 году, во время схизмы. Когда кастильянцы отказались отъ повиновенія Бенедикту XIII, Генрихъ III Кастильскій приказалъ архіепископамъ и епископамъ принять мѣры въ отношеніи къ вдовствовавшимъ церквамъ и замѣнить папу въ этомъ случаѣ. Франція поступила точно также въ 1408 году, когда три папы раздѣляли церковь.

Второе небольшое сочиненіе Буилло есть оригиналъ для письма, посланнаго 12 апрѣля 1651 года Іоанномъ IV къ французскимъ епископамъ, съ просьбою ходатайства ихъ предъ папою.

3-го числа того-же мѣсяца, португальскій посланникъ, по приказанію своего короля, прибылъ въ засѣданіе духовенства, собраннаго въ Парижѣ, и просилъ его совѣтовъ относительно папскаго отказа. Архіепископъ Эмбрюнскій, предѣдатель собранія, увѣрилъ посланника отъ лица этого собранія, что оно прини-

маеть живое участіе въ положеніи португальской церкви. „Какъ
„епископы, мы, сказаль онъ ему, вмѣстѣ съ св. Павломъ обяза-
„ны заботиться о пользахъ всѣхъ церквей: милосердіе, не зна-
„ющее границъ, побуждаетъ насъ позаботиться и о церкви пор-
„тугальской“.

Но прежде постановленія рѣшенія по этому поводу, засѣдав-
шее духовенство извѣстило португальскую королеву о сдѣлан-
номъ ему посланникомъ визитѣ, и королева выразила новыя на-
стоятельныя желанія, чтобы собраніе духовенства помогло окон-
чить это разногласіе. Получивши этотъ отвѣтъ, собраніе рѣши-
ло: „написать папѣ рекомендательныя письма, умоляя его свя-
„тѣйшество прекратить бѣдствія, переносимыя португальскою
„церковію и даровать ей епископовъ. Если-же его святѣйшество
„будеть настаивать на отказѣ епископскаго утвержденія и такъ
„какъ собраніе готово уже разойтись, то оно приказываетъ по-
„вѣренными своимъ просить преосвященныхъ епископовъ, состо-
„ящихъ въ свитѣ французскаго двора, собраться самимъ для по-
„становленія рѣшенія, какое они найдутъ приличнымъ въ отно-
„шеніи къ этому обстоятельству“.

Упорство римскаго двора продолжалось до 1668 года и во все
время проистекало лишь изъ опасенія ссоры съ Испанією. Въ
теченіе двадцати восьми лѣтъ раздавались безплодныя жалобы
португальской церкви, и священный интересъ религіи былъ под-
чиненъ соображеніямъ мірской политики, которая, уступая на-
стойчивымъ домогательствамъ, только перемѣняла свою тактику.

Въ 1728 году, новая ссора между двумя дворами Римскимъ и
Лисабонскимъ побудила этотъ послѣдній дворъ принять нѣкото-
рыя суровыя рѣшенія, какъ-то: отозваніе португальцевъ, жив-
шихъ въ Палсской области, приказаніе палскимъ подданнымъ въ
Португаліи въ восемь дней оставить королевство, запрещеніе
португальцамъ, *подъ страхомъ лишенія жизни*, вести переписку
съ Римомъ. Но эта буря была мимолетной; болѣе жестокая буря
разразилась въ 1760 году, когда Португалія изгнала іезуитовъ,
изъ которыхъ нѣкоторые были замѣшаны въ покушеніи на жизнь

короля Іосифа. Нунцій былъ арестованъ, и потомъ выпровожденъ за границу королевства, съ запрещеніемъ возвращаться въ Португалію.

При невозможности получить отъ Рима утвержденіе новопоставляемыхъ епископовъ, надобно было принять мѣры для доставленія этого права утвержденія самому енархіальному правительству. Наука пришла на помощь благочестію, а церковныя правила, намѣченныя древнею дисциплиною, съ ясностію доказали, что дурныя вѣрованія напрасно стараются затемнить ихъ. Возобновленіе тѣхъ-же самыхъ бѣдствій, которыя столѣтіемъ прежде огорчали страну, вызвало употребленіе и тѣхъ-же самыхъ лекарствъ.

Архіепископъ Эворскій первый переступилъ преграду, удерживавшую другихъ епископовъ, въ дѣлѣ сообщенія разрѣшеній, для полученія которыхъ имѣли обыкновеніе обращаться къ Риму. 22 февраля 1767 года, онъ устранилъ препятствіе, встрѣтившееся при бракѣ графа Вимейро съ двоюродною сестрою донною Терезою Мело. Примѣру этого епископа послѣдовали другіе прелаты, которые, пользуясь случаемъ возвратить себѣ свои права, стали раздавать духовныя мѣста, остававшіяся вакантными съ 1760 года, безъ посредства Рима. Кардиналь-патріархъ Салдана, столь податливый до сихъ поръ давленію министра, одинъ лишь сталъ утверждать, что не имѣетъ права давать своимъ пасомымъ разрѣшенія на вступленіе въ браки, соединенныя съ препятствіями, а также не имѣетъ права разрѣшать употребленіе молочной пищи во время поста, безъ согласія папы. Его отказъ въ этомъ косвенно обвинялъ архіепископа Эворскаго, который при посредствѣ Іосифа Рикальда составилъ сочиненіе для доказательства, что онъ на законномъ основаніи воспользовался своими правами.

Въ 1760 году, лисабонская печать выпустила въ свѣтъ сочиненіе in-folio, подъ названіемъ: *Doctrina veteris Ecclesiae*. Въ этомъ *Ученіи древней церкви* авторъ находитъ четыре члена галликанской церкви и подтверждаетъ ихъ новыми доказатель-

ствами. Нѣсколько лѣтъ спустя, докторъ Антоній Рибейра обнаружилъ разсужденіе *О священствѣ и имперіи*, написанныя въ томъ же духѣ. Занятіе богословскими науками, оживленное во всѣхъ частяхъ Португаліи, приняло теперь новую жизнь въ монастыряхъ, семинаріяхъ и преимущественно въ университетѣ Коимбрскомъ.

(Окончаніе будетъ).

Проповѣдническая дѣятельность Василя Михайловича Дроздова

(въ послѣдствіи Филарета, митрополита Московскаго) 1803—1808 г.г.

(Окончаніе *).

Побуждаемый митрополитомъ Платономъ къ поступленію въ монашество, В. М. Дроздовъ отъ 16 февраля 1806 г. писалъ своему отцу: „Обстоятельство, въ которомъ нуженъ Вамъ совѣтъ,— пишетъ Дроздовъ своему родителю отъ 16 февраля 1806 года,— есть то, что мнѣ совѣтуютъ избрать такой родъ жизни, въ которомъ были бы единственнымъ предметомъ науки.... Изъ предъидущаго Вы можете видѣть, отъ кого это происходитъ“. **) Монашество—Платонъ зналъ это по собственному опыту—было наиболѣе удобнымъ путемъ къ полному раскрытію талантовъ молодаго проповѣдника и потому не усумнился предложить ему избраніе этого именно пути. А между тѣмъ, какъ и въ душѣ Дроздова созрѣвала мысль о монашествѣ, и тѣлесныя силы его созрѣвали для подъятія иноческаго подвига (въ то время ему было только еще 23 года), Платонъ принималъ и другія отечески-воспитательныя мѣры въ тѣхъ-же цѣляхъ. Онъ рѣшилъ дать большій просторъ, болѣе широкое приложене, а вмѣстѣ и упражненіе далеко не зауряднымъ дарованіямъ молодаго учителя: задумалъ сдѣлать его проповѣдникомъ при Лаврѣ, повысивъ и въ учительской должности переводомъ его съ класса языковъ на классъ поэзіи. Въ этихъ видахъ онъ захотѣлъ, ближе всего, еще испытать проповѣдническія силы Дроздова, нарочито для сего назначивъ ему составить и про-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 3.

**) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 73. „Предъидущее“—уже извѣстное намъ сообщеніе о подаркѣ Платона Дроздову по случаю проповѣди послѣдняго.

изнести проповѣдь на Великій Пятокъ того же 1806 года. *) И Дроздовъ не убоился новаго опыта. Приложивъ особенное къ нему стараніе, въ виду самаго испытательнаго значенія его, онъ еще болѣе, еще глубже проникся сознаниемъ священнаго долга проповѣдника; а самый великій день, въ который ему назначено было произносить проповѣдь, еще выше поднялъ въ немъ духъ, еще сильнѣе возгрѣлъ въ немъ даръ слова благовѣствованія. Слово Дроздова на Великій Пятокъ еще болѣе замѣчательно, нежели слово на 12-е января. Оно дышетъ такимъ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, полно такихъ высокихъ и глубокихъ мыслей, да и въ стилистическомъ отношеніи такъ тщательно обработано, что сдѣлало бы честь и не такому молодому и начинавшему проповѣднику, какимъ былъ въ то время Дроздовъ. Чтобы полнѣе и цѣльнѣе было впечатлѣніе отъ этого слова, мы приводимъ его прямо въ цѣломъ видѣ, не раздробляя содержанія аналитическимъ разсмотрѣніемъ частей его **).

„*Совершишася* (Іоан. 19,30)—возопилъ Иисусъ на крестѣ, и возопилъ гласомъ велимъ, дабы онъ услышался въ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ; гласомъ, который расторгнулъ церковную завѣсу, чтобы показать прехожденіе законной сѣни; гласомъ, который потрясъ землю и прошелъ въ сердца горь каменныхъ, дабы въ тоже самое время проникнуть и, ежели сіе возможно всемогуществу,—смягчить каменное сердце ожесточеннаго народа. *Но одобель сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да не когда узрятъ очима, ушима, услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю я* (Иса. 6, 10),—жалуется Врачъ душъ и тѣлесъ.

*) Къ концу рукописнаго экземпляра этого слова, хранящагося въ библиотекѣ Моск. дух. академіи и принадлежавшаго нѣкогда Павлу, архіепископу черниговскому, приписано: „сіе слово сочинено по назначенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Платона, и было испытательное“.

**) Это слово было напечатано первоначально въ 1803 году вмѣстѣ съ словомъ на 12 января, по распоряженію Платона; затѣмъ перепечатано въ I томѣ сочиненій Филарета (стр. 121—127), изд. 1873 г. Выдержка изъ этого, какъ и изъ того слова сдѣланы также и въ „Исторіи Троице-лаврской семинаріи“, С. К. Смирнова, стр. 416—425.

„О Распятый! мы и въ отдаленіи многихъ вѣковъ слышимъ вопль Твой, видимъ язвы Твои—и оружіе скорби сердце наше проходить. *Совершишася!* но Искупитель проданъ, истина осуждена, святость поругана, *Богъ оставилъ Бога* (Матѳ. 27, 46). *Совершишася!* но благословеніе Израилево на дровѣхъ проклятія, но чаяніе языковъ умираетъ. *Совершишася!* но падшій человекъ вновь-падаетъ ниже прежняго—самоубійца дѣлается *Богоубійцею*. Какой ужасъ! Кажется, адъ радостно скрежещетъ, и гордый врагъ нашъ хочетъ увѣрить себя и своихъ единомышленниковъ, что *все совершилось*—значить *все погибло*.

„О Распятый! мы не соблазняемся о Тебѣ; мы съ учениками Твоими *глаголемъ Тя быти Христа* (Матѳ. 16, 16), *Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24); мы вѣруемъ, что Ты *глаголы живота вѣчнаго имали* (Іоан. 6, 68). Изцѣли словомъ Твоимъ рану Твоими ранами пронзенной души, а вмѣстѣ и загради уста глаголющихъ неправедная; научи насъ тайнѣхъ страданій Твоихъ; открой намъ, *какое великое дѣло, и для кого съ Твоею кончиною окончилось?*

„Христіане! Онъ не отвѣтствуетъ намъ болѣе. Уже Онъ *преклонъ главу, предаде духъ* (Іоан. 19, 30), какъ бы желая оставить насъ въ размышленіи при крестѣ и гробѣ Своемъ.

*Совершишася! *)*

„Не думайте, чтобы умирающая Премудрость оставила насъ въ невѣдѣніи о таинственномъ знаменованіи сего изреченія. Мы находимъ его пространное изъясненіе, начатое въ *книгѣ бытія человеческого* и оконченное въ *книгѣ жизни Іисусовой*. Чтеніе сихъ великихъ книгъ можетъ и должно занимать цѣлую жизнь: но нѣсколько строкъ изъ каждой достаточно вразумить насъ.

„Первая изъ сихъ книгъ подобна Іезекіилеву свитку, *въ немъ же написано бѣше рыданіе, и жалость, и горе;* (Іезек. 2, 10) или точнѣе, сей грозный свитокъ есть одинъ листъ оныя. Естественное положеніе племени Адамова заключаетъ въ себѣ не тольо *рыданіе*, но и отчаяніе, не токмо *жалость*, но и оже-

*) Такъ именно это основное изреченіе проповѣди поставлено въ ближайшемъ къ подлиннику изданіи 1806 года.

сточеніе, не токмо горе, но и погибель. *Помышляетъ* человѣкъ *прилежно на злая* (Быт. 6, 5); за симъ необходимо слѣдуетъ цѣлый потоць зла, который отъ мыслей распространяется на всѣ дѣла, поглощаетъ всѣ способности, и во вѣшнемъ даже состояніи ничего не производитъ, кромѣ опустошенія. Несчастный въ семъ бурномъ океанѣ теряетъ часто самое чувствованіе потерянныхъ совершенствъ. Не имѣя вещественнаго счастья, онъ приемлетъ за него призраки льстиваго воображенія. *Богатъ есмь, и обогатихся*, говоритъ онъ, хотя и природа, и законъ, и совѣсть обличаютъ его: *ты еси окаменъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ* (Апок. 3, 17). Сократимъ безконечное рукописаніе, которое вы не можете не знать, пиша въ немъ каждый свою участь слезами и кровію.—Зачинаться въ беззаконіяхъ, раждаться во грѣхахъ, жить среди страховъ смерти, умирать въ страхѣ жизни—*сія книга бытія чловѣка* (Быт. 5, 1)“.

„Можетъ-ли правосудный Богъ безъ пламеннаго гнѣва взирать на ежеминутнаго преступника? Можетъ-ли благій Творецъ съ хладнымъ пренебреженіемъ внимать стоны бѣдствующей твари? Правосудіе пробуждаетъ мстительные громы: благость удерживаетъ руку, готовую пустить ихъ. Милосердіе хочетъ подать страдалцу чашу спасенія: безчувственный сынъ погибели не терпитъ и напоминанія о врачеваніи лютой болѣзни своей. Есть-ли бы неограниченная Премудрость не знала средства согласить непостижимыя сіи противорѣчія, разрушающія гармонію созданій и союзъ ихъ съ своимъ Создателемъ; есть-ли бы не умѣла примирить—да, скажемъ человѣчески—Бога съ Богомъ, и потомъ Бога съ человѣкомъ: то бы никогда не было речено въ предвѣчномъ совѣтѣ: *сотворимъ чловѣка* (Быт. 1, 26). Въ планѣ бытія міра должно быть назначено *на-кибытіе* нравственнаго ничтожества—чловѣка“.

„Раскроемъ другую книгу, и прочтемъ чудесное событіе сего предопредѣленія. — *Книга родства Іисуса Христа* (Матѣ. 1, 1): Онъ есть Сынъ Божій, *сіяніе славы Отчи и образъ Ыпостаси Ёго* (Евр. 1, 3); Онъ есть сынъ человѣческой, *пріискренне пріобщицвойся плоти и крови* (Евр. 2, 14). Онъ Богъ, чтобъ имѣть силу понести на Себѣ немощи человѣческія; Онъ чловѣкъ, чтобъ содѣлать чловѣковъ *причастниками Божествен-*

наго естества (2 Петр. 1, 4). Онъ сынъ *Адамовъ*, дабы вторымъ быть Адамомъ новыхъ чадъ Божіихъ;—*Авраимовъ*, чтобы по образу Исаака представить Себя чистѣйшею, совершеннѣйшею жертвою Господу;—*Давидовъ*, чтобы наслѣдовать и возстановить царство благодати. Наконецъ, Онъ есть вѣчная любовь, низшедшая соединить съ собою отчужденныхъ отъ нея грѣхомъ смертныхъ, удовлетворивъ за нихъ Небесному Правосудію“.

„Такъ самое рожденіе Іисуса указываетъ на Его смерть. И какой величественный свѣтъ простирается надъ крестомъ, изъ сей точки зрѣнія разсматриваемымъ! Сіе титло, содержащее вину невиннаго сіи служители мстящихъ законовъ, сіе орудіе казни, все сіе произвольный страдалецъ собираетъ окрестъ себя для того, чтобы напомнить намъ опредѣленіе Вышняго судилища, которое исполняетъ земное неправосудіе, въ слѣпомъ невѣдѣніи водимое одною злобою. Сіи простертая руки объемлютъ и поддерживаютъ міръ надъ бездною, изрытою подъ нимъ его развратомъ. Сей угасающій взоръ еще испускаетъ лучъ милосердія, и, будучи устремленъ горѣ, тысящекратно повторяетъ молитву, не только за виновныхъ мучителей, но и еще болѣе за совинный человѣческій родъ возсылаемую: *Отче, отпусти имъ!* (Лук. 23, 34). Сія Божественная Кровь.... О любовь безконечная! одной капли ея довольно было-бы омыть наши беззаконія и угасить геенну нашу; а Ты проливаешь ее потоками! О милосердый даже до немилосердія, прости упрекамъ изумленной благодарности! Довольно, довольно! Или вѣтъ! проливай до истощанія сей неистощимый токъ блаженства, сію воду жизни!... Ахъ! я не знаю, что мнѣ дѣлать, плакать, или радоваться? Плакать-ли о Твоей смерти или радоваться о томъ въ ней безсмертіи? Не уже-ли довольно? У Креста Твоего *милость и истина срѣтостася*; у Гроба Твоего *правда и миръ облобызастася* (Псал. 84, 11). Совершишася!“

„ИскуПЛЕНІЕ проданнаго подъ грѣхъ совершено; безцѣнная цѣна заплачена за его свободу: но что, есть-ли неключимый рабъ любить свои оковы; есть-ли не имѣть и не хочетъ имѣть понятія о даруемой ему свободѣ?—Божія Сила и Божія Премудрость должна была преодолѣть сіе затрудненіе, — и о, чудо жестокости человѣческой!—въ немногіе дни Ходатай нашъ

преклонилъ Бога къ человѣку. Цѣлые годы неутомимыхъ трудовъ потребны Ему были для обращенія человѣка къ Богу: повидимому, легче было для Него положить предѣлъ вѣчной Вѣчнаго враждѣ, нежели ограничить дерзость праха, вихремъ непостоянства возметаемаго. За чистѣйшее ученіе, за примѣръ святѣйшей жизни, за поражающія знаменія, за безчисленные благодѣянія Онъ требовалъ вмѣсто благодарности одного согласія принять новое, величайшее благодѣяніе. Сими златыми оружіями, наконецъ, побѣдилъ Онъ невѣріе, и торжественно исповѣдался Отцу Своему: *Азъ прославиохъ Тя на земли; дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ: — явихъ имя Твое человекомъ* (Іоан. 17, 4, 6). Я напомнилъ Тебя забывшимъ о Тебѣ; проповѣдалъ имъ славу благодати Твоей, и вмѣсто именъ, коими земнородные доселѣ называли Тебя, и которыя приводили только ихъ въ трепеть, открылъ имъ сладкое имя *Отца*, которымъ Я даю имъ область призывать Тебя. Я достигъ цѣли Моего посольства. Совершишася!“

„Но, о Совершитель благодатнаго о насъ смотрѣнія! не для всѣхъ-ли человѣковъ Ты совершилъ его? Для чего-жъ еще не всѣ наслаждаются плодами Твоихъ подвиговъ? Ты явилъ имя Отца небеснаго: почто-же и нынѣ слишкомъ много такихъ, *уже древу рекоша: яко отецъ еси Ты; и камени: Ты мя родилъ еси* (Іерем. 2, 27)? Доколѣ, Господи, доколѣ?... Что я сказалъ?— Пусть такимъ образомъ вопрошаютъ тѣ, которымъ *слово крестное юродство есть* (1 Кор. 1, 18). Для чего толь наглымъ любопытствомъ хотѣтъ раздрать завѣсу непроницаемыхъ судебъ? *Нѣсть наше разумѣти времена и лѣта* (Дѣян. 1, 7): ваше есть-только желать любовію и молить духовнаго вертоградара, *да всѣ дивніи вѣтви прицвѣтятся къ плодоносному древу вѣры, да исполненіе языковъ увидятъ въ церковь, и весь Израиль спасется* (Рим. 11, 25, 26).“

„Обратимъ лучше заботливость нашу на самихъ себя. Для всѣхъ-ли насъ во всемъ пространствѣ совершилось велико дѣло Іисусово? Увы! и солнце не освѣщаетъ вдругъ всея земли; угрюмая ночь не стыдится ступать по его слѣдамъ и разстилать свои мраки въ мѣстахъ, имъ посѣщенныхъ. Самая глубокая тишина не есть прекращеніе бури, но только ея дѣй-

ствіе въ другихъ странахъ воздуха... Пусть бы одна только буря закрыла тучами солнце правды; пусть бы единожды пострадалъ и распялся Сынъ Божій: но тягчайшія страданія Его еще не кончились. Его апостоль и между чадами новаго Израиля видитъ изверговъ, *второе растинающихъ Его* (Евр. 6, 6). Паки оставленную добродѣтель окружаютъ противныя полчища. Паки въ жилищѣ благочестія чистая теплота ревности оскудѣваетъ; а суевѣріе и гоненіе *возметають* свой *огнь* (Лук. 22, 55), истребіемъ и плевелами питаемый. Паки робкое и вѣроломное сердце, страшась трудныхъ путей Іисуса, едва осмѣливается слѣдовать за нимъ издалека, и, при малѣйшей опасности отъ Его враговъ, или даже по одному стыду отъ Его поносителей, отрицается Его съ клятвою: *не знаю человека* (Матѳ. 26, 72). Тщетно Христовы *алекторы* на сихъ священныхъ мѣстахъ возглашаютъ жалостную пѣснь: она не извлекаетъ болѣе слезъ раскаянія; она проста и единообразна, какъ истина, и не трогаетъ искусственной чувствительности. Паки Святой предается нечестивому суду—суду неочищеннаго вѣроу разума. Новый Пилать, вмѣсто безпристрастнаго изслѣдованія, старается показать мнимую власть свою, представляя Его въ чужой одеждѣ и странномъ видѣ. Мятѣжь неистовыхъ страстей умножается; слабый оный судія слышитъ вопль: *растни Его!* (Іоан. 19, 15)—и, въ угожденіе звѣрству сей толпы и князю вѣка сего, отказывается далѣе защищать справедливость. Паки вѣнчаетъ Христа терніемъ—нѣга; напояетъ желчію и оцтомъ—невоздержаніе; жестокосердіе къ меньшимъ Его братіямъ—обнажаетъ Его, и заставляетъ алкать и жаждать; злоба источаетъ кровь Его; корыстолюбіе и грабительство—раздѣляютъ ризы Его; самолюбивое суемудріе и упорное невѣжество уже съ большимъ, нежели въ первомъ мученіи, терзаютъ самое тѣло Его на части; вольнодумство и невѣріе прободають Его сердце. И здѣсь все совершается, но совершается къ совершенному осужденію богоубійственнаго нечестія, а во благо, во спасеніе ничего не совершается! *Се лежитъ Сей* и по смерти Своей такъ, какъ прежде въ пеленахъ, не токмо на *возстаніе*, но и на *паденіе многимъ* (Лук. 2, 34),—многимъ, которые гонясь за высокоумными мечтаніями своими,

претыкаются о гробъ Его, и невозвратно въ преисподняя низвергаются.“

„Вы безопасны отъ сего преткновенія, слушатели! когда толь внимательно и внѣшнимъ и внутреннимъ окомъ разсматриваете гробъ сей; когда ваше сердце не распинаетъ Иисуса, но сраспинается Ему. Таковыя расположенія составляютъ славу настоящаго дня и ваше будущее блаженство. Нести крестъ самоотверженія и терпѣнія, восходить на самую высоту любви къ Божеству и человечеству, распинать плоть со страстями и похотьми, умирать міру, чтобы жить Богу—сіе есть стяжать все, что совершилъ Богочеловѣкъ; сіе даетъ право каждому подражателю Его при концѣ своего теченія и чувствовать и говорить: *совершилася*“.

„Совершитель нашего спасенія! соверши стопы наши во стезяхъ Твоихъ, Жизнь умершая! оживи насъ Тобою во вѣки! Аминь“.

Прибавьте къ тому, что сказано выше объ этой проповѣди, еще обстоятельства самаго произнесенія ея: настроеніе слушателей подъ впечатлѣніемъ печально-торжественнаго обряда перенесенія плащаницы изъ Трапезной Церкви въ Троицкій соборъ, съ пѣніемъ трогательныхъ церковныхъ при семь пѣсней, съ траурнымъ облаченіемъ монашествующей священнослужащей братіи и пр.; изображеніе Самаго лика Спасителя, лежащаго во гробѣ, на который указываетъ слушателямъ проповѣдникъ, чтобы глубже затронуть ихъ религіозное чувство при видѣ сего гроба и изображенія въ немъ Погребеннаго; несильный, но звучный и пріятный, оживленный внутреннимъ движеніемъ собственнаго религіознаго чувства, голосъ 23-лѣтняго проповѣдника, не высокаго ростомъ, но съ блестящими, исполненными силы и выраженія, глазами, съ энергическими, мѣняющимися соотвѣтственно теченію мыслей и ходу рѣчи тѣлодвиженіями и пр. и пр.,—и вы согласитесь, что „слово въ Великій Пятокъ“ должно было произвести сильное, потрясающее впечатлѣніе на слушателей, не только изъ простыхъ богомольцевъ, но и изъ образованныхъ между ними. Въ числѣ послѣднихъ въ особенности должно упомянуть начальствующихъ, учащихъ и учащихся въ Троицко-лаврской семинаріи, которые въ этотъ священный день всѣ собирались во-едино для

слушанія богослуженія и которые, зная, что „слово“ будетъ говорить уже извѣстный по проповѣди на 12-е января учитель Дроздовъ, безъ сомнѣнія, собрались въ Троицкій соборъ въ возможно полномъ составѣ. А выслушавъ „слово“, они не могли не отдать Дроздову пальму первенства передъ всѣми лаврскими проповѣдниками. По крайней мѣрѣ самъ Платонъ, какъ намъ кажется, былъ достаточнымъ выразителемъ общаго въ лаврѣ мнѣнія о Дроздовѣ, какъ проповѣдникѣ. Выслушавъ проповѣдь его на Великій Пятокъ, онъ,—по словамъ біографа его *И. М. Снегирева*,—„не обинулся при всѣхъ окружавшихъ его, съ прирожденною ему откровенностію и благодушіемъ, отдать ему первенство надъ собою въ проповѣданіи и сравнивалъ его съ Аванасіемъ Александрійскимъ“ *). И на рукописномъ экземплярѣ этой проповѣди надписалъ: „Prox, linguae hebraicae et graecae praeseptor! Prox, memento: prox! cum gnovimus te esse in Laurensi seminario principem graecorum“ **). Самъ проповѣдникъ, по обычаю, говоритъ скромнѣе о впечатлѣніи, произведенномъ его проповѣдію на Платона. „Его высокопреосвященство,—пишетъ онъ къ родителю своему отъ 11 мая 1806 года,—читалъ другую мою проповѣдь, говоренную по особенному его назначенію въ Великій Пятокъ, и удостоилъ ее одобренія. Между прочимъ сказалъ, что желалъ-бы сдѣлать меня проповѣдникомъ, и что онъ слышалъ и о вашемъ согласіи въ разсужденіи меня... Тогда-же получилъ я отъ него въ подарокъ два гранатовыхъ яблока“ ***). Такимъ образомъ, испытаніе кончилось блестяще, и съ началомъ слѣдующаго 1806—1807 учебнаго года мы уже видимъ Дроздова учителемъ поэзіи и проповѣдникомъ при лаврѣ ****). Хотя чрезъ это новое назначеніе и удвоились труды

*) Жизнь митрополита Платона, Ч. I, стр. 62.

**) То есть: „прекрасно, учитель еврейскаго и греческаго языка! прекрасно! замѣть: прекрасно! потому что мы знаемъ тебя за главнаго изъ проповѣдниковъ въ Лаврской семинаріи“. Такъ значится на экземплярѣ, принадлежащемъ племяннику митроп. Филарета, священнику Н. Н. Дроздову, о чемъ см. соч. Филарета, т. I, стр. 127 примѣч. Москва, 1873 года.—У *Снегирева* надпись передается проще: tu es princeps graecorum. (Жизнь митроп. Платона, ч. I, стр. 62).

***) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 75.

****) Самое утвержденіе Дроздова въ новой должности состоялось 30 августа 1806 г. См. послужной списокъ Филарета, приложенный къ 1 тому его сочиненій, изд. 1873 г.;—къ цитов. соч. *Н. В. Сушкова* и др.

Дроздова и еще болѣе, нежели прежде, онъ, какъ проповѣдникъ, ставилъ себя въ отвѣтственность передъ такимъ судіею, какимъ былъ Платонъ: однако такое назначеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ довѣрія къ молодому учителю со стороны Платона. Такъ именно понималъ это назначеніе свое и самъ В. М. Дроздовъ, въ душѣ своей уже принявшій обѣтъ иноческаго послушанія, и потому писавшій отъ 24 августа того же 1806 года своему родителю: „что касается до моихъ обстоятельствъ, я думаю, что вы ихъ довольно знаете чрезъ подателя послѣдняго письма моего. Пробыть около шести часовъ въ классѣ, и въ двѣ недѣли сказать одну проповѣдь, не считая тѣхъ, которыя обыкновенно назначаются въ праздники — вотъ та должность, которую вы называете веселою. То истинно, что она разнообразнѣе прежней, интереснѣе, и можетъ занять меня съ большимъ удовольствіемъ: но и вы согласитесь, что она есть не малое бремя. Съ толь малыми свѣдѣніями, а еще меньшею опытностію, бытъ проповѣдникомъ, и каждое произведеніе слабаго пера подвергать суду такого мужа, который вдвое долѣе всей жизни моей наслаждается славою богослова и витіи—сіе одно могло-бы и не меня привести въ недоумѣніе. При всемъ томъ я рѣшился,—и на что иное могъ-бы я рѣшиться?—я рѣшился повиноваться вѣщней волѣ, сколько позволятъ мои силы. Въ дополненіе сего долженъ я сказать, что виновникъ сей перемѣны моего состоянія назначаетъ мнѣ отъ себя ежегодно по 50 р. Подумайте о семъ новомъ и необыкновенномъ благодѣяніи и его слѣдствіяхъ: какія новыя права даетъ оно на мою признательность и покорность!“ *) Рѣшившись принять и принявши на себя должность проповѣдника при лаврѣ, В. М. Дроздовъ какъ-бы перешелъ на высшій классъ школы проповѣдничества, а чрезъ то подъ ближайшее завѣдываніе и руководство знаменитаго и опытнаго витіи—митрополита Платона, который, впрочемъ, относился къ юному питомцу этой школы скорѣе, какъ нѣжно любящій отецъ, нежели какъ суровый начальникъ. Платонъ самъ, какъ и ожидать новый лаврскій проповѣдникъ, сталъ просматривать всѣ проповѣди послѣдняго, что, конечно, заставляло Дроздова съ возможною

*) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 79.

внимательностію относиться къ составленію ихъ. „Нынѣшній день, — пишетъ Дроздовъ своему родителю отъ 14 марта 1807 года, — лично получилъ я приказаніе представить всѣ проповѣди, говоренныя въ моей настоящей должности. Переписка сдѣлаетъ мнѣ много хлопотъ: ибо многія писаны прямо на бѣло, какъ говорится“ ¹⁾. И затѣмъ отъ 10 апрѣля того-же года и тому-же лицу: „проповѣди представилъ къ его высокопреосвященству, и еще не получилъ обратно.“ ²⁾ Еще болѣе того должно было усиливать вниманіе молодаго проповѣдника къ своему дѣлу назначеніе нарочитыхъ дней для произнесенія проповѣдей въ присутствіи самого митрополита Платона. „На сихъ дняхъ, пишетъ Дроздовъ своему родителю въ томъ-же письмѣ отъ 10 апрѣля, — получилъ я имянное приказаніе изготовить проповѣдь ко дню Пасхи, которою теперь и занимаюсь“. ³⁾ И потомъ отъ 30 апрѣля ему-же: „вотъ продолженіе моихъ частныхъ новостей: въ день Пасхи говорилъ проповѣдь при служеніи его высокопреосвященства, при которомъ также управлялъ, по прежнему, и должность уподіакона. Свѣжій огурецъ, который я получилъ отъ него послѣ литургіи изъ числа трехъ или четырехъ бывшихъ на столѣ, далъ мнѣ знать, что мною не недовольны. ⁴⁾ Вечеромъ я призванъ одинъ и получилъ большое искусственное яйцо, двадцатый томъ проповѣдей его высокопреосвященства ⁵⁾ и обѣщаніе сдѣлать полукафтанье и, не знаю какое, верхнее платье ⁶⁾. Извините, что я пишу къ вамъ, между прочимъ, и мои мелочи: это потому, что изъ нихъ можно видѣть мои отношенія“ ⁷⁾. Равнымъ образомъ отъ 9 августа слѣдующаго 1808 года: „въ 23 день сего мѣсяца будетъ освященіе церкви по близости отсель, ⁸⁾

¹⁾ Тамъ-же, стр. 85.

²⁾ Тамъ-же, стр. 86.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, до насъ не дошла эта проповѣдь.

⁵⁾ Вышедшей изъ печати въ концѣ 1806 года.

⁶⁾ Это была шнель. См. письмо отъ 5 іюля, стр. 89 писемъ Филарета къ роднымъ.

⁷⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 87.

⁸⁾ Въ Махрищскомъ монастырѣ, зависящемъ отъ Сергіевой лавры и находящемся въ 30 верстахъ отъ нея.

при которомъ назначена мнѣ проповѣдь“ *). И проповѣдь была произнесена въ новоосвященномъ храмѣ также въ присутствіи митрополита Платона, при многочисленномъ стеченіи народа, „наипаче дворянства,“ и также не не повразилась Платону, который выразилъ свое удовольствіе по поводу ея тѣмъ, что при отъѣздѣ изъ Махры въ лавру подарилъ проповѣднику ананасъ **).

Не малымъ подспорьемъ Дроздову въ успѣшности прохожденія школы проповѣдничества служили и занятія его въ пѣтическомъ классѣ, какъ прежде занятія классомъ языковъ еврейскаго и греческаго. Если, изучая съ учениками языки еврейскій и греческій, Дроздовъ съ одной стороны наполялъ свой умъ живою водою отъ самаго источника проповѣди—Св. Писанія и писаній отеческихъ, а съ другой—вырабатывалъ ту дивную точность и опредѣлительность въ выраженіи своихъ мыслей, тотъ какъ-бы вылитый изъ стали слогъ, которыми отличаются всѣ дальнѣйшія произведенія его пера: то преподаваніемъ поэзіи онъ ставилъ себя какъ-бы въ преддверіе святилища высшаго краснорѣчія. И теоретически и практически знакомя учениковъ съ предметомъ преподаванія, онъ и самъ еще глубже того ознакомился съ красотами слова ораторскаго, съ тѣми особенностями рѣчи проповѣднической, которая не только убѣждаютъ, но и плѣняютъ слушателей. Вотъ одно изъ ежемѣсячныхъ донесеній учителя поэзіи Дроздова въ семинарское правленіе о занятіяхъ своихъ съ учениками по классу поэзіи, могущее служить подтвержденіемъ того, что мы говоримъ о значеніи этихъ занятій для проповѣднической дѣятельности В. М. Дроздова. „Въ утренніе классы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, доноситъ онъ за февраль 1808 г., читана была риторика; по вторникамъ и четвергамъ правила пѣтическія; въ послѣобѣденные часы занимались переводомъ изъ Павлина; ***) въ субботу оба класса употребляемы были на слушаніе лекцій латинскихъ авторовъ. За небреженіе о упо-

*) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 100. Эта проповѣдь дошла до насъ, хотя и не въ единообразномъ видѣ.

**) Тамъ-же, стр. 104.

***) Павлина Польскаго или Нолаискаго, извѣстнаго церковнаго писателя и оратора V христіанскаго вѣка.

требленіи латинскаго языка назначаемы были учить отборные періоды изъ Риторики Францисковой^{*)}). Въ самое-же святилище высшаго краснорѣчія вошелъ Дроздовъ, когда въ началѣ 1808 года назначенъ былъ, по мысли того-же Платона, учителемъ высшаго краснорѣчія и риторики, съ оставленіемъ и въ должности проповѣдника,^{**)} а на нѣкоторое время и въ прежней должности учителя поэзіи. „Теперь два класса,—пишетъ Дроздовъ къ своему родителю отъ 29 января 1808 г.,—развлекаютъ меня такъ, что всегда не достаетъ времени. Риторика уже моя: но поэзіи еще не сбылъ съ рукъ. Одинъ университетскій студентъ желаетъ въ монашество, и ему обѣщано учительское мѣсто: но онъ еще не получилъ увольненія отъ своего начальства. Между тѣмъ у насъ промоція^{***)} остановлена. Мнѣ трудно, потому что въ одни часы оба класса, и много людей:^{****)} но я былъ-бы непотребный рабъ, есть-ли бы не старался оправдать довѣренность милостивѣйшаго архипастыря. Во мнѣ примѣчаютъ перемѣну здоровья: но Богъ поможетъ; или—дай Богъ ослабить здоровье лучше исполненіемъ должности, нежели какимъ-нибудь порокомъ“^{*****)}). Такъ преданъ былъ своимъ учительскимъ обязанностямъ В. М. Дроздовъ. Занятія по классу риторики и имѣли ближайшую связь съ занятіями по классу поэзіи, и въ то же время были выше тѣхъ и имѣли болѣе значенія для развитія дара проповѣдничества въ Дроздовѣ. Раньше мы уже видѣли, какая постановка дана была этому предмету въ Троицкой семинаріи, согласно указанному предписанію и резолюціи митрополита Платона. А вотъ и донесеніе самого Дроздова по тому-же предмету за февраль мѣсяць 1808 г. „Въ утренніе классы по понедѣльни-

*) Т. е. Франциска Мезая. См. № 104 дѣлъ архива Троицко-лаврской семинаріи за 1808 годъ. Это донесеніе относится къ тому времени, когда на обязанности Дроздова былъ уже, сверхъ того, в классъ риторики и высшаго краснорѣчія. Въ прежнее-же время онъ дѣлалъ еще упражненія въ экспромптахъ (сравдонесенія учителя поэзіи Кирилла Руднева) согласно резолюціи митр. Платона.

***) Утвержденіе въ новой должности состоялось 14 января. См. послужной списокъ Филарета.

****) Переводъ учениковъ изъ класса въ классъ.

*****) Въ 1807—1808 учебномъ году въ Троицкой семинаріи учениковъ поэзіи было 23, а риторики 40. См. дѣла архива этой семинаріи за 1808 годъ.

*****) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 95—96.

камъ, средамаъ и пятницамаъ,—доносить онъ,—читана была риторика; по вторникамъ и четвергамъ изъ Лангіа о красотахъ латинскаго языка; въ послѣобѣденные классы, кромѣ субботы, былъ переводъ изъ писемъ Плиніевыхъ и Овидіевыхъ *Ex Ponto*; въ субботу оба класса употребляемы были на слушаніе недѣльнаго чтенія латинскихъ авторовъ; за небреженіе о употребленіи латинскаго языка влучиваемы были, по назначенію, стихи изъ Овидіевыхъ Элегій; сверхъ сего утреннія лекціи, кромѣ субботы, по большей части сопровождались экспромптомъ *). Изъ сравненія этого донесенія съ раньше сказаннымъ и объ обязанностяхъ преподавателя высшаго краснорѣчія, ясно видно, что Дроздовъ не упускалъ изъ виду и эту послѣднюю сторону своей новой должности. А преподавая все это, равнымъ образомъ прочитывая, согласно резолюціи Платона, въ видахъ „поправленія и апробаціи“, разсужденія и проповѣди учившихся у него высшему краснорѣчію, ояъ самъ все болѣе и болѣе утверждался и усовершенялся въ правилахъ высшаго краснорѣчія, которое для него, со времени принятія рѣшенія вступить въ монашество и вступленія въ должность лаврскаго проповѣдника, было уже совершенно ничѣмъ инымъ, какъ краснорѣчіемъ церковнымъ. Но такъ какъ и по самому складу своей нравственной природы, и по усвоенному съ дѣтства навыку Дроздовъ считалъ священнымъ своимъ долгомъ всякую обязанность, возлагаемую на него начальствомъ: то въ исполненіи имъ всего, возложеннаго на него по тремъ должностямъ съ начала 1808 года, мы должны и дѣйствительно видимъ честное, а не формальное только исполненіе долга. Вспомнимъ, что отъ такого исполненія въ немъ замѣчалась даже переменна здоровья къ худшему. А такое именно исполненіе достаточно обезпечивало правильность и разносторонность (если не всесторонность) подготовки къ кафедрѣ церковно-ораторской въ полномъ смыслѣ слова, то есть, съ облеченіемъ оратора и въ санъ священный. Къ тому-же и его собственные учителя по школѣ проповѣдничества: Анастасій Братановскій, Платонъ Левшинъ и другіе, какъ рекомендованные Платономъ, такъ и независимо отъ письменной рекомендаціи изучаемые, живы были для духа В. М.

*) См. № 105 дѣлъ архива Троицко-лаврской семинаріи за 1808 годъ.

Дроздова и тѣмъ съ большею силою вліяли на сознаніе молодого проповѣдника, чѣмъ глубже и всестороннѣе онъ изучалъ ихъ проповѣди. Одинъ изъ этихъ учителей особенно былъ дорогъ для Дроздова: это самъ митрополитъ Платонъ. Чѣмъ ближе было время принятія Дроздовымъ сана монашескаго, тѣмъ большимъ и большимъ вниманіемъ, нѣжною отеческою заботливостію окружалъ его Платонъ, какъ-бы и ожидавшій, только этого момента принятія имъ сана монашескаго, чтобы совсѣмъ передать Дроздову въ наслѣдство свое собственное достояніе духовное—даръ проповѣдничества,—силу ораторскаго краснорѣчія, годъ отъ году слабѣвшую въ немъ самомъ *). Онъ удостоиваетъ его самой дружеской, частой и продолжительной бесѣды, чтобы развить и укрѣпить въ немъ сѣмена иноческой жизни и проповѣдническаго таланта. Его положеніе въ этомъ отношеніи становится предметомъ зависти не только для другихъ наставниковъ, но и для ректора семинаріи, Евграфа, также слышшаго проповѣдникомъ, но волей не волей отдававшего пальму первенства учителю Дроздову. Изъ зависти Евграфъ даже старался очернить Дроздова въ глазахъ Платона, хотя старанія его и были напрасны. „Повеселте, говорите вы?“ — пишетъ Дроздовъ своему родителю отъ 3 іюля 1808 года въ отвѣтъ на его письмо: „Развѣ вы замѣтите во мнѣ что-нибудь печальное? Увѣряю васъ, какъ увѣрялъ и прежде, что мое положеніе ничего не имѣетъ печальнаго. Я доволенъ и веселъ. Есть-ли прежде что и было непріятное, то только въ намѣреніяхъ одного человѣка: на самомъ дѣлѣ и тогда было весело. Напримѣръ: случилось, что меня послали въ одно мѣсто въ надеждѣ доставить мнѣ случай... получить выговоръ: но меня тамъ приняли милостиво и посадили обѣдать... Не забавно-ли это? Такъ заставляли меня смѣяться, когда думали мнѣ досадить: теперь я и не смѣюсь, потому что нѣтъ прежняго охотника досаждать мнѣ **). Мое веселіе тихо, какъ дыханіе по-

*) Завершивъ 50-лѣтній періодъ проповѣднической дѣятельности своей въ 1807 году, Платонъ съ тѣхъ поръ уже не говорилъ болѣе проповѣдей, какъ мы знаемъ изъ вышеотмѣченнаго.

***) Вызовъ Евграфа въ Петербургъ состоялся въ апрѣлѣ 1808 года. Характерно по этому случаю замѣчаніе Платона на его счетъ, встрѣчающееся въ письмѣ его къ Августину отъ 6 апрѣля того-же 1808 года: „Евграфъ самъ того искалъ и,

луденнаго вѣтерка. Я, какъ и все здѣсь, спокоенъ подѣ *краткою тѣнью*“ *). Описывая свое путешествіе въ Махру для провознесенія проповѣди на 23 августа того-же 1808 года, Дроздовъ пишетъ тому-же лицу: „четыре дня, проведенные мною въ М., не показались мнѣ долги такъ, какъ и путешествіе. Шелуку три только человѣка, включая и меня, слѣдовали за его высокопреосвященствомъ: то и дорогою, и по пріѣздѣ каждый день утромъ, во время стола, и вечеромъ имѣлъ я случай пользоваться его бесѣдою“ **). Когда близко было самое время постриженія Василя Дроздова въ монашество, онъ писалъ къ родителю своему отъ 1 ноября: „Батюшка, *Василія* скоро не будетъ, но вы не лишитесь сына... Безъ нетерпѣнія, но съ охотою, безъ радости, но съ удовольствіемъ я занимаюсь теперь нѣкоторыми приготовленіями къ преобразованію: но высокій благодѣтель мой отнимаетъ у меня часть сихъ попеченій. Дано приказаніе изготавить рясу и полукафтанье, на его счетъ“ ***). И затѣмъ, по принятіи сана монашескаго съ именемъ Филарета ****), къ нему-же отъ 14 декабря: „Его высокопреосвященство удостоиваетъ меня такого благоволенія, какого не смѣлъ и желать. Въ нынѣшнемъ и прошедшемъ мѣсяцѣ я былъ у него нѣсколько разъ, то здѣсь во время его пріѣзда, то въ Виѳаніи, гдѣ нѣсколько разъ и ночевалъ. При всѣхъ сихъ случаяхъ я рѣдко видѣлъ начальника: чаще отца, наставника“ *****). Этотъ-то отецъ-наставникъ былъ въ частности родителемъ и наставникомъ Дроздова въ проповѣдничествѣ. Такъ какъ Платонъ, какъ проповѣдникъ, усвоилъ себѣ и воспроизвелъ въ своихъ проповѣдническихъ трудахъ все лучшее въ проповѣдничествѣ тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, которыхъ самъ

сказываютъ, закидалъ писмами. Давно я здѣсь примѣтилъ, что волкъ къ лѣсу глядитъ. А кажется мнѣ, ni fallor,—тѣ болѣе и промоцію заслуживаютъ, кои мнѣ по ихъ расположенію. Deus eventu comprobabit. Вы-же сему не удивляйтесь“ (стр. 130 писемъ Платона къ Августину, изд. при „Православномъ Обзорѣніи“).

*) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 99—100. Въ послѣднихъ словахъ письма нельзя не видѣть намека на Платона.

**) Тамъ-же, стр. 104.

***) Тамъ-же, стр. 106.

****) Постриженіе совершилось 16 ноября того-же 1808 года. См. послужной списокъ Филарета.

*****) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 107.

рекомендовалъ въ образцы ораторскаго краснорѣчія на церковной кафедрѣ, бывъ самъ ученикомъ Гедеопа Криновскаго, въ свою очередь учившагося проповѣдничеству по преимуществу на проповѣдяхъ Ильи Минятія: то послушный сынъ и ученикъ Платона — В. М. Дроздовъ въ знаменитомъ московскомъ златоустѣ, какъ называли Платона, могъ находить и находилъ идеаль проповѣдника истекшаго XVIII столѣтія. Высвободившись, по почину и при помощи Теофана Прокоповича, изъ-подъ гнета вліянія латино-польскаго, схоластическаго, русская церковная проповѣдь XVIII столѣтія, на пути самостоятельнаго своего развитія, достойно завершилась въ проповѣднической дѣятельности Платона. Но уже въ концѣ XVIII столѣтія на дальнемъ сѣверѣ Россіи возсіяла звѣзда, къ сожалѣнію рано угасшая, предвѣщавшая свѣтъ солнечный, разлившійся въ сердцахъ сыновъ Россійской Церкви лучами живаго слова въ XIX столѣтіи. Мы разумѣемъ Анастасія Романенко-Братановскаго; котораго судьба рано забросила на сѣверъ Россіи, выманивъ туда съ юга и тѣмъ, быть можетъ, ускоривъ его смерть *). Родившись въ Полтавской губерніи и одаренный отъ природы всѣми лучшими качествами малоросса, онъ 23 лѣтъ былъ вызванъ въ Вологду, а черезъ 6 лѣтъ и въ Петербургъ. Здѣсь-то среди возникшаго въ то время, благодаря литературной дѣятельности Карамзина и его сподвижниковъ, умственнаго движенія развился природный талантъ Анастасія, блестящимъ образомъ проявившійся въ проповѣдничествѣ. Подъ вліяніемъ школы Карамзинской выработался слогъ Анастасія, легкой, простой, свободный отъ бремени длинныхъ періодовъ Ломоносовской риторики, отъ которыхъ далеко не свободенъ слогъ проповѣдей Платона. Тѣмъ-же вліяніемъ условливается и преобладаніе своего рода сантиментальнаго направленія въ проповѣдяхъ его. Его слово болѣе говоритъ сердцу и чувству, нежели уму и разуму, хотя бичуетъ и заблужденія ума съ неменьшею строгостію и силою мысли, какъ и пороки нравственнаго свойства. А мы помнимъ, что едва только вышло изъ печати первое собраніе словъ этого знаменитаго проповѣдника, какъ В. М. Дроздовъ, еще бывъ въ богословіи, пріобрѣлъ ихъ

*) Анастасій родился въ 1761, а умеръ въ 1806 году.

въ свою собственность. Такъ вотъ кто, кромѣ Платона, еще воздѣйствовалъ на развитіе проповѣдническаго таланта В. М. Дроздова. Но Анастасій имѣлъ, между прочимъ, ту общую съ проповѣдниками XVIII столѣтія, равно какъ и съ противниками Карамзинской школы, черту, что со всею ревностію истинно православнаго пастыря русской Церкви возставалъ противъ неразумнаго увлеченія чужеземными вліяніями, особенно же французскимъ вольнодумствомъ.

Чтобы видѣть степень вліянія Платона и Анастасія на В. М. Дроздова со стороны проповѣдничества или, лучше, чтобы нагляднѣе усмотрѣть характеръ ихъ взаимныхъ отношеній въ дѣлѣ проповѣдничества, мы приведемъ образцы проповѣдей Платона и Анастасія, въ дабавокъ къ приведеннымъ уже образцамъ проповѣдничества В. М. Дроздова. И именно изъ многихъ проповѣдей Платона и Анастасія мы возьмемъ проповѣди ихъ на Великій Пятокъ, при томъ изъ раннѣйшаго періода проповѣднической дѣятельности того и другаго, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сдѣлать надлежащіе выводы изъ сравненія проповѣдей всѣхъ троихъ.

Прежде всего беремъ проповѣдь Платона, сказанную имъ въ 1767 году въ придворной церкви въ Москвѣ, въ присутствіи Императрицы Екатерины II, когда проповѣднику было всего 30 лѣтъ отъ роду и когда онъ былъ еще архимандритомъ. Проповѣдь исходитъ изъ того же библейскаго текста, который взятъ въ основаніе и проповѣди Дроздова, но только въ полномъ его составѣ, именно: *егда же пріятъ оцетъ Исусъ, рече: совершишася, и преклонъ главу предаде духъ* (Іоан. 19, 30), и имѣетъ ту-же, какъ увидимъ далѣе, тему, что въ проповѣди В. М. Дроздова.

„Собравшись въ сей храмъ священный,—начинаетъ проповѣдникъ самую проповѣдь,—празднуемъ мы, благословенные христіане, смерть Страдальца неповиннаго, Который тѣмъ для насъ любезнѣе, что Онъ въ семъ видѣ намъ представляется, не для того, аки-бъ мы Ему такимъ родомъ смерти умереть желали; но что его смерть есть свѣтлѣйши любви Его къ намъ доказательство; что Его смерть есть дѣйствительное смертности нашей врачеваніе. Знаю я, что непричастные таинствъ христі-

анскихъ могутъ дивиться и причитать намъ въ стыдъ, что почитаемъ мы распятаго; могутъ они говорить: *имья спасе, себе ли не можетъ спасти? аще сынъ Божій есть, да снидетъ со креста* (Матѳ. 27, 42). Такія стрѣлы бросаютъ на насъ іудеи: симъ поносятъ насъ язычникъ. Но наше къ Нему благоговѣніе тѣмъ есть непорочнѣе и святѣе, что ни стыдъ ложный, ни наружность обманчивая нашу истину не колеблютъ; что мы утверждаемся на внутренности, на сокровенной премудрости Божія силы, которая людямъ невнимательнымъ часто кажется слабою. Духъ Божій давно сіе предвидѣлъ и чтобъ мы на такое міра мнѣніе не преткнулись, благовременно предостерегъ. *Видите званіе ваше, братіе, говоритъ онъ намъ устами Павловыми, яко буяя міра избра Богъ, да премудрѣя посрамитъ: и немоущая міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и художная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ: яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ* (1 Кор. 1, 26—29). На семъ основаніи той же Апостолъ пишетъ къ возлюбленному ученику своему: *не постыдися чадю! страстію Господа нашего Іисуса Христа, ни мною юзникомъ Елю* (2 Тим. 1, 8): не постыдися; ибо преодолѣть таковой стыдъ, которой съ нами встрѣчается, когда надобно идти противъ поврежденныхъ міра мнѣній, преодолѣть сей ложный стыдъ есть свѣтлѣйшая побѣда“.

„Но обратимъ мы очи свои къ Солнцу Правды, заходящему на горизонтѣ крестномъ, и послушаемъ, что Онъ при послѣднемъ дыханіи блаженныя жизни Своея говоритъ. Говоритъ Онъ: *совершишася!* Чтоже сіе слово значитъ, научи насъ съ крестныя кафедры, Ты Самъ, великій Архіерей, прошедь небеса и входяй во внутреннія премудрости Божія завѣсы: раздери покрывало, которое отъ насъ скрываетъ святилище истины, и даждь намъ видѣть сокровенныя тайны Твоя!

Совершишася!

„Понеже въ словѣ семъ не изъяснено, что совершилося, для того надлежитъ изслѣдовать, что такое въ совершенствѣ и въ окончаніи приведено; *) тѣмъ паче, что слово сіе отъ великаго

*) Въ этихъ словахъ выражена тема проповѣди. Припомнимъ, что почти въ тѣхъ же словахъ выражена тема проповѣди и В. М. Дроздова на тотъ же день.

нашего Учителя при послѣднемъ часѣ сказано; и потому должно оное въ себѣ заключать содержаніе важное: и мы обыкновенно тѣ слова памятуемъ и повторяемъ часто, которыя отъ любимыхъ нами умирающихъ слышали мы“.

Совершишася!

„Совершились вопервыхъ всѣ Спасителя нашего страданія, какія злость человѣческая выдумать и человѣкъ претерпѣть можетъ. Первые младенчества дни были началомъ Его жизни, и вмѣстѣ началомъ Его гоненія. Тотъ, Который на небеси уготовлялъ намъ вѣчныя обители, не имѣлъ на земли, гдѣ главу преклонить. Тотъ, Который бессмертною истины пищею насыщалъ человѣчскій родъ, былъ гладенъ и жажденъ чрезъ все теченіе лѣтъ Своихъ. Тотъ, Котораго лице дѣлаетъ радость Ангеламъ, былъ оплеранъ, по ланитамъ біенъ и весь окровавленъ. Тотъ, Который взялъ на рамена свои бремя грѣховъ всего міра, былъ отягощенъ крестомъ и мучительно пригвожденъ на немъ. Подлинно облеченъ Онъ былъ въ порфиру, но въ порфиру поруганія; данъ былъ въ руки и скипетръ, по которымъ сокрушали его главу; возложенъ былъ и вѣнецъ, но вѣнецъ терновый. Мученіе тѣмъ несноснѣе, что соединено съ поруганіями! Ибо одно терзаетъ тѣло, другое пронзаетъ духъ. Пилать, сколь, впрочемъ, ни былъ къ милосердію мало преклоненъ, не могъ не быть тронутъ симъ позорищемъ. И для того вывелъ Его, текущею кровію обогрennaго, предъ собраніе, и сказалъ: *се человекъ!* Ежели ваше сердце мученіемъ не насытно, видите, что все Его тѣло сдѣлалось одною язвою, и ежели васъ не умягчаетъ Его неповинность, да умягчитъ общее человѣчество. *Се человекъ!*

„Въ какомъ видѣ отъ Пилата представленъ Иисусъ, въ такомъ Его давно предусмотрѣлъ Исаія пророкъ: *видѣхомъ его: и не имяше вида, ниже доброты: но видъ его безчестенъ, умаленъ наче встѣхъ сыновъ человѣческихъ: человекъ въ язвъ сый, и вѣдый, то есть отъ младенчества привыкшій терпѣти болѣзнь, яко овца ни заколеніе ведется, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безмисенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ: во смиреніе его судъ его взятся* (Исаія 53, 3, 7). Премудрость Божественная,

вознесенная на крестъ воображая, или паче терпя всѣ таковыя мученія въ плоти, не справедливо-ли, разсудите, возопила: *совершишася!* Егда же пріять оцетъ Иисусъ рече: *совершишася!* и *преклонъ главу, предаде духъ.*

„Совершились, второе, всѣ дѣла великаго посольства Его. Волю небснаго Отца открылъ, истину всѣмъ благовѣствовалъ, отъ заблужденія отвелъ, основалъ славную Церковь, состоящую изъ всѣхъ народовъ сущихъ подъ небесемъ, а наконецъ все сіе запечаталъ кровію Своею, и чрезъ то примирилъ небо и землю, какъ-то изъясняетъ божественный Павелъ: *благоволи Богъ тѣмъ примирити всяческая съ собою, умиротворивъ кровію креста Его, чрезъ Него, еще земная, еще ли небсная* (Кол. 1, 20). И для того Самъ Спаситель, отходя къ испитію смертныя чаши, говорилъ къ Отцу Своему: *Отче! дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю* (Іоан. 17, 4). А на крестѣ въ томъ же разумѣ возопилъ: *совершишася!*

„Совершилось, третіе, чаяніе языковъ. Всѣ народы ожидали себѣ утѣшенія отъ Бога, утѣшенія Израилева. Ибо кто, страстями смущаемый, совѣстію не беспокоится? И кто, преступая богописанный на сердцѣ законъ, не убоится суда Господа Савоа? Сей страхъ всѣ народы засвидѣтельствовали своими жертвами. Ибо къ чему-бъ проливать животныхъ кровь, и таковымъ ужаснымъ зрѣлищемъ служить Божеству, есть-либъ сіе не было знакомъ трепещущія совѣсти, которая, смущаясь воображеніемъ суда нелицепріятнаго, думала удовлетворить Вѣчной Правдѣ пролітіемъ неповинныхъ животныхъ крови вмѣсто своей, и тѣмъ бы себя успокоить? Хотя сіе средство само чрезъ себя ко оправданію было недѣйствительно, ибо по основаніямъ христіанскимъ, *не возможно крови телчей и козлей отпущити грѣхи* (Евр. 10, 4): однако оно доказывало, что весь міръ повиннымъ себя признавалъ предъ верховнымъ Законодателемъ, слѣдовательно доказывало нужду и чаяніе утѣшенія Божія.

„Сіе чаяніе на крестѣ совершилося. Что мы исполнить не могли, исполнилъ то вмѣсто насъ великій Ходатай нашъ. Ибо взявъ лице человѣка, Божиимъ гнѣвомъ поражаемаго, принесъ Себя въ жертву, и пролітіемъ Своея неповинныя крови гнѣвъ неба погасилъ. Обративъ на Себя всѣ дѣйствія правосудія,

оное обезоружилъ, а оставилъ для насъ едино милосердіе. И мы можемъ теперь со дерзновеіемъ вѣры нашея сказать: *Отче небесный! можетъ ли Твоя правда въ насъ поразить что-нибудь, которое-бъ не окроплено было дражайшею Сына Твоего кровію?* Можетъ-ли совѣсть наша не успокоиться, видя удовлетвореніе за грѣхи наша приносимое Тебѣ чрезъ Единороднаго Твоего? *Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдай. Кто осуждаетъ? Христосъ Іисусъ за насъ есть умершій* (Рим. 8, 33—34). Сего вождельннѣйшаго для насъ дѣйствія Спаситель, висящій на крестѣ, видя исполненіе, возопилъ: *совершишася!*

„Совершились такъ-же всѣ пророческія предсказанія, всѣ ветхаго завѣта жертвы и проображенія. Се твой, церковь, Исаакъ, отеческою рукою за насъ жертвуемый! Се окровавленная Иосифа твоего не риза, но пречистая плоть! Се агнецъ пасхальный въ твое спасеніе закалаемый, котораго вѣрою причащаемся мы! Се поражаемый камень, и истощающій не воду, но потоки крови! Се истинная жертва и всесожженіе, по принесеніи которой всѣ прочія жертвы устыдѣлись и скрылися: ибо всѣ они, по разумѣнію апостольскому, *были только тѣнь грядущихъ благъ, а не самый видъ вещей* (Евр. 10, 1). Окончались при томъ и пророческія предсказанія, и тѣмъ себя оправдали. Исполнились сіи слова Исаины: *предана бысть на смерть душа его и со незаконными вмѣшася* (Исаія 53, 12). Исполнилось предвѣщаніе Моисеево: *узрите животъ вашъ висящъ предъ очесы вашими* (Второз. 28, 66). Исполнилось и оное пророчество Давидово: *даша въ сыпѣть мою жемчъ, и въ жажду мою напоиша мя оцта* (Псал. 68, 22). И для того Искушитель нашъ когда вкусилъ оцта съ желчью смѣшеннаго, и при томъ видѣлъ, что все о Немъ сказанное исполнилось, симъ словомъ заключилъ: *совершишася!* Окончаніе получилъ и самъ законъ; законъ, написанный въ сердцѣ нашемъ правосудною рукою Божіею; ибо *кончина закона Христосъ* (Рим. 10, 4). Вы нѣсте, привѣтствуетъ насъ Апостоль, *подъ закономъ, но подъ благодатію* (Рим. 6, 14). Не должно думать, аки-бъ сими словами отвергаемъ былъ законъ Божій. Никакъ! но чрезъ сіе писаніе даетъ намъ знать, что истинно вѣрующій не находитъ себя

подъ игомъ закона, который своего преступника поражаетъ проклятіемъ, что надъ христіаниномъ, признающимъ немощи своя, и къ благодати прибѣгающимъ, законъ строгости своей исполнить не можетъ. Совершился же и всѣ Божія опредѣленія о спасеніи вѣрующихъ и о невѣрующихъ осужденіи. Ибо какъ пріемлющіи сію великую жертву опредѣляются въ животъ, такъ отвергающіи оную въ смерть, по свидѣтельству Евангелія: *отруай въ оны, нѣсть осужденъ: а не вѣруай уже осужденъ есть* (Іоан. 3, 18). Сіи слова съ одной стороны наполняютъ духъ нашъ утѣшеніемъ и радостію: съ другой трепетомъ и ужасомъ. О, отврати, Спасителю, чтобъ мы исключаемы были изъ сей молитвы Твоей: *Азъ о сихъ молю, не о всемъ мірѣ молю* (Іоан. 17, 9).

„Совершились, наконецъ, всѣ дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Ибо висѣтъ на крестѣ Существо всѣхъ тварей святѣйшему—есть доказательство милосердія и любви Божія къ намъ, которую ни языкъ изъяснить, ни мысль понять совершенно не можетъ. И потому справедливо сіе Божественнаго лица страданіе отъ Церкви называется *истоцаніе*, аки-бъ сказать: Богъ столь къ намъ милосердымъ себя оказалъ, что, кажется, истоцилъ весь источникъ благодати Своея. И понеже совершилось Его милосердіе, то тѣмъ самымъ совершилось и Его долготерпѣніе. Ибо когда Богъ не можетъ показать больше милосердія, и есть-либъ кто и сіе милосердіе пренебрегъ, то больше для него долготерпѣнія Божія быть не можетъ, какъ свидѣтельствуеть писаніе: *волею соутышающимъ намъ по принятіи разуми истинны, къ тому о грѣсѣхъ не обрътается жертва* (Евр. 10, 26); и сіе вообразивъ, Спаситель со страдательнымъ духомъ возопилъ: *совершишася!*

„Видимъ мы теперъ, слушатели, какъ произнесенное Христомъ слово понимать намъ должно, и какой въ немъ таинственный разумъ заключается. Но вотъ новое затрудненіе,—затрудненіе, требующее великаго и строгаго изслѣдованія. Всѣ совершившіяся смертію Спасителевою дѣла, о которыхъ сказали мы, еще остаются нѣкоторымъ образомъ несовершенными, коли въ насъ не совершилась вѣра и любовь. И для того дражайшій Избавитель, желая спасенія нашего и совершеннаго

дѣламъ своимъ окончанія, требуетъ отъ насъ изъясненія, можемъ ли и мы сказать: *совершилася?*

„Совершились его страданія. Такъ пересталъ-ли ты своими пороками уязвлять уязвленнаго Христа, и тѣмъ въ другой разъ распинать Сына Божія? или еще Онъ въ тебѣ страдаетъ, чего не страдалъ отъ іудей? Ибо тягостнѣе ему грѣхи христіанскіе, нежели мученія іудейскія. Несноснѣе для Него преступленіе завѣта, въ которой ты съ нимъ вступишь, нежели то копіе, которымъ прободено было ребро Его.

„Совершились всѣ дѣла посольства Его. Такъ совершилось-ли въ тебѣ благое изволеніе послѣдовать гласу небесному? И пересталъ-ли ты противиться Духу Святому, къ добродѣтели тебя возбуждающему? Ибо святая вѣры истина остается для насъ безплодною, ежели благимъ сердцемъ изволеніемъ оную не объемлемъ.

„Совершилось чаяніе всѣхъ языковъ. Такъ совершилось-ли въ тебѣ желаніе, осіяну быти лучею благодати? Чувствуешь-ли въ сердцѣ своемъ утѣшеніе? Слышиши-ли въ душѣ твоей сей вопль: *прииди, Господи Іисусе! прииди: готово сердце мое, Божє, готово!* (Псал. 56, 8). Или въ нѣкоторомъ глубокомъ снѣ погружаешь себя, и не чувствителенъ къ истинной и вѣчной пользѣ твоей?

„Совершились всѣ пророковъ предсказанія. Такъ совершилось ли въ тебѣ познаніе христіанскія истинны, и довелъ-ли ты свое познаніе до такого совершенства, чтобъ сердце твое можно было назвать книгою Христовою? Или еще млекою питаешься и младенецъ во училищѣ Іисусовомъ? Или еще сумнѣнія колеблютъ твою мысль, и корабль твоя вѣры клонятъ къ погруженію?

„Совершились опредѣленія Божіи. Такъ привелъ-ли ты добродѣтель свою въ такое состояніе, чтобъ написанну тебѣ быти въ книгахъ живота, или Херувимъ съ мечемъ пламеннымъ возбраняетъ тебѣ входъ во врата райскія, и отгоняетъ тебя отъ селенія праведныхъ?

„Совершились дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Такъ содрагаешься-ли ты отъ сего великаго милосердія? Боишься ты правосудія Божія, но не больше-ли надлежитъ тебѣ бояться милосердія сего? Ибо находясь кто подъ единою правосудія стро-

гостию, естъли-бъ преступилъ законъ, можетъ быть, представилъ-бы въ свое извиненіе сію самую строгость, которая его поразила уныніемъ: но ты, видя издѣянный предъ тобою весь источникъ благодати и снисхожденія, естъли-бъ совсѣмъ тѣмъ нарушилъ сей завѣтъ, завѣтъ любви, что тогда можешь принести въ свое извиненіе? И чтобъ все вкратцѣ заключить:—совершилось-ли въ тебѣ намѣреніе доброе, желаніе похвальное? Приведено-ли къ окончанію начатое благое дѣло? Бросилъ-ли ты совсѣмъ худую привычку, отъ которой столько разъ тщетно отставалъ? Восходишь-ли на высоту добродѣтели, и отверзаешь-ли себѣ дверь въ незаходимая? Ахъ! слушатели, сколь всѣ сіи вопросы важны! А притомъ, съ какимъ затрудненіемъ должны дать на нихъ свои изъясненія не малая часть христіанъ! Однако отвѣтствовать надлежитъ. Христосъ повелѣваетъ, умоляетъ Церковь, польза наша требуетъ.

„Что-жъ на сіе отвѣтствовать будешь ты, христіанинъ, ты участникъ новаго завѣта и призванный въ царство благодати? Ежели съ помощію Божіею одно изъ того совершилъ, другое покаянiемъ исправилъ: то слыши гласъ съ креста тебѣ глаголющій: *днесъ будещи со мною въ раи* (Лук. 28, 43). *Благій рабе и вторнній, увиди въ радость Господа твоего* (Мате. 25, 21). А ежели не исполнилъ, и непрестаннымъ во злѣ пребываніемъ ожесточилъ ты сердце свое, горе тебѣ! Преступникъ ты завѣта: крови Господней презритель: смерти его суетный проповѣдникъ, и осужденный испить чашу некончаемыя горести.

„Но чтобъ всею своею тяжестію не поразили насъ такіа слова, истиннымъ покаянiемъ да облобызаемъ раны Спасителевы, и слезами своими да засвидѣтельствуемъ, что мы винны по немощи, что мы во грѣхѣхъ нежесточевы, и возопiемъ къ Нему: Спасителю Христе! Твои заслуги суть дражае, нежели чтобъ мы за нихъ возблагодарить Тебѣ могли. Смерть Твоя сколь сильна была въ приведеніи насъ въ вѣру Твою, въ вѣчный съ Тобою завѣтъ: тая-жъ да споспѣшествуетъ намъ, вѣру сію, сей завѣтъ до конца непорочно соблюсти; чтобъ мы достигши до послѣдняго часа нашей жизни, достигши-же и до возможнаго намъ степени добродѣтели, могли съ Тобою сказать: *совершишася*. Аминь“*).

*) Проповѣдей Платона, т. II, стр. 109—122. Москва, 1780.

Теперь предъ нами слово учителя и слово ученика на одинъ и тотъ же день, на одну и ту же тему, на основаніи одного и того же библейскаго текста. Тамъ 30-лѣтній архимандритъ говоритъ проповѣдь въ присутствіи самой Императрицы; здѣсь 23-лѣтній учитель-мірянинъ говоритъ проповѣдь подъ контролемъ такого высокаго и опытнаго судіи, какъ митрополитъ Платонъ. Тамъ говоритъ проповѣдь уже сдѣлавшійся извѣстнымъ даже при дворѣ и во всей Россіи богословъ *); здѣсь говоритъ слово мало извѣстный или извѣстный, да и то съ недавняго времени, только въ узкомъ кругу лаврскихъ обитателей, учитель греческаго и еврейскаго языковъ. И тотъ и другой говорили свои проповѣди, конечно, не безъ тщательной подготовки. Но что же?—Не даромъ самъ учитель, выслушавъ проповѣдь ученика своего, отдалъ ему преимущество предъ собою въ проповѣдываніи. Проповѣдь В. М. Дроздова во многихъ отношеніяхъ превосходитъ проповѣдь Платона. Не говоря уже о стилѣ, чистотѣ языка проповѣди,—преимущество проповѣди Дроздова въ этомъ отношеніи легко объясняется 40-лѣтнимъ промежуткомъ времени между произнесеніемъ ея и произнесеніемъ проповѣди Платона, въ каковой промежутокъ обработка языка русскаго подвинулась далеко впередъ. Самая постановка дѣла въ проповѣдяхъ того и другаго оратора говорить болѣе въ пользу проповѣдническаго таланта, едва начавшаго благовѣствовать 23-лѣтняго учителя-мірянина, нежели 30-лѣтняго архимандрита, уже прославившагося проповѣдничествомъ. Обратите вниманіе, напримѣръ, на то, съ какимъ дивнымъ искусствомъ, какъ высоко художественно и въ то же время естественно выведена тема проповѣди у Дроздова въ сравненіи съ выведеніемъ ея у Платона. Не смотря на то, что послѣдній, въ первую пору своей проповѣднической дѣятельности, не былъ, какъ извѣстно, свободенъ отъ искушенія блеснуть иногда вычурнымъ витійствомъ своего времени, даже и въ проповѣди на столь великій день, какъ Пятокъ страстныхъ седмицы, не

*) Платонъ въ 1767 году былъ архимандритомъ Троицкой лавры; но это было уже послѣ того, какъ онъ, заявивъ себя какъ богословъ и проповѣдникъ въ должности ректора Троицкой семинаріи, пробылъ три года (1763—1766) законоучителемъ наследника престола—Павла Петровича.

упустилъ случая употребить такія выраженія, какъ „обратимъ очи свои къ солнцу правды, *заходящему на горизонтъ крестномъ*“; „*такія стрѣлы* бросаютъ на насъ іудеи“ и под.; тема у него выведена была, нельзя сказать, чтобы искусно, какъ можно видѣть изъ сей-часъ приведенной его проповѣди. Между тѣмъ нельзя не дивиться выведенію ея у Дроздова. Сильно, хотя и сжато очертивъ во вступленіи характеръ отношенія міра іудейскаго и языческаго къ великому дѣлу искупленія, выраженному однимъ великимъ предсмертнымъ словомъ Искупителя: *совершишася!* проповѣдникъ какъ бы отъ лица слушателей-христіанъ обращается къ Нему: „О Распятый! мы не соблазняемся о Тебѣ.... Исцѣли словомъ Твоимъ рану Твоими ранами пронзенной души, а вмѣстѣ и загради уста глаголющимъ неправедная; научи насъ тайнѣ страданій Твоихъ; открой намъ, *какое великое дѣло, и для кого, съ Твоею кончиною окончилось*“? И затѣмъ: „Христіане! Онъ не отвѣтствуетъ намъ болѣе. Уже Онъ *преклонъ главу, предаде духъ*, какъ-бы желая оставить насъ въ размышленіи при крестѣ и гробѣ Своемъ“. Такой необыкновенный ораторскій оборотъ, и вмѣстѣ такъ естественно предоставляющій самому проповѣднику право дальнѣйшаго изслѣдованія темы проповѣди, тогда какъ у Платона подобное тому начало перехода къ выведенію темы завершилось самымъ, такъ сказать, казеннымъ образомъ. „*Совершишася*. Что же сіе слово значить, научи насъ съ крестныя кафедры Ты Самъ, великій Архіерей.... раздери покрывало, которое отъ насъ скрываетъ святилище истины, и даждь намъ видѣть сокровенныя тайны Твоя!“ А потомъ: „*Совершишася*. Понеже въ словѣ семъ не изъяснено, что совершилося, для того надлежитъ изслѣдовать“, и пр. Далѣе, между тѣмъ какъ у Платона въ самомъ изслѣдованіи сперва догматически излагаются всѣ истины, включающіяся въ идеѣ искупленія или иваче изображаются всѣ дѣла, которыя *совершились*, а затѣмъ дѣлается приложеніе къ слушателямъ изложеннаго догматически, при чемъ, по поводу каждой отдѣльной догматической истины, задается имъ вопросъ, совершилось ли въ нихъ соотвѣтствующее тому, что совершилъ для нихъ Искупитель,—постановка дѣла весьма заурядная,—у Дроздова дѣло изслѣдованія ставится оригиналь-

нѣе. Правда, и Дроздовъ въ положительной части изслѣдова-
 нія темы излагаетъ догматъ искупленія; но не догматически
 излагаетъ его, а какъ-бы критически, на основаніи самаго
 первоисточника истины—св. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта,
 начиная *книгою бытія человеческого* и кончая *книгою жизни*
Иисусовой. И при этомъ вся рѣчь юнаго проповѣдника дышетъ
 неподдѣльнымъ чувствомъ; одушевленіе его такъ искренне,
 что и восклицанія и вопросы весьма естественны. Возьмите хо-
 тя бы слѣдующій отрывокъ: „Сія Божественная кровь... О лю-
 бовь безконечная! одной капли ея довольно было бы омыть на-
 ши беззаконія и угасить геенну нашу; а Ты проливаешь ее
 потоками! О милосердый даже до немилосердія!!—прости упре-
 камъ изумленной благодарности!—Довольно! довольно!—или
 нѣтъ! проливай до изтопанія сей неизтощимый токъ блажен-
 ства, сію воду жизни!... Ахъ! я не знаю, что мнѣ дѣлать, пла-
 кать, или радоваться? Плакать ли о Твоей смерти или радо-
 ваться о моемъ въ ней безсмертіи?—Неужели довольно? У
 креста Твоего *милость и истина срѣтостася*, у гроба Твоего
правда и миръ облобызастася (Псал. 84, 11). Совершишася!“
 Равнымъ образомъ и съ отрицательной стороны, обличеніе по-
 рочныхъ природныхъ склонностей человѣка, изображеніе не-
 достатковъ его въ отношеніи къ требованіямъ идеи искупленія
 у Дроздова и скромнѣе и въ то же время сильнѣе, рельефнѣе.
 Скромнѣе потому, что онъ не обращается къ слушателю съ
 такими воззваніями, какъ: „совершились Его (Христа) страда-
 нія: Такъ пересталъ ли ты своими пороками уязвлять уязвлен-
 наго Христа?“... „Совершились всѣ дѣла посольства Его. Такъ
 совершилось ли въ тебѣ благое изволеніе послѣдовать гласу
 небесному?“ и под., а скорѣе ставитъ себя самого въ рядъ об-
 личаемыхъ: „Обратимъ лучше,—говоритъ онъ,—заботливость
 вашу на самихъ себя. Для всѣхъ-ли насъ во всемъ простран-
 ствѣ совершилось великое дѣло Иисусово?“ и т. д. Что можетъ
 быть сильнѣе и впечатлительнѣе слѣдующаго затѣмъ изобра-
 женія того, какъ однакоже относится человѣчество, даже ис-
 купленное кровію Христа, къ дѣлу искупленія:—„Увы!—взы-
 ваетъ юнный проповѣдникъ,—и солнце не освѣщаетъ вдругъ
 всея земли; угрюмая ночь не стыдится ступать по его слѣ-

дамъ и разстилать свои мраки въ мѣстахъ, имъ посѣщенныхъ. Самая глубокая тишина не есть прекращеніе бури, но только ея дѣйствіе въ другихъ странахъ воздуха... Пусть бы одна только буря закрыла тучами Солнце правды; пусть бы единожды пострадалъ и распялся Сынъ Божій: но тягчайшія страданія Его еще не кончились. Его Апостоль и между чадами новаго Израиля видитъ изверговъ, *второе распинающихъ Его* (Евр. 6, 6) и т. д. Наконецъ, самое заключеніе проповѣди Дроздова, выраженное въ формѣ обращенія къ Совершителю спасенія, несравненно болѣе гармонируетъ съ общимъ тономъ смиреннаго сознанія своей виновности, выраженнаго въ приложеніи и въ то же время несравненно живѣе и сильнѣе запечатлѣваетъ всю проповѣдь, нежели заключеніе въ проповѣди Платона, гдѣ оно нѣсколько растянуто, да и съ тономъ предшествующаго обличенія не совсѣмъ гармонируетъ. Оставляемъ уже въ сторонѣ нѣкоторыя логическія несообразности или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣнія въ проповѣди Платона, какъ наприм., высказанную, очевидно въ угоду формальной сторонѣ дѣла, мысль о томъ, что будто-бы „окончаніе получилъ“ далѣе „законъ написанный въ сердцѣ нашемъ правосудною рукою Божіею; ибо *кончина закона Христосъ* (Рим. 10, 4).“ Здѣсь, очевидно, смѣшивается законъ естественный—законъ совѣсти, который, конечно, не „получилъ окончаніе“ съ христіанствомъ, а напротивъ освященъ имъ, съ закономъ ветхозавѣтнымъ, о которомъ собственно рѣчь въ приведенныхъ словахъ Апостола Павла (Рим. 10, 4). И съ этой стороны 23-лѣтній учитель греческаго и еврейскаго языковъ осмотрительнѣе 30-лѣтняго архимандрита и профессора богословія. Да и вообще у Дроздова, не смотря на всѣ условія, вызывавшія его на подражаніе Платону въ проповѣди на Великій Пятокъ, не только не замѣтно желанія подражать своему учителю, но и напротивъ—во всемъ проглядываетъ сильное стремленіе къ независимости обнаруженія своего проповѣдническаго таланта: качество невольнымъ удивленіемъ отозвавшееся въ Платонѣ и тѣмъ сильнѣе расположившее послѣдняго къ юному проповѣднику.

Обратимся теперь къ другому учителю Дроздова—Авастасію. Не найдемъ ли мы здѣсь источника краснорѣчія Дроздо-

ва? Изъ всѣхъ пяти проповѣдей Анастасія на Великій Пятокъ беремъ раньше всѣхъ другихъ сказанную, какъ болѣе близкую по темѣ къ проповѣди Дроздова, нежели другія его слова на тотъ же день. Мы имѣемъ въ виду проповѣдь его, сказанную въ 1793 году въ придворной церкви въ Петербургѣ, когда онъ имѣлъ съ небольшимъ 32 года отъ роду и незадолго передъ тѣмъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита. Слово разсуждаетъ о томъ, что *„коль великія къ человеку Божія благодѣянія: толь велика и человѣческая предъ Богомъ неблагодарность“*. Вотъ самое слово:

„Се! невинность предана. Праведникъ вмѣненъ со беззаконными. Свѣтъ, истина и животъ восхищенъ отъ среды.... Иисусъ распятъ. Жестокосердіе, торжествуя надъ жертвою мщенія своего, кровь Ело, вопіеть, на насъ и на чадѣхъ нашихъ (Матѣ. 27, 25).

Природа! по что содрагаешься ты? Что приводитъ въ смятеніе твой чинъ?.... Солнце меркнетъ; земля потрясается; сокрушаются камни.—Неблагодарность Іудеевъ! ты ужасаешь небесную твердь! ты колеблешь страхомъ сердце земли.

Оставляютъ сыны Іаковлевы Бога, когда языцы вопіють: *великій Богъ Израилевъ, и хвалень зло* (1 Пар. 16, 25). Отвергаютъ Мессію, когда Божественною силою Его *слѣпые зрятъ, хромые ходятъ*, проповѣдуется *плыннымъ* отпущеніе, и благоговѣствуется *мѣто Господне пріятно* (Матѣ. 11, 5). Возносятъ убійственныя руки на Христа, когда Онъ, исполненъ кротости, смиренія и любви, призываетъ блуждающихъ къ свѣту, истинѣ, миру и покою: достойны-ли убо они пользоваться свѣтомъ? Ахъ! есть-ли бы долготерпѣніе Божіе не удерживало руки, вознесенныя правосудіемъ на пораженіе неблагодарности: что была бы доселѣ вселенная? Что былъ бы не Израильскій токмо, но весь человѣческій родъ?

„Коль великія къ человеку Божія благодѣянія, милости и щедроты! Но коль велика и человѣческая предъ Богомъ неблагодарность!

„Богъ! се достопоклоняемое имя, коимъ нарицаемъ безпредѣльнаго и безконечнаго. Оно не отвѣтствуетъ величію и славѣ пресовершеннаго: но мы Его произносимъ яко дѣти. И кто

на гласъ имени Божія не разыграетъ радостями? Когда каждое движеніе нашего сердца есть толико-кратное повтореніе сея священной истины: *о Богѣ живемъ, и движемся, и есмь* (Дѣян. 17, 28).

„Человѣкъ существуетъ! Съ какимъ попеченіемъ милостивое провидѣніе промышляетъ о первыхъ слабостяхъ его, какъ онъ приходитъ во свѣтъ? Когда родители, сіи столь же слабые блюстители безсильныхъ младенцевъ, истощаютъ всю нѣжность попеченій своихъ надъ ними: тогда ссущіе, нѣмотствующими устами, единому Богу совершаютъ хвалу: *ты создалъ еси утробы наша, воспріялъ еси насъ отъ чрева матери нашея* (Псал. 138, 13). Человѣкъ начинаетъ познавать себя, что онъ человѣкъ. Уже душа его, въ предшествіи способностей своихъ, ищетъ другаго свѣта, кромѣ озаряющаго тѣлесные глаза. Премудрость Божія изъ всея вселенныя единъ созидаетъ храмъ истиннаго просвѣщенія, и съ высокимъ проповѣданіемъ призываетъ въ оной всѣхъ требующихъ ума, глаголя: *приидите ко Мнѣ чада, послушайте Мене: азъ страху Господню научу васъ* (Псал. 33, 12): се начало, се совершенство вашей мудрости. Призываетъ? и гласъ ея, гласъ внушающій страхъ благоговѣинства предъ Господемъ, гдѣ не слышится? Весь оставъ человѣка, *вся кости его рекутъ: Господи, Господи! кто подобенъ Тебѣ* (Псал. 34, 10)? Уже сердце человѣческое ощущаетъ въ себѣ пореваніе къ блаженству. Великодаровитый Богъ оставилъ ли его блуждать въ неизвѣстности, и вмѣсто истины гоняться за мечтами? Сыне человѣчь! обратися ко мнѣ; *даждь мнѣ сердце твое* (Прит. 23, 26); азъ единъ *блазъ* (Матѣ. 19, 17); азъ единъ твое блаженство. Тако вѣщаетъ благость Божія въ безсмертныхъ желаніяхъ человѣка. Онъ руководимъ страхомъ Господнимъ, послѣдуя свѣтильнику ума своего, при всѣхъ льстящихъ чувства его видимостяхъ не можетъ не сказать: *встань сердцемъ азъищу Тебе, Боже мой! не отрини мене отъ заповѣдей Твоихъ* (Псал. 118, 10). Уже человѣкъ чувствуетъ свободу въ намѣреніяхъ своихъ; но вмѣстѣ ощущаетъ внутреннюю силу, столько его преклоняющую ко благому начинанію, сколько удерживающую отъ злаго. Се печать, которую положилъ Богъ въ совѣсти его, въ знаменіе власти Своея надъ нимъ,

возвышающія конецъ бытія его! Се законъ, который данъ человѣку свѣтильникомъ въ путяхъ его, къ безбѣдному шествованію къ вѣчности!

„Съ симъ первымъ понятіемъ о благодати Божіей, къ входящему въ свѣтъ человѣку, возможно ли сообразить превратное его обращеніе предъ виновникомъ бытія его? Богъ, Творецъ его? Гдѣ же чувства тѣхъ священныхъ къ Нему обязанностей, кановыя превосходство мыслящихъ существъ явственно предполагаетъ? Онъ просвѣщенъ истиннымъ Богопознаніемъ: но душа его занята противными тому предубѣжденіями. Проповѣдуетъ устами имя Божіе: но въ сердцѣ часто сооружаетъ храмъ невѣдомому Богу. Онъ разсматриваетъ дѣла Божія, яже положи тѣдеса на земли: но изъ совершенствъ Божіихъ, изображенныхъ въ дѣлахъ его, рѣдко извлекаетъ спасительныя для себя наставленія; разсуждая тако: Богъ премудръ; возвѣщаютъ то вселенныя красота и порядокъ: я ли не поведу жизни достойныя человѣка; я ли не благоупотреблю совершенствъ моихъ въ славу Господа моего? Богъ все управляетъ; возвѣщаютъ то вещи, стремящіяся неуклонно къ извѣстнымъ концамъ своимъ: я ли потеряю изъ виду истинный предметъ существованія моего; я ли отдамъ себя на произволь случая слѣпаго? Богъ все видитъ; возвѣщаетъ то непроницаемый человѣческимъ умомъ союзъ причинъ и ихъ дѣйствій: я ли не сочту путей моихъ, и не пойду по начинаніямъ моимъ, яко въ присутствіи Бога моего? Гдѣ исполненіе тѣхъ великихъ должностей, которыя нетлѣнный перстъ Божій предписываетъ человѣку въ совѣсти его? Мы жертвуемъ иногда благоговѣйными воздыханіями къ Господу нашему; но колѣна преклоняемъ пороку. Мы чувствуемъ всю пріятность добродѣтели: но законы ея почитаемъ тягчайшимъ бременемъ. Свобода связана узами страстей, сердце плѣнено временностями: безсмертіе отвергается; вѣчность почитается мечтою.

„Воспитатели человѣчества! внушите прежде всего юнымъ умамъ, чѣмъ они одолжены Богу. Обратите взоры мыслей ихъ на ихъ же самихъ, да познаютъ, чьихъ совершенствъ они посятъ въ себѣ образъ и подобіе. Внушите младымъ сердцамъ любовь къ добродѣтели, коея сѣмена десница Божія насадила

въ нѣдрахъ ихъ. И тогда съ радостію пожинайте плоды попеченій вашихъ; тогда Богъ съ пріятностію взираетъ на воспитанниковъ вашихъ; и благословеніе Его почиваетъ на главахъ ихъ.

„Но поступимъ далѣе. Человѣкъ вступаетъ въ общество; въ сей нравственнаго міра союзъ, въѣ котораго человѣчество теряетъ достоинство свое и славу. Состоянія и ихъ степени, званія и ихъ важности, должности и ихъ различіе суть благовременные опыты для каждаго способностей, дѣйствующихъ въ кругѣ обязанностей своихъ. Но во всѣ сіи явленія жизни изводитъ человѣка таже десница Божія, которая привела его изъ не бытія въ бытіе. Никто не имѣетъ исключительнаго права изъ власти Божіей. Благодать Божія не ограничивается тѣмъ, чтобы бросить человѣка на полѣ свѣта сего, подобно сѣмени, бросаемому на нивѣ рукою земледѣльца. И когда благонамѣренная душа вручаетъ себя руководству бдящія премудрости: тогда всѣ виды счастья земнаго вопіють немолчно: *что имали, о человѣкъ! еже нѣси пріялъ отъ руки Господа твоего* (1 Кор. 4, 7)? Его благотворнымъ маніемъ восходитъ въ полной силѣ общаго благоденствія свѣтило, и простираетъ мирные лучи свои отъ предѣла до предѣловъ, отъ пространныхъ градовъ до смиренныхъ весей, отъ чертоговъ до нивъ, орошаемыхъ потомъ. Его благодати исполнь вся земля; да во всемъ и отъ всѣхъ славится пресвятое имя Его.

„Но оставимъ ропщущихъ на судьбы Божія, опредѣляющія каждому свой его жребій. Прейдемъ частныя въ намѣреніяхъ, въ дѣлахъ, въ отношеніяхъ неправды. Умолчимъ, какъ дѣла званій, дѣла Божія творятся съ небреженіемъ? какъ оскудѣваетъ любовь, и человѣчество страдаетъ отъ подобныхъ ему? какъ пощраются тѣ священныя должности, которыя связываютъ человѣковъ въ едино сердце и въ едину душу? какъ дарами счастья ослѣпляются сердца и забываютъ дающую оныя руку Господню? Не повѣдаемъ о тѣхъ вопляхъ, коими вопіють твари на небо, желая освободитися отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ (Рим. 8, 21): едино сіе откроемъ, что минута истинная нашей благодарности предъ Богомъ столь рѣдка, сколь всѣ почти бытія нашего часы, съ рядомъ прохо-

дять въ забвеніи Бога; сколь часто воздыхая, рѣдко воображаемъ благочестіе и вѣру.

„Благочестіе и вѣра... Паки отверзаются небеса; паки изливаются на человѣка тѣ высочайшія Божія благодѣянія, которыя столько возвышаютъ блаженный жребій его, что онъ дѣлается уже не больше своимъ, но весь Божиимъ. Кто сей, коего воспоминаемъ страданіе и смерть? Естьли умы смертныхъ осуетишася въ помышленіихъ своихъ, и Бога не яко Бога прославиша, или благодариша: се небесный истинны Учитель! Божественныя уста Его еще среди церкви возвѣщаютъ братіи имя Предвѣчнаго; и гласъ благовѣстія Его слышанъ будетъ, доколѣ мимо идутъ небо и земля. На семъ камени честномъ и избранномъ сооружены духовныя богослуженія храмы, яко Богъ есть Духъ. Отъ сего источника премудрости и смысла истекали тѣ чистѣйшія наставленій струи, каковыми любомудріе сердецъ человѣческихъ не орошало. Отъ сего солнца правды заимствовало тихій и мирный лучъ все то просвѣщеніе, каковымъ токмо человѣки должны прославлять Отца свѣтовъ. Естьли совѣсть, раздираемая терзаніями грѣховъ, представляетъ Бога со стороны праведнаго Его и безконечнаго гнѣва: се жертва умилостивляющая раздраженное правосудіе Божіе! Се жертва, очищающая душъ сокрушенныхъ совѣсти отъ грѣховъ, такъ, что *ни единому нынѣ осужденіе сущимъ о Христвъ Исусъ* (Рим. 8, 1). Отсюда раждается та благодатная перемѣна сыновъ гнѣва Божія въ сыны любви Его; то кроткое дерзновеніе именовать Бога Отцемъ своимъ, поручая Себе въ пресвятую волю Его, съ сыновнимъ воли Своея покореніемъ предъ Нимъ. Естьли сердце, колеблемое желаніями блаженства, низпадаетъ до отчаянія подъ тяжестію неустроенныхъ надеждъ своихъ, и лучъ вѣчности совершенно теряетъ изъ виду въ мракъ наступающія кочины: се животь! се Ходатай спасенія! Вѣруя въ Него, торжествуя надъ тлѣніемъ, съ радостными восклицаніями вступаетъ во врата блаженныя вѣчности. Отсюда происходитъ то великодушіе, никакими превратами не потрясаемое; то надѣяніе на Бога, никакими противностями не сражаемое; то предвкушеніе небеснаго блаженства, предъ которымъ всѣ временности исчезаютъ. Естьли добродѣтель образовала себя въ на-

ружныхъ точію видахъ, и порокъ лицетворилъ ея, безъ боязни правосудія: се Божественный истинный добродѣтели и учитель и примѣръ! Отсюда та чистая любовь къ Богу, коя свидѣтельствуется любовію къ блаженному, благотворящею даже врагамъ своимъ; та святость въ намѣреніяхъ и правда во всѣхъ законныхъ званіяхъ и должностяхъ; та, при всемъ возвышеніи величества и славы, кротость души и смиреніе сердца, которыя, яко истинное подражаніе Спасителю, дѣлають христіанина Богоподобнымъ.

„Что-жь? познавать совершеннѣе Бога, чтобы тѣмъ дерзновеннѣе отвергать Его? Принимать законъ Евангелія, дѣлаться ученикомъ Христовымъ, дабы просвѣтившись ученіемъ Его, вкусивши дара небеснаго, причастникомъ бывши Божественныхъ благодѣній Христовыхъ, еще въ предрѣніяхъ совопрошати: аще сей есть Христосъ Сынъ благословеннаго? Хвалиться свободою правды, дабы свободнѣе работать грѣху? Наричать Бога Отцемъ своимъ; дабы, подъ предлогомъ великаго спусхожденія Его, жертвовать достояніемъ наслѣдія небеснаго разврату? Быть увѣрену объ отеческомъ Крѣ. промыслѣ, дабы не стараться сдѣлать себя онаго достойнымъ? Подуначь нетѣльный залогъ жизни вѣчнаго, дабы сердце свое погребать въ тѣлѣ? Ненавидѣть порокъ, дабы не любить добродѣтель? Ужасное противорѣчіе! Несчастные опыты тѣмъ ужаснѣе дѣлають онаго событіе. Неблагодарность! доколѣ терпѣніе Божіе во зло употреблять будешь? Христіанинъ! что еще остается творить Богу, чего бы Онъ для тебя не сотворилъ? Ты возлюбленъ Господомъ прежде, нежели Господь твой былъ возлюбленъ тобою: люби же Его всюю крѣпостію души твоея; люби Его законъ; люби добродѣтель. Ты просвѣщенъ свѣтомъ: не будь тростию, колеблемою вѣтромъ всякаго ученія. Ты освященъ благодатію въ храмъ Божій: да не узрится въ немъ запустѣніе нераскаянныхъ пороковъ. Ты имѣешь несомнѣнное упованіе получить вѣчное блаженство: счастье земное да приближаетъ тебя къ оному, а не отдаляетъ. Прослави Бога и въ тѣлеси твоёмъ, и въ душѣ твоей.

„Великій Боже! Твои благодѣнія, къ намъ толико же безпредѣльны, какъ безпредѣльны Твои совершенства. Мы не можемъ принести достойную величества Твоего жертву благо-

даренія; но священный долгъ признательности щедротъ Твоихъ чувствуемъ, вѣчно лежащій на совѣстяхъ нашихъ. Прими о Препоблагій! истинное исповѣданіе немощей нашихъ; и ради безконечныя любви! Твоея не уклони отъ насъ щедротъ Твоихъ; продолжи къ намъ милости Твоея. Аминь“ *).

Итакъ, вотъ проповѣдь и русскаго Массильона, **) какъ раньше приводима была нами! проповѣдь Платона—русскаго или Московскаго Златоучета, на одинъ и тотъ же Великій Пятокъ. Энергія мысли, сила выраженія, большею частію ограничивающагося краткими предложеніями, неожиданность оборотовъ рѣчи и другія качества проповѣди Анастасія, вмѣстѣ съ легкостію стиля, не могли не плѣнить умъ и чувство нашего юнаго проповѣдника В. М. Дроздова, не могли не заставить его предпочесть эти качества далеко не такъ привлекательнымъ свойствамъ проповѣдей Платона: растянутости мыслей, длиннотѣ періодовъ и т. д. И эти качества краснорѣчія Анастасія видны ясно въ проповѣдяхъ ученика его—Дроздова. Но за всѣмъ тѣмъ ученикъ и здѣсь пошелъ самостоятельною дорогою, какъ въ отношеніи къ Платону. Онъ не усвоилъ себѣ этого стремленія блестящею неожиданностію умозаключеній, нерѣдко скрывающею естественный ходъ мыслей и затемняющею рѣчь,—этой привычки отвлекаться отъ главнаго предмета проповѣди въ стороннія умствованія и пр., отъ которыхъ не всегда свободны проповѣди Анастасія. Впрочемъ, вообще говоря, философскій отгѣнокъ проповѣдей Анастасія не остался безслѣднымъ въ проповѣдяхъ В. М. Дроздова. Онъ согласовался съ твердо выработавшимся строемъ мысли самого В. М. Дроздова и нерѣдко обнаруживается, особенно же въ позднѣйшей проповѣднической дѣятельности его. Но, повторяемъ, самостоятельность проповѣдническаго таланта Дроздова и здѣсь болѣе видна, нежели подражательность. Въ этомъ отношеніи мы не говоримъ даже только о приведенныхъ выше образцовыхъ проповѣдяхъ его на 12 января и на Великій Пятокъ 1806. года, а даже и о другихъ проповѣдяхъ, сохранившихся до нашего

*) Поучительныхъ словъ Анастасія томъ I, стр. 45—57. Москва 1803.

**) Такъ звали Анастасія современники его. См. сочиненія Анастасія, стр. XIII. Изд. Коралева и Сирякова. Спб. 1850.

времени отъ разсматриваемаго періода. Таковы: 1) Слово на день преподобнаго Сергія ¹⁾, которое исходя изъ текста: *придите ко Мнѣ вси труждающіи ся и обремененніи* (Матѳ. 11, 28), развиваетъ понятіе о вѣрѣ съ плодами ея (Гал. 5, 22—23), чтобы въ этомъ, въ заключеніи, указать путь, да „пойдемъ по нему“, какъ вмѣстѣ и—путь, которымъ шествовалъ преподобный Сергій. Съ этимъ словомъ В. М. Дроздова можно привлечь въ сравненію изъ многихъ проповѣдей Платона на тотъ же день слово, сказанное 25 сентября 1800 года и имѣющее предметомъ своимъ также раскрытіе понятія о вѣрѣ праведниковъ, которой мы должны подражать ²⁾; а изъ проповѣдей Анастасія—слово на день преподоб. Сергія, произнесенное въ 1796 г. 25 сентября въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ ³⁾, котораго Анастасій нѣкоторое время состоялъ архимандритомъ. И это слово разсуждаетъ о томъ, что „вѣра и добродѣтель ведутъ къ небесамъ“. 2) Слово въ день обрѣтенія мощей препод. Сергія ⁴⁾, которое исходя изъ текста Исаи 58, 10—12 и примѣняя его къ преподобному, *кости котораго прорыбли въ нетлѣнныи мощей его*, темою имѣетъ понятіе объ истинномъ насыщеніи вѣрующихъ (на основаніи словъ того-же текста: *насытѣиши ся, яко-же желаетъ душа твоя*). 3) Слово на день Рождества Богородицы ⁵⁾, исходящее изъ текста: *едино есть на потребу* (Лук. 10, 42) и развивающее мысль о томъ, что должно быть *едино на потребу* для христіанина. 4) Слово въ недѣлю 19 по 50-цѣ о любви ко врагамъ (на основаніи Лук. 6, 35), ⁶⁾ съ каковымъ словомъ можно сравнить подобное-же слово Платона (о милосердіи), сказанное въ 1764 г. на ту-же недѣлю ⁷⁾ и—Анастасія (объ истинной любви къ ближнимъ), произнесенное на ту-же недѣлю въ 1796 г. ⁸⁾.

¹⁾ См. I томъ сочиненій Филарета изд. 1873 г. стр. 271—276.

²⁾ См. 19 томъ сочиненій и проповѣдей Платона, стр. 257—266 (Москва 1803). Срав. также его слово на тотъ-же день, говоренное 5 іюля того-же 1800 г., на стр. 249—256 тома 19.

³⁾ Поучител. слово Анастасія т. 2, стр. 51—62. Москва, 1803.

⁴⁾ Сочиненій Филарета т. 1, стр. 281—285. Москва, 1873.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 277—280.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 285—289.

⁷⁾ См. проповѣдей Платона т. I, стр. 206—216. Москва, 1779.

⁸⁾ Слово Анастасія т. II, стр. 99—110.

5) Слово въ 28 недѣлю по 50-цѣ, *) исходящее изъ текста: *имѣй мя отреченна* (Лук. 14, 18) и имѣющее предметомъ своимъ раскрытіе понятія объ истинной вѣрѣ, при которой ни что не можетъ разлучить насъ отъ Бога, отречься отъ Него (**), 6) слово въ недѣлю Мясопустную ***) , имѣющее въ основаніи своемъ текстъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Матѣ. 25, 41), а предметомъ — изображеніе страшнаго суда Божія, для возбужденія слушателей къ покаянію. Наконецъ, 7) слово, на освященіи храма Св. Троицы въ Махрицкомъ монастырѣ, произнесенное 23 августа 1808 года. Это слово въ основаніи своемъ имѣетъ текстъ: *страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная* (Быт. 28, 17) и сказано на тему о величій дома Божія ****). Во всѣхъ этихъ проповѣдяхъ юнаго витія отражаются все тѣ же достоинства и качества, которыми характеризуются и выше разсмотрѣнныя нами проповѣди его, произнесенныя въ 1806 году: то же твердое обоснованіе на словѣ Божіемъ, какъ главнѣйшемъ источникѣ для проповѣдника; но съ принятіемъ во вниманію и другихъ источниковъ и матеріала проповѣди (церковное преданіе, исторія и пр.); та же пламенная ревность о благѣ и спасеніи ближнихъ и отсюда пламенное краснорѣчіе; то же глубокое религіозно-нравственное чувство оратора, возвышавши самое это краснорѣчіе его и проч. и проч. Отличаются онѣ отъ тѣхъ лишь меньшею отдѣлкою какъ со сто-

*) Сочиненій Филарета т. I, стр. 289—293.

***) Понятіе о вѣрѣ въ словѣ В. М. Дроздова раскрывается, между прочимъ, исторически (на основ. Евр. 11 гл.). Сравн. подобное же раскрытіе понятія о вѣрѣ въ проповѣди Платона на недѣлю предъ Рожд. Христовымъ, произнесенной въ 1764 году. См. т. I проповѣдей Платона, стр. 238—248.

****) Сочиненій Филарета т. I, стр. 294—299.

*****) Слово это напечатано въ первый разъ, съ пропускомъ и измѣненіями, сдѣланными самимъ проповѣдникомъ, въ „Исторіи Троицко-лаврской семинаріи“ С. К. Смирнова (стр. 425—429) въ 1867 г.; затѣмъ по другому рукописному списку въ „Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просв.“ за 1868 г. безъ пропусковъ и, наконецъ, въ I томѣ сочиненій Филарета (стр. 128—133) въ 1873 г. не только со вставкою пропущеннаго, но и съ вариантами рукописныхъ списковъ проповѣди. Къ тому считаемъ нужнымъ добавить, что и другія вышесчисленныя проповѣди В. М. Дроздова напечатаны также (за исключеніемъ словъ на 12 января и Великій Пяттокъ) въ „Чтеніяхъ въ общ. любит. дух. просв.“ за 1868 г. въ матеріалахъ для біографіи Филарета.

роны раскрытія мыслей (ведоразвитіе нѣкоторыхъ мыслей или наоборотъ нѣкоторый излишекъ въ раскрытіи однихъ мыслей, несоотвѣтствующій раскрытію другихъ и под.), такъ и со стороны стиля (недостатокъ ясности въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, иногда недостатокъ чистоты рѣчи и под.); что, впрочемъ, безъ сомнѣнія, много зависить и отъ достоинства рукописныхъ списковъ (несобственноручныхъ); съ которыхъ онѣ печатаны были, какъ о томъ свидѣлствуютъ и сами издатели проповѣдей В. М. Дроздова *). Проповѣдь на освященіе Махрицкаго храма во имя Св. Троицы была однимъ изъ самыхъ послѣднихъ опытовъ въ школѣ проповѣдничества, выдержанной В. М. Дроздовымъ такъ блистательно подъ руководствомъ опытнѣйшаго въ проповѣдничествѣ учителя митрополита Платона. Это была въ тоже время какъ-бы и послѣдняя похвальная пѣснь въ честь учителя—возобновителя храма въ Махрѣ **). Въ ноябрѣ того же 1808 года В. М. Дроздовъ принялъ, какъ намъ извѣстно, санъ монашескій и вмѣстѣ съ тѣмъ имя Филарета, а въ концѣ декабря въ санѣ іеродіакона, уже вѣхаль, по особому вызову, въ сѣверную столицу Россіи—Петербургъ. Это было противъ желанія Платона, взлелѣявшаго В. М. Дроздова какъ духовнаго сына и чаявшаго видѣть въ немъ опору и утѣшеніе въ своей старости; также какъ противъ желанія Платона послѣдовалъ одновременный вызовъ и префекта Виѣанской семинаріи, іеромонаха Евгенія Казанцева, котораго Платонъ также взлелѣялъ и любилъ какъ сына. „Вотъ и префекта Евгенія берутъ“—пишетъ немощный старецъ—архипастырь изъ Виѣаніи викарію своему Августину отъ 3 января 1809 г.— „когда-бъ хотя Филаретъ былъ возвращенъ! Видно дѣло идетъ ко уничтоженію нашихъ семинарій“ ***). „Вамъ извѣстно, пишетъ онъ ему-же отъ 10 января того-же года,—что у меня и префекта и Филарета берутъ. Префектъ подалъ письменно, чтобъ его уволить отъ Питера, я представилъ о обоихъ. Не знаю,

*) См. примѣчаніе къ стр. 271 тома I сочиненій Филарета изд. 1873 г.

***) См. вступленіе въ проповѣдь на освященіе храма въ Махрѣ, возобновленнаго Платономъ, любившимъ это пустынное мѣсто.

***), Писемъ Платона къ Амвросію и Августину, стр. 131 по изданію редакціи „Прав. Обозрѣнія.“

что выйдетъ“ *). Но тщетно взывалъ старецъ. Филарета не возвращали. „Префекта берутъ отъ меня, или отнимаютъ, а Филарета не отдають; весьма не совѣстно; ибо уже что разсматривать, когда было опредѣленіе его здѣсь оставить? Но что-же дѣлать?“—взываетъ жалобно старецъ. „Терпѣть? Да терпѣнію конца нѣтъ“ **). Однако и цѣлый 1809 годъ старецъ терпѣлъ и ждалъ возвращенія Филарета. Такъ даже 2 января 1810 года онъ писалъ къ митрополиту петербургскому Амвросію: „прошу Филарета отпустить ко мнѣ; я крайнюю имѣю нужду въ ректорѣ“ ***). Но Филаретъ былъ нуженъ въ Петербургъ, и его не отпускали. Въ утѣшеніе-же старцу возвратили одного Евгенія, назначивъ его ректоромъ въ Троицкую семинарію. Тогда Платонъ, предчувствуя близость кончины своей, и зная цѣну проповѣдническаго таланта Филарета, зная и сыновнее его къ себѣ расположеніе, выразилъ желаніе, чтобы Филаретъ, по крайней мѣрѣ, надгробнымъ словомъ отвѣтилъ на его отеческое къ нему чувство, на его зовъ къ нему. Письменно передалъ Филарету это предсмертное желаніе Платона вышеупомянутый Евгеній. Что же Филаретъ? Онъ написалъ нѣсколько словъ (въ письмѣ на имя Евгенія) въ похвалу Платону, сравнивая его съ Василиемъ Великимъ и заключилъ: „подлинно онъ былъ Великій Василій, но я не Григорій“ ****).

Такъ кончились отношенія Филарета къ школѣ его проповѣдничества въ Троице-Сергіевой лаврѣ, равно какъ и къ главному начальнику и учителю этой школы—митрополиту Платону. Съ переселеніемъ Филарета въ Петербургъ изъ-подъ „кроткой тѣни“ лавры начинается для него новая, блестящая болѣе прежняго пора проповѣднической дѣятельности, заслуживающая особаго разсмотрѣнія.

Шв. Норсунскій.

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же, стр. 132.

***) Тамъ-же, стр. 87.

****) Слова самого Филарета, уже приведенныя нами изъ писемъ его въ родныхъ, стр. 100.

ГРЕЧЕСКІЕ СИЛЛОГИ.

Силлоги—это греческія общества въ Турецкой имперіи съ научно-литературными и педагогическими цѣлями, имѣющія весьма важное значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія современныхъ грековъ *).

Начало силлоговъ относится къ 60-мъ годамъ текущаго столѣтія.—Во главѣ константинопольскихъ ученыхъ, которые содѣйствовали образованію и развитію ихъ, нужно назвать Героклеса Вассіадиса, доктора философіи и медицины. Но какъ Адамантий Кораксъ, въ началѣ текущаго столѣтія, не могъ успѣть въ своемъ литературномъ предпріятіи—изданіи греческихъ классиковъ—(Ἑλληνικὴ βιβλιοθήκη) безъ покровительства братьевъ Зосима (греческихъ купцовъ, жившихъ, впрочемъ, въ Россіи), точно также не успѣлъ бы и Вассіадисъ въ своемъ предпріятіи безъ благороднаго вспомошествованія отъ Христки Зографа. Этотъ константинопольскій банкиръ, благодаря своему живому и проницательному уму, понялъ всю пользу, какую могутъ принести греческой націи такого рода общества и могущественно содѣйствовалъ своими жертвованіями ихъ основанію и благосостоянію.

Жертвованія Зографа на этотъ предметъ, какъ и вообще на дѣло греческаго просвѣщенія, весьма значительны. Вотъ, на примѣръ, эти жертвованія отъ 1870—80 г.

*) Свѣдѣнія о силлогахъ заимствуемъ изъ книги: „L'instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusque' a nos jours“ par G. Chassiotis, Paris. 1881.

1. Константинопольскому силлогу:

а) на построение здания въ Константинополь	50,000 фр.
б) на библиотечку и кабинетъ для чтенія	5,080 фр.
в) на премія за сочиненія по исторіи и географіи Эпира	2,415 фр.
г) на поддержаніе школъ силлогою (1873—76 г.)	23,000 фр.
д) на изданіе авторовъ греческихъ (Зографская библиотечка)	155,250 фр.
е) на изданіе памятниковъ греческаго народнаго языка (1873—80 г.)	16,000 фр.
ж) на коллекцію манускриптовъ	2,300 фр.
з) на публикацію годоваго отчета силлога	4,600 фр.
и) на апоэозу Гомера	6,525 фр.

2. Эпиротскому силлогу:

а) первоначальное приношеніе при учрежденіи силлога	34,500 фр
б) на устроеніе нормальныхъ школъ въ Эпирѣ	110,400 фр
в) на ихъ содержаніе отъ 1870—80 г.	264,500 фр.
г) на покупку недвижимыхъ имуществъ въ пользу означенныхъ школъ	460,000 фр.

3. Другимъ силлогамъ:

для разныхъ цѣлей	598,100 фр.
-----------------------------	-------------

В с е г о . . 1.733,470 фр.

Имя Христки Зографы поэтому справедливо стоитъ во главѣ основателей силлоговъ. Французскій эллинистъ, профессоръ Эгерсъ, восхваляетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „многo ли найдется у насъ во Франціи меценатовъ, подобныхъ константинопольскому банкиру Христки Зографу, который полною рукою сыплетъ золото всюду, гдѣ онъ находитъ полезнымъ для успѣха наукъ основать ученое общество, открываетъ конкурсы, издаетъ на свой счетъ для обученія юношества коллекціи классиковъ древности?“—Рядомъ съ Зографомъ нужно поставить другаго константинопольскаго банкира же, Георга Зорифа, который также участвуетъ во всѣхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ предпріятіяхъ и сдѣлался его соревнователемъ. Константинопольскій святѣйшій Синодъ, по предложенію патріарха Іоакима III, почтилъ ихъ обоихъ именемъ „великихъ благодѣтелей церкви и націи греческой“.

Вокругъ этихъ лицъ группируются многіе другіе патріоты какъ въ Константинополь, такъ и въ другихъ городахъ разныхъ греческихъ провинцій Турецкой имперіи, готовые служить и знаніями и имуществомъ на пользу греческаго про-

свѣщенія. Благодаря усиліямъ такихъ лицъ и возникли быстро на Турецкой территоріи эти многочисленныя ассоціаціи для распространенія просвѣщенія между греками, именуемая силлогами.

Старѣйшій и значительнѣйшій по своей просвѣтительной дѣятельности между этими силлогами:—

Еллинскій филологическій силлогъ—въ Константинополѣ (ὁ ἐν Κωνσταντινοπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς Σὺλλογος), основанный въ 1861 году. Первоначально задачей силлога были—какъ гласилъ первый пунктъ его устава—„устныя или письменныя разсужденія по вопросамъ литературнымъ“. Члены собирались тогда разъ въ недѣлю, чтобы слушать чтенія по наиболѣе важнымъ предметамъ литературы, археологіи и исторіи; послѣ чтеній часто бывали диспуты. Позднѣе, въ видахъ большаго общенія съ публикой, силлогъ сталъ праздновать свои годовщины торжественными собраніями, на которыя являлись знаменитыя лица въ Константинополѣ—изъ грековъ и чужестранцевъ; послѣ годоваго отчета о состояніи и дѣятельности силлога читались рѣчи. Во второй годъ силлогъ сдѣлалъ свои чтенія по литературѣ, лингвистикѣ, исторіи, археологіи, этнографіи, естествовѣдѣніи, математикѣ уже публичными и далъ такимъ образомъ толчокъ интеллектуальному движенію, распространившемуся по всѣмъ греческимъ областямъ Турецкой имперіи. Кромѣ того сталъ издавать въ видѣ отчета о своей дѣятельности ежегодникъ (Περιοδικὸν), приобрѣвшій себѣ почетную извѣстность не только на Востокѣ, но даже и въ Западной Европѣ. (У насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, мало извѣстный).

Чтобы завязать сношенія съ учеными, въ особенности эллинистами Западной Европы, силлогъ учредилъ званія почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Европейскіе ученые охотно принимали эти званія, живо интересуясь развитіемъ силлога и умственнымъ прогрессомъ греческой націи. Учреждены были силлогомъ, по вопросамъ историческимъ и топографическимъ, конкурсы, въ которыхъ приняла участіе знатнѣйшіе ученые изъ грековъ. Рамки работъ общества замѣтно расширились, далеко выступивъ за предѣлы первоначально предположенной цѣли, такъ что сообразно съ этимъ измѣненъ былъ потомъ и самый

уставъ общества. Именно по уставу 1871 года задача силлога была формулирована уже такимъ образомъ: „силлогъ имѣеть цѣлю вообще распространеніе просвѣщенія на Востокѣ: 1) чрезъ научныя и литературныя сообщенія, или бесѣды—устныя и письменныя; 2) чрезъ публичныя чтенія; 3) чрезъ публикаціи годоваго отчета силлога; 4) чрезъ сношенія—научныя и литературныя—съ другими учено-литературными обществами какъ въ Турецкой имперіи, такъ и за-границей; 5) чрезъ основаніе публичной библіотеки, кабинета для чтенія и музея; 6) чрезъ учрежденіе конкурса на рѣшеніе научныхъ и литературныхъ вопросовъ; 7) чрезъ вспомошествованіе школамъ бѣднымъ, или основаніе новыхъ учебныхъ заведеній и проч., 8) чрезъ всякія другія мѣры, направленныя къ той-же цѣли“.

По этому уставу силлогъ составляетъ, такимъ образомъ, какъ-бы родъ министерства народнаго просвѣщенія для грековъ имперіи Турецкой. Въ видахъ лучшаго порядка въ своихъ работахъ, силлогъ учредилъ нѣсколько спеціальныхъ комиссій, ежегодно возобновляемыхъ, изъ которыхъ каждая имѣеть своего особаго президента и докладчика. Эти комиссіи суть: 1) общественнаго обученія (de l'instruction publique); 2) филологическая и литературная; 3) научная; 4) археологическая; 5) церковнаго пѣнія; 6) редакціи годоваго отчета. Всѣ вопросы, по обстоятельному обсужденіи ихъ въ комиссіяхъ, передаются на окончательное утвержденіе всему силлогу.

Комиссія общественнаго обученія имѣеть своею задачею заботиться вообще о народномъ образованіи въ греческихъ провинціяхъ Турецкой имперіи. Она даетъ отзывы объ учебныхъ (didactiques) книгахъ, которыя представляются на разсмотрѣніе силлога; даетъ отвѣтъ на разные учебные запросы изъ провинцій; по обстоятельному изученіи началъ новѣйшей педагогіи она составила спеціальную программу для начальнаго образованія; назначаетъ денежныя пособія бѣднымъ епархіямъ и школамъ; въ концѣ каждаго года представляетъ обстоятельный отчетъ объ интеллектуальномъ состояніи всѣхъ греческихъ провинцій Турецкой имперіи, для чего имѣеть всюду—въ директорахъ школъ и епископахъ—надежныхъ корреспондентовъ.

Комиссія филологическая и литературная дѣлаеть сообще-

нія силлогу о научныхъ движеніяхъ въ Европѣ, занимается изданіемъ греческихъ авторовъ, разысканіемъ манускриптовъ въ библіотекахъ, предлагаетъ на обсужденіе силлога разные научные вопросы, заботится о собираніи памятниковъ словеснаго народнаго творчества (пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, басенъ...), дѣлаетъ отзывы о литературныхъ произведеніяхъ, подлежащихъ обсужденію силлога и присуждаетъ за нихъ конкурсныя преміи. Что касается изданія греческихъ авторовъ, — оно было принято комиссіей послѣ зрѣлыхъ обсужденій. Христати Зографъ обязался ежегодно жертвовать на этотъ предметъ въ теченіи 15-ти лѣтъ, начиная съ 1874. года, 155,250 фр. Составлена спеціальная программа этихъ авторовъ, произведенія которыхъ должны составить цѣлую библіотеку съ именемъ Зографа. По этой программѣ ученые, большею частію профессора Аѳинскаго университета, готовятъ теперь къ изданію Гомера, Софокла, Еврипида, Фукидида, Платона, Ксенофонта, Демосѳена, Лизія и Теократа.

Что касается памятниковъ греческаго языка въ произведеніяхъ народнаго творчества, то тотъ-же самый Христати Зографъ учредилъ, съ 1873 года, на собираніе ихъ ежегодный конкурсъ въ 2,300 фр. Матеріалы этого рода, собранные доселѣ и большею частію еще неизданные, весьма обильны и разнообразны. Часть ихъ напечатана въ годовомъ отчетѣ силлога за 1874 годъ (*Περὶοδοῦν*, t. VIII p. 300—308).

Комиссія научная предприняла важную работу прослѣдить успѣхи знанія въ греческой націи, отъ паденія Константинополя до послѣдняго времени, въ области правовѣдѣнія, естествознанія, медицины, математики. Каждый изъ членовъ комиссіи долженъ взять для разработки, по своей спеціальности, одинъ изъ этихъ вопросовъ, что въ совокупности обѣщаетъ весьма серьезную и интересную работу; кромѣ того комиссія обязана давать анализъ наиболѣе замѣчательныхъ трудовъ научныхъ на Западѣ.

Комиссія археологическая занимается розысканіемъ древнихъ памятниковъ, собираніемъ и толкованіемъ разныхъ надписей, которыя обыкновенно и публикуетъ въ годовыхъ отчетахъ силлога. Между прочимъ, она дала точный, на сколько возможно

было, чертежъ древнихъ стѣнъ Константинополя, протяженіе которыхъ такъ удачно опредѣлено докторомъ Паспатисомъ (въ сочиненіи: Βοζαντιναὶ Μελέται τοπογραφικαὶ καὶ ἱστορικαὶ. Constantinople, 1874 in 4-e).

Коммиссія церковнаго пѣнія, учрежденная въ 1876 г., имѣетъ своею задачею изучить соотношеніе современнаго греческаго церковнаго пѣнія съ древней греческой музыкой и изыскать лучшія средства для развитія вкуса къ музыкѣ въ школахъ.

Силлогъ корреспондируетъ со всѣми однородными съ нимъ обществами и разными литературными и учеными, а частію и государственными знаменитостями Европы. Число членовъ силлога (титularныхъ и почетныхъ) между этими знаменитостями очень значительно: въ 1877—78 административномъ году оно доходило уже до 447. Въ числѣ этихъ членовъ, между прочимъ, были: Бразильскій императоръ Петръ II, нынѣшній англійскій министръ президентъ Гладстонъ, лордъ Дерби, множество извѣстнѣйшихъ ученыхъ западно-европейскихъ (Литре, Бартеми с.—Илеръ, Эггеръ, Е. Миллеръ, Бюрнуфъ, Е. и Г. Курциусъ...); изъ русскихъ членами силлога числились генераль Игнатъевъ (бывшій посолъ въ Константинополѣ) и Т. И. Филиповъ; среди самыхъ турокъ силлогъ имѣлъ своихъ почетныхъ членовъ въ лицѣ наиболѣе видныхъ правительственныхъ дѣятелей, каковы: Эдгемъ-паша, Саидъ-папа, Сафетъ папа, Мунифъ-паша и др.

Послѣ пожара 1870 года силлогъ выстроилъ для своего помѣщенія въ центрѣ европейской части города, называемой *Пера*, великолѣпное зданіе въ древне-греческомъ стилѣ. Зданіе заключаетъ въ себѣ залъ для частныхъ засѣданій каждой комиссіи, залъ для торжественныхъ собраній и публичныхъ праздниковъ силлога, а также и другихъ родственныхъ обществъ, которымъ Константинопольскій силлогъ любезно оказываетъ гостепрѣимство. Сверхъ того есть залъ конференцій, залъ библіотеки, кабинетъ для чтенія, археологическій музей, физическая лабораторія. Суммы на эти постройки щедро доставляемы были многочисленными подписчиками, во главѣ которыхъ стоитъ пзвѣстный уже намъ Зографъ, получившій и отъ силлога имя „великаго благодѣтеля силлога“.

Таково устройство и такова дѣятельность силлога Константинопольскаго.

Организація другихъ силлоговъ, конечно, не такъ сложна и дѣятельность не такъ обширна, но во всякомъ случаѣ и они—каждый въ своемъ районѣ—являются важными просвѣтительными центрами: устрояютъ школы, сами-же слѣдя за правильнымъ ходомъ въ нихъ учебнаго дѣла, заводятъ библіотеки, музеи, учреждаютъ публичные курсы, воскресныя бесѣды... Таковы силлоги: Эпирскій, Фессалійскій, Сересскій, Солунскій, Родосскій, Смирнскій, Требизонтскій и множество другихъ.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этой разумной, широкой и многоплодной просвѣтительной дѣятельности греческихъ силлоговъ, мы не можемъ, однакоже, не выразить сожалѣнія по поводу тѣхъ нравственныхъ захватовъ, которые они позволяютъ себѣ дѣлать, когда не довольствуясь распространеніемъ просвѣщенія собственно между греками, поставляютъ еще свою задачу—эллинизировать соприкосновенныхъ съ греками славянъ. Этимъ въ особенности отличаются силлоги Солунскій и Сересскій, съ такимъ усердіемъ распространяющіе эллинизмъ среди болгаръ Македоніи. Такъ въ послѣднее время Сересскій силлогъ сильно вознегодовалъ на Мельничскаго митрополита Прокопія за то, что этотъ греческій іерархъ дозволилъ въ предѣлахъ его епархіи, именно въ болгарскомъ городѣ Петричѣ, открыть два болгарскихъ училища (мужское и женское) и въ одной изъ церквей города отправлять богослуженіе на болгарскомъ языкѣ. Сдѣлавъ былъ по этому случаю въ патриархію доносъ на митрополита Прокопія, какъ измѣнника своему народу, презрителя „великой церкви“; и греческія газеты (Неологосъ Авги...) дружно возопили о „необыкновенномъ преступленіи Прокопія, тѣмъ менѣе ожидаемомъ, что преступникомъ является тутъ не какойнибудь болгаринъ-шарлатанъ или турецкій каймакамъ, а чистокровный грекъ, возведенный великою церковію на престоль митрополичій“ (Болг. газ. „Марца“ №№ 547, 549, 550, 1883 г.).

Такія тенденціи силлоговъ, конечно, составляютъ уже темную сторону ихъ, служащую въ настоящее время предметомъ горькихъ сѣтованій болгаръ. Въ виду такихъ эллинизаторскихъ

стремленій этихъ обществъ, болгарская газета „Марица“ (№ 550), можетъ быть, не безъ основанія замѣчаетъ, что современные силлоги въ сущности не иное что, какъ прежнія „великоидейскія (то есть—служившія великой эллинской идеѣ) гетеріи“,—только перемѣнившія имя.

А. Лебедевъ.

ВОЗМОЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

(Продолженіе *).

До сихъ поръ мы старались устранить тѣ возраженія противъ возможности философіи, которыя основывались на фактѣ ея несовершенства. Мы видѣли, что ни борьба философскихъ мнѣній, ни кажущаяся неудовлетворительность выработанныхъ этою борьбою результатовъ, ни медленность прогресса философіи сравнительно съ прогрессомъ наукъ эмпирическихъ, не служатъ достаточными основаніями къ сомнѣнію въ возможности философіи и находятъ себѣ объясненіе въ особенностяхъ ея предмета и въ своеобразности ея поступательнаго движенія. Но если бы мы даже допустили фактъ несовершенства философіи во всей преувеличенной рѣзкости, въ какой любятъ выставлять его противники этой науки, то и въ такомъ случаѣ онъ никакъ не могъ бы служить неопровержимымъ и неустранимымъ аргументомъ противъ ея возможности. На этотъ аргументъ всегда можно бы отвѣтить, что прежнее и настоящее неудовлетворительное положеніе философіи, зависящее, можетъ быть, отъ несовершенства ея метода, трудности предмета, недостаточности фактическихъ данныхъ для рѣшенія ея проблемъ и другихъ условій, можетъ измѣниться къ лучшему въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ **).

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 3.

**) „Историческій опытъ, говорятъ, доказалъ, что умъ человѣческій не способенъ ни къ какому вѣрному познанію о существѣ вещей, ни къ какой дѣйствительной метафизикѣ. (Употребляю здѣсь слово „метафизика“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно принимается популярнымъ скептицизмомъ, а именно въ значеніи всякаго познанія о существѣ вещей, всякаго трансцендентнаго познанія). Пусть такъ! Но всякій опытъ относится къ извѣстному ряду явленій въ извѣстное давнее время и никакъ не можетъ имѣть безусловно всеобщаго значенія. Такимъ образомъ, основываясь на историческомъ опытѣ, мы могли бы пожалуй утверждать, что

Поэтому, для рѣшительнаго отрицанія возможности философіи, ея противники, не ограничиваясь указаніями на фактъ ея несовершенства въ прошедшемъ и настоящемъ, должны доказать, что и по самому существу дѣла философія никогда не можетъ достигнуть удовлетворительнаго разрѣшенія своихъ задачъ, что поэтому неудовлетворительное состояніе ея до сихъ поръ объясняется не случайными какими-либо обстоятельствами, устранимыми въ будущемъ, но тѣмъ, что она тщетно берется за дѣло, не выполнимое для человѣческаго ума.

Какъ бы ни опредѣляли, говорятъ, философію, во всякомъ случаѣ изъ историческаго хода ея видно, что главною своею задачею она всегда поставляла познаніе такъ называемой сущности вещей,—какъ бы мы ни называли эту сущность согласно съ терминологіею различныхъ философскихъ системъ: субстанціею, идеею, понятіемъ и т. п. Въ этомъ ея характеристическое отличіе отъ наукъ эмпирическихъ, которыя изслѣдуютъ явленія, данныя намъ во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ; въ этомъ и ея право на самостоятельность какъ науки, имѣющей свой спеціальнѣйшій предметъ. Но возможно ли познаніе сущности вещей? Вотъ существенный вопросъ, съ положительнымъ или отрицательнымъ рѣшеніемъ котораго, очевидно, такъ или иначе рѣшается вопросъ и о возможности философіи.

умъ человѣскій въ своемъ прошедшемъ развитіи и до настоящей минуты не имѣлъ успѣха въ изысканіи метафизической истины. Но такъ какъ мы рѣшительно не знаемъ, въ какомъ отношеніи прожитое человѣчествомъ время находится ко времени для него предстоящему, то заключеніе отъ неудачи въ прошедшемъ къ безусловной неспособности можетъ въ настоящемъ случаѣ оказаться столь-же неосновательнымъ, какъ еслибы мы, видя трехмѣсячнаго ребенка, стали утверждать, что онъ совершенно неспособенъ говорить, потому что до сихъ поръ не могъ произнести ни слова. Такъ какъ намъ совершенно ничего неизвѣстно объ относительномъ возрастѣ человѣчества, то мы не имѣемъ права отрицать, что его предполагаемая неспособность къ метафизическому познанію можетъ быть того же рода, какъ неспособность говорить у трехмѣсячнаго ребенка. Но разъ мы должны допустить, что въ нѣкоторой фазѣ развитія человѣчества, въ какомъ-нибудь неопредѣленномъ будущемъ оно можетъ быть способно къ метафизическому познанію, то какъ можемъ мы быть увѣрены, что это будущее уже не паступаетъ въ данную минуту? Такимъ образомъ, на основаніи историческаго опыта мы не можемъ утверждать рѣшительно ничего достовѣрнаго относительно способности или неспособности человѣческаго ума къ философіи". Соловьевъ. „Критика отвлеченныхъ началъ". 1880. стр. 381, 382.

Въ современной философіи и прямую постановку этого вопроса въ указанной нами формѣ, и отрицательное рѣшеніе его мы находимъ въ двухъ, очень распространенныхъ направленіяхъ,—въ позитивизмѣ, родоначальникомъ котораго служитъ Контъ, и въ такъ называемомъ новокантіанизмѣ, начало котораго восходитъ къ Канту и его теоріи нашего познанія. Но исходя изъ различныхъ, даже противоположныхъ началъ, то и другое направленіе сходятся въ конечномъ результатѣ своихъ воззрѣній на философію, который можно формулировать такъ: мы можемъ знать только явленія; сущность вещей намъ недоступна; слѣдовательно и философія, имѣющая притязаніе говорить о сущности вещей—невозможна. Очевидно, возможность философіи была бы для насъ не обезпеченною, если бы мы оставили безъ вниманія это воззрѣніе и не подвергли его критическому разсмотрѣнію, на сколько возможно сдѣлать это въ общихъ чертахъ, не входя въ подробныя гносеологическія изслѣдованія, касающіяся теоріи нашего познанія,—изслѣдованія, неизбѣжныя для полнаго и окончательнаго рѣшенія важнаго вопроса: что можемъ и чего не можемъ мы знать? *)

Родоначальникъ позитивной философіи Огюсть Контъ въ своихъ воззрѣніяхъ на сущность человѣческаго познанія стоитъ на строго сенсуалистической точкѣ зрѣнія. Ощущеніе для

*) Можетъ показаться, что представленное нами воззрѣніе на сущность человѣческаго познанія въ своемъ результатѣ ведетъ только къ отрицанію метафизики, а не философіи вообще. Но изъ даннаго нами понятія о философіи уже видно, что такъ называемая метафизика составляетъ главное и существенное ея содержаніе, что другія части ея (напр. логика, эмпирическая психологія, исторія философіи), имѣя, конечно, свое самостоятельное научное значеніе, въ сущности образуютъ только необходимыя подготовительныя ступени для рѣшенія высшихъ метафизическихъ проблемъ,—да и сами, для своей истинно философской постановки, имѣютъ нужду въ метафизикѣ. Безъ метафизическаго элемента логика, психологія, исторія философіи обратятся въ чисто эмпирическія науки, описывающія явленія знанія и психической жизни, но не изъясняющія ихъ окончательно, такъ какъ такое изъясненіе не возможно безъ уразумѣнія основныхъ началъ, производящихъ тѣ и другія явленія; эти начала—идея истины для логики и исторіи философіи, и идея души—для психологіи. Поэтому истинно философская логика, психологія, исторія философіи не мыслимы безъ пониманія того, что мы назвали идеею и что по самому существу носитъ не эмпирической, а метафизической характеръ. Отсюда видно, почему для насъ отрицаніе возможности метафизическаго знанія совпадаетъ съ отрицаніемъ философіи вообще.

него есть единственный источникъ познанія и ощущаемые факты внѣшняго опыта суть единственно достовѣрный предметъ науки. Сенсуалистическую точку зрѣнія онъ выдерживаетъ болѣе рѣшительно и послѣдовательно, чѣмъ многіе сенсуалисты, потому что отвергаетъ даже внутренній опытъ и потому возможность психологіи—науки, допускаемой большинствомъ эмпириковъ. Нашъ умъ, по его мнѣнію, способенъ наблюдать все, кромѣ себя самого. Мы не въ силахъ наблюдать свое наблюденіе и размышленіе во время самихъ процессовъ ихъ; а если бы захотѣли сдѣлать это, то вниманіе къ самому рефлексу уничтожило бы его объектъ, остановивъ собою наблюдаемый процессъ. Если же у насъ все-таки находятся познанія объ умѣ, то они приобрѣтены не самонаблюденіемъ, а наблюденіемъ надъ другими людьми.

Исходя изъ такого гносеологическаго принципа, Контъ совершенно послѣдовательно приходитъ къ отрицанію достовѣрности всякаго другаго познанія кромѣ эмпирическаго,—и при томъ въ узкомъ его значеніи, какъ познанія только внѣшней природы. Достойными положительнаго знанія фактами онъ почитаетъ частныя явленія и законы. Частное явленіе есть фактъ единичный; но въ единичныхъ фактахъ можно усмотрѣть и нѣчто общее какъ въ ихъ совмѣстномъ существованіи, такъ и въ ихъ послѣдовательности; это общее есть законъ. Различіе между фактомъ и закономъ состоитъ лишь въ томъ, что фактъ есть фактъ единичный, а законъ есть фактъ общій. Такимъ образомъ, только общіе и частныя факты составляютъ предметъ достовѣрнаго знанія. Все, что невозможно свести къ этимъ фактамъ, но о чемъ люди говорятъ какъ о фактахъ, на самомъ дѣлѣ не есть что-либо дѣйствительно познаваемое; все это абстракціи, олицетворенныя по подобію миѳическихъ существъ, или простыя созданія воображенія. Къ числу такихъ олицетворенныхъ абстракцій или воображаемыхъ фактовъ Контъ относитъ всѣ такъ называемыя „сущности“, каковы: Богъ, душа, сущность міра, конечныя причины. Всѣ эти и подобныя предметы суть только пустыя предположенія, составляющія область знанія фиктивного, а не положительнаго. Итакъ, позитивная философія не считаетъ достовѣрнымъ познаніе первоначальныхъ основаній

бытія и отказывается отъ всякаго міросозерцанія, которое было бы на нихъ построено; достовѣрно только познаніе фактовъ, данныхъ въ ощущеніи или сводимыхъ къ нему.

Такимъ образомъ, все содержаніе философскаго познанія, а съ нимъ, повидимому, и самая философія уничтожается. Но на самомъ дѣлѣ такое заключеніе было бы поспѣшнымъ; это видно отчасти уже изъ того, что самъ Контъ свое ученіе называетъ *позитивною философіею*. Дѣйствительно, онъ доусваиваетъ философію, но это слово имѣетъ у него нѣсколько другое значеніе, чѣмъ въ какомъ оно обыкновенно принимается. То, что мы называемъ философіею, Контъ называетъ метафизикою, которую и причисляетъ къ разряду наукъ фиктивныхъ. Его философія, по предмету и по методу, не отлична существенно отъ наукъ положительныхъ. Положительныя науки изучаютъ явленія, каждая въ свойственной ей области, добывая изъ изучаемыхъ фактовъ извѣстные общіе выводы (*généralités*). Но возможна наука, которая обобщаетъ и приводитъ въ систему самые эти выводы и показываетъ взаимное ихъ отношеніе,—это и есть положительная философія. Философія поэтому есть систематическое изложеніе общихъ выводовъ и фактовъ, добытыхъ другими науками и расположенныхъ въ ихъ взаимной зависимости. Эта систематизація и изслѣдованіе результатовъ, достигнутыхъ другими науками, должны производиться тѣмъ же методомъ, который употребляется въ тѣхъ наукахъ, изъ которыхъ эти общіе результаты философіею заимствуются; этотъ методъ есть индуктивный, который поэтому долженъ быть и единственнымъ методомъ философіи. Такимъ образомъ, философія отличается отъ остальныхъ положительныхъ наукъ только сравнительною общностію своей области; различіе однако-же не существенное, такъ какъ эти общіе выводы въ тоже время составляютъ содержаніе и прочихъ положительныхъ наукъ. Какъ тождественная по своему содержанію съ общими выводами наукъ, философія поэтому въ своемъ развитіи всецѣло зависитъ отъ развитія наукъ, дающихъ эти выводы. Если-же въ прежнія времена много думали да и теперь продолжаютъ думать, что философія есть наука самостоятельная, отличная по содержанію и методу отъ такъ назы-

ваемыхъ точныхъ наукъ, занимающихся изученіемъ явленій, такъ какъ она занимается изученіемъ основаній явленій и объясненіемъ послѣднихъ первыми,—то это чистое заблужденіе. Основанія явленій не даны намъ въ опытѣ; они составляютъ недоступную нашему воззрѣнію внутреннюю сущность явленій; поэтому они и не могутъ быть предметомъ подлиннаго, положительнаго знанія *).

Все это ученіе Конта не представляетъ ничего новаго и особеннаго сравнительно съ тѣмъ, что можетъ быть сказано съ точки зрѣнія крайняго и послѣдовательнаго сенсуализма. Напротивъ, философія Конта очень невыгодно отличается отъ другихъ предшествующихъ ей сенсуалистическихъ системъ тѣмъ, что не дѣлаетъ даже и попытки представить какія-либо рациональныя основанія въ защиту своего основнаго воззрѣнія на познаніе. Контъ излагаетъ свое ученіе чисто догматически, какъ нѣчто само собою понятное, и напрасно мы стали бы искать у него какихъ-либо дѣйствительно научныхъ доказательствъ его гносеологической теоріи. Но они, строго говоря, даже и невозможны съ точки зрѣнія Конта. Дѣйствительнымъ доказательствомъ какой-бы то ни было гносеологической теоріи—сенсуалистической, какъ и всякой другой,—можетъ быть только анализъ нашей познавательной способности, съ цѣлью показать происхожденіе и значеніе нашихъ понятій и отсюда вывести заключеніе, что можемъ мы знать и что нѣтъ. Но анализъ предполагаетъ, очевидно, изученіе фактовъ внутренняго опыта, самонаблюденіе; Контъ же, отвергая всякую достовѣрность, даже возможность самонаблюденія, тѣмъ самымъ закрываетъ себѣ и дорогу къ научному обоснованію своего принципа. Поэтому, не входя здѣсь въ разборъ сенсуалистической теоріи познанія, въ какой мѣрѣ можетъ вытекать изъ нея положеніе Конта о невозможности знать сущность вещей, коснемся здѣсь этого положенія только въ общихъ чертахъ и выскажемъ нѣсколько замѣчаній, которыя могутъ имѣть отношеніе не только къ позитивизму, но и ко всякой другой теоріи, защищающей подобное воззрѣніе.

*) Aug. Comte, Cours de Phil. positive. 1830. T. 1.

Прежде всего, для предотвращения недоразумѣній, нужно дать себѣ ясный отчетъ, что такое значитъ познавать сущность вещей, потому что на дѣлѣ мы видимъ, что говоря о возможности или невозможности познанія сущности вещей, не въ одномъ смыслѣ понимаютъ это выраженіе, а отсюда вытекаетъ невѣрное пониманіе задачи философіи, а затѣмъ—отрицаніе возможности ея рѣшенія. .

Выраженіе: „познать сущность вещи“ можетъ быть употребляемо въ двухъ различныхъ смыслахъ, которые мы назовемъ субъективнымъ и объективнымъ. Въ первомъ смыслѣ, познаніе сущности вещей указываетъ на субъективное достоинство нашего познанія, на его полноту, законченность, совершенство. Узнать сущность какой-либо вещи значитъ узнать ее вполне, въ абсолютномъ смыслѣ. Этого рода познаніемъ требуется, чтобы оно было адекватно вещи познаваемой, равнялось ей и вполне отображало бы ее въ нашемъ сознаніи. Во второмъ смыслѣ,—объективномъ, сущностию вещи называется то реальное начало, которое служитъ основой и носителемъ представляющихся намъ ея явленій. Здѣсь вопросъ можетъ быть о томъ: существуетъ-ли такого рода сущность? Но если она существуетъ, то самый фактъ ея существованія еще нисколько не тождественъ съ тою адекватностью познанія, о которой мы сейчасъ говорили. Познаніе сущности вещей въ смыслѣ объективномъ вовсе не одно и тоже, что познаніе сущности предмета въ смыслѣ субъективномъ. Мы можемъ познавать ее въ первомъ смыслѣ и не знать во второмъ; можемъ имѣть о ней познаніе вообще и не имѣть познанія адекватнаго,—то есть, если можно такъ выразиться,—мы можемъ знать сущность вещи и не знать самой сущности этой сущности,—не знать ее вполне.

Теперь, въ какомъ изъ этихъ двухъ смысловъ признается позитивистами невозможнымъ познаніе сущности вещей, какъ познаніе философское? Если въ первомъ, то мы, конечно, согласны съ ними. Философское познаніе въ томъ смыслѣ, чтобы оно было адекватно сущности познаваемыхъ имъ вещей, конечно, невозможно по самому характеру нашего познанія, не могущаго быть абсолютнымъ знаніемъ, а только приближающимся къ идеалу такого знанія ограниченнымъ вѣдѣніемъ. И

это относится не только къ познанію всего бытія вообще, но и къ познанію каждаго даннаго предмета. Какъ бы ни казалось полнымъ наше понятіе о предметѣ, всегда въ наличной дѣйствительности предмета будетъ больше, чѣмъ въ нашемъ понятіи о немъ. Иначе, если бы возможно было вполнѣ адекватное понятіе о немъ, тождественное съ нимъ отображеніе его въ нашемъ сознаніи, то мы не могли бы и отличить предмета отъ понятія о немъ; въ силу своей тождественности они совпали бы до безразличія. Такимъ образомъ, мы можемъ согласиться, что познаніе сущности вещи въ смыслѣ полного, адекватнаго постиженія ея невозможно. Но изъ сказаннаго очевидно и то, что эта невозможность одинаково простирается какъ на предметы философскаго познанія, такъ и на всѣ другіе предметы знанія безъ исключенія,—на явленія точно также, какъ и на сущности. И о самомъ ничтожномъ эмпирическомъ явленіи можемъ-ли мы сказать, что знаемъ его вполнѣ, постигли его сущность? Конечно нѣтъ; какъ бы ни было велико наше знаніе предмета, въ немъ всегда останется больше непознаннаго, чѣмъ познаннаго *). Въ этомъ и состоитъ такъ называемая *относительность* нашего познанія, такъ какъ мы, въ силу естественной нашей ограниченности, познаемъ предметы не вполнѣ, не въ сущности ихъ, а лишь относительно къ законамъ и формамъ нашей познавательной способности. Съ этой точки зрѣнія познаніе философское ничѣмъ не отличается отъ эмпирическаго; какъ для того, такъ и для другаго невозможно познаніе вещей по существу, какъ знаніе абсолютное, будетъ ли предметомъ познанія сущность или явленіе, но возможно познаніе относительное или что то же—ограниченное.

Но относительность человѣческаго познанія нисколько не говоритъ противъ возможности философскаго познанія, или познанія сущности во второмъ изъ указанныхъ нами смысловъ. Оно говоритъ только то, что и это познаніе можетъ быть лишь относительнымъ, въ силу общаго характера нашего познанія. Но противъ этого никто не станетъ спорить, кромѣ развѣ край-

*] Справедливо замѣчаетъ Бюинз: „если бы мы изучили вполнѣ сущность малѣйшаго насѣкомаго, то это изученіе превысило бы всѣ наши познанія, какія мы имѣемъ о мірѣ.“

нихъ идеалистовъ (напр. Гегеля), которые могли выдавать свои системы за абсолютное знаніе. Философское знаніе было-бы невозможно лишь въ одномъ случаѣ,—если-бы было доказано, что самые объекты его, „сущности“, по терминологіи Конта, не существуютъ. Тогда, очевидно, этого рода познаніе было-бы фиктивнымъ, такъ какъ относилось-бы къ тому, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Но доказываетъ-ли это, даже утверждаетъ-ли только это Контъ? При первомъ впечатлѣніи отъ чтенія его сочиненія можетъ показаться, что онъ отрицаетъ самое существованіе предметовъ философскаго познанія, напр. Бога, души, міра какъ реального цѣлаго и пр., и на этомъ основаніи отрицаетъ философію, точно также какъ и религію. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Какъ Контъ, такъ и его послѣдователи въ томъ и полагаютъ характеристическую черту и достоинство позитивизма, что онъ ничего не хочетъ знать и не знаетъ о такъ называемыхъ сущностяхъ вещей, по ихъ недоступности для нашего, обнимающаго только явленія, познанія; но въ то же время онъ не хочетъ и отрицать ихъ возможности, потому что и такое отрицаніе (напр. атеизмъ, матеріализмъ, какъ отрицаніе духовнаго начала) есть тоже, какъ выражаются позитивисты, своего рода метафизика, а о метафизикѣ, какъ положительной, такъ и отрицательной, позитивизмъ ничего знать не хочетъ. Поэтому говоря о философскихъ понятіяхъ, что они суть фикція, мифологія, пустая отвлеченности, Контъ имѣетъ въ виду именно понятія, ученія, а не содержаніе этихъ понятій, познаніе котораго намъ недоступно. И дѣйствительно, съ какою-бы ненавистью ни говорили позитивисты о такъ называемыхъ ими сущностяхъ, реальности ихъ они отвергнуть не могутъ, не противорѣча самымъ простымъ требованіямъ логики. Они допускаютъ существованіе явленій, какъ единственно познаваемого предмета; но явленіе есть явленіе чего-нибудь и кому-нибудь; оно предполагаетъ нѣчто, что является, иначе оно не было-бы и явленіемъ, не существовало-бы. Назовите это что-нибудь сущностью, идеею, идеальной или метафизическою стороною предмета—все равно; но отрицать реальность его, допуская реальность явленія, невозможно.

Но какъ скоро допущена реальность сущности, то нѣтъ уже

никакого основанія не допускать и возможности познанія ея, возможности философіи. Основаніе къ признанію такой возможности заключается уже въ самомъ различеніи вещи самой по себѣ, сущности и явленія. Откуда-бы въ нашемъ умѣ возникло понятіе о вещи самой по себѣ и о различіи ея отъ феномена, если-бы мы знали одни только феномены и ничего болѣе? На какомъ основаніи *предполагаемъ* мы существованіе вещей самихъ по себѣ, если ничего не знаемъ и не можемъ знать о такомъ существованіи, а наша познавательная способность при помощи чувствъ даетъ намъ только одни явленія?

Дѣйствительно, если-бы вѣрно было положеніе, что бытіе само по себѣ намъ недоступно, а наше знаніе ограничено только явленіями его данными въ опытѣ, вашими представленіями, то для насъ было-бы не понятно, какимъ образомъ вообще мы могли-бы противопоставлять то и другое бытіе; бытіе и представленіе сливались-бы въ безразличіе. Различія между бытіемъ и представленіемъ, между сущностью и явленіемъ для насъ не могло-бы существовать. Если-же такое различіе постоянно утверждается нашимъ сознаніемъ, то это одно уже служить доказательствомъ, что не только явленіе, но и субстратъ его (сущность, вещь сама по себѣ) въ какомъ-либо отношеніи доступенъ нашему познанію.

Конечно, это познаніе можетъ быть только единственно возможнымъ для человѣка познаніемъ, т. е. относительнымъ, а не абсолютнымъ; но это также мало даетъ права совершенно отрицать его, какъ тотъ-же признакъ относительности не даетъ права отвергать возможность или достовѣрность всякаго рода нашихъ познаній. Отъ философіи мы не имѣемъ права требовать того, чего не требуемъ отъ другихъ наукъ—абсолютности познанія. Но въ размѣрахъ знанія относительнаго философское познаніе вполне возможно, какъ скоро есть объектъ такого познанія; потому что нѣтъ никакого основанія ограничивать предѣлы всеобъемлемости человѣческой мысли запрещеніемъ ей касаться тѣхъ или другихъ сторонъ бытія. И дѣйствительно, какъ фактъ самаго познанія, такъ и организація нашей познающей силы одинаково указываютъ намъ на возможность такого познанія сущности вещей.

Какъ-бы кто ни смотрѣлъ на философію, никто не станетъ отрицать самаго факта существованія въ человѣчествѣ философскихъ вопросовъ во всѣ времена и постоянныхъ усиленныхъ попытокъ къ ихъ разрѣшенію. Уже-ли мы имѣемъ право смотрѣть на этотъ фактъ, какъ на колоссальное, ничѣмъ необъяснимое заблужденіе человѣческаго ума, какъ на тысячелѣтія простирающійся миражъ, разсѣять который удалось только позитивной философіи? Думать такъ—значило-бы имѣть слишкомъ жалкое представленіе о человѣческой природѣ и о смыслѣ всемірно-историческаго развитія человѣчества, въ которое всегда входила и философія, какъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ. Во всякомъ случаѣ мы должны допустить естественную законность возникновенія философскихъ вопросовъ и такую-же законность попытокъ ихъ рѣшенія. Но какъ скоро такое стремленіе мы признаемъ естественно-законнымъ, то имѣемъ право признать естественно-возможнымъ и удовлетвореніе этого стремленія,—возможность философіи. За это ручается намъ уже аналогія чисто физическихъ и физиологическихъ потребностей и стремленій, изъ которыхъ нѣтъ ни одного обманчиваго, но которыя рассчитаны на возможность ихъ удовлетворенія въ предѣлахъ органической жизни. Ужели однѣ духовныя потребности составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе изъ общаго закона природы? Мысль о существованіи въ нашемъ духѣ фиктивныхъ и вслѣдствіе этого никогда не могущихъ быть удовлетворенными стремленій (какъ напр. стремленія къ познанію сущности вещей), есть сама въ своемъ родѣ теоретическая фикція, постоянно опровергаемая историческою живучестью философіи, не смотря на всѣ усилія позитивизма заставить ее исчезнуть съ лица земли.

Но если въ самой натурѣ человѣка заложено естественное стремленіе къ тому, что мы называемъ познаніемъ сущности вещей, то и самая организація его познавательныхъ способностей не представляетъ намъ ничего, что заставило бы насъ усумниться въ возможности удовлетворенія этого стремленія. Позитивизмъ стоитъ на томъ, что познаніе дѣйствительности дано намъ только въ ощущеніяхъ и въ фактахъ внѣшняго опыта, что сущность вещей, недоступная ощущенію и лежащая внѣ

предѣловъ этого опыта, по тому самому и не познаваема. Положимъ. Однако-же и эмпирическое познаніе, какъ познаніе въ точномъ смыслѣ, не ограничивается голыми ощущеніями и непосредственно представляющимися на опытѣ явленіями. Оно старается *понять* эти явленія, усмотрѣть въ нихъ то, чего не даетъ непосредственный опытъ, открыть законы и причины явленій; этого оно достигаетъ не иначе, какъ путемъ умозаключенія отъ дѣйствій къ причинамъ. Но если это такъ, если и въ области эмпириіи нашъ умъ путемъ умозаключенія можетъ восходить отъ того, что дано въ ощущеніяхъ, къ тому, что въ нихъ непосредственно не дано, то отъ чего подобнымъ же путемъ мы не можемъ идти и дальше—къ познанію не данной въ ощущеніяхъ сущности вещей? Если явленія суть явленія чего-либо, если они служатъ выраженіемъ сущаго въ эмпирической дѣйствительности, то отъ чего по явленіямъ мы не можемъ умозаключать о сущности являющагося и ее познавать? Если мы пристальнѣе взглянемъ на дѣйствительный характеръ эмпирическаго познанія, то придемъ къ убѣжденію, что и въ немъ, какъ бы ни отрецивалась позитивная философія отъ сущности вещей, на самомъ дѣлѣ стремимся не къ чему иному, какъ къ познанію этой сущности. Какъ скоро эмпирическое познаніе не удовлетворяется простыми ощущеніями и нагляднымъ познаніемъ явленій, какъ она даны въ природѣ, оно неминуемо идетъ *за явленія*, къ ихъ сущности. Возьмемъ самый простой фактъ. Когда мы говоримъ, что звукъ, нами слышимый, обуславливается организаціею нашего слуховаго органа, есть субъективный феноменъ, а на самомъ дѣлѣ есть колебаніе волнъ воздуха; что свѣтъ нами видимый есть въ сущности дрожаніе волнъ ээира; что вкусъ есть наше субъективное ощущеніе, а въ дѣйствительности есть только химическое различіе тѣлъ,—то что мы выражаемъ этимъ, какъ не отличеніе вещей, какъ онѣ на самомъ дѣлѣ суть, въ существѣ дѣла, отъ того, какъ онѣ намъ кажутся,—различеніе феномена отъ сущности? Къ чему мы собственно стремимся здѣсь, какъ не къ познанію лежащей за явленіями сущности вещей? Правда, намъ могутъ сказать, что и дрожаніе ээира, и колебаніе волнъ воздуха, и различіе химическихъ элементовъ суть также явленія,

только лежація, такъ сказать, за явленіями,—и что поэтому и здѣсь мы опять познаемъ только явленія, а не существо вещей. Положимъ. Но во всякомъ случаѣ мы должны согласиться, что угадавъ за непосредственными явленіями другія явленія, какъ ихъ условія, мы стали ближе къ сущности вещей, къ ихъ подлинному, а не феноменальному только бытію, чѣмъ прежде. Въ виду возможности такого приближенія, почему для разума запрещень и не возможенъ дальнѣйшій шагъ—стремленіе и за этими первичными, такъ сказать, явленіями искать того, чего явленія они составляютъ? Почему невозможно познаніе первоосновы и первопричины напимѣръ самыхъ колебаній волнь воздуха, ээира, законовъ химическаго разнообразія тѣлъ? Если мы и въ эмпирическомъ знаніи, какъ скоро выступили за границы непосредственно даннаго, пошли по пути познанія сущности вещей, то почему нельзя идти еще дальше—путемъ того же самаго раціональнаго изслѣдованія явленій и умозаключенія, каковымъ шли и до сихъ поръ?

Итакъ, стоя даже на почвѣ одного опыта и имѣя въ виду одинъ только эмпирическій методъ, мы не можемъ сказать, чтобы познаніе сущности вещей было для насъ невозможно. И на этой почвѣ и при помощи этого метода возможна эмпирическая философія, но философія въ точномъ смыслѣ, какъ познаніе не явленій только, но и сущности ихъ.

Но эмпирическая философія сама по себѣ есть односторонняя философія и не можетъ быть поэтому безпристрастнымъ судьей относительно вопроса о возможности или невозможности познанія сущности вещей. Кромѣ опыта, есть другой, самостоятельный источникъ нашего познанія,—разумъ съ его апріорными понятіями и идеями. Въ разумѣ и его идеяхъ и дана намъ возможность идти къ познанію сущности вещей путемъ болѣе прямымъ и непосредственнымъ, чѣмъ окольнымъ путемъ умозаключеній отъ фактовъ внѣшняго опыта къ ихъ причинамъ. Въ разумѣ по преимуществу и заключается возможность чисто раціональнаго познанія идеальной стороны вещей, а съ нимъ и философіи. Утвердить противъ сенсуализма самостоятельность нашего разума, не эмпирическое происхожденіе основныхъ его понятій и идей, законность чисто ра-

раціональнаго метода познанія—дѣло самой философіи. Для нашей ближайшей цѣли достаточно того результата, что въ раціональномъ познаніи открывається возможность независимаго отъ опыта рѣшенія философскихъ проблемъ; и пока позитивизмъ, путемъ тщательнаго анализа этого познанія, не докажетъ его невозможности, онъ не имѣетъ и права говорить о невозможности философіи, какъ науки о сущности вещей. Но ни эмпирической философіи вообще не удалось до сихъ поръ доказать свою знаменитую формулу: „*nihil est in intellectu, quod non ante fuerit in sensu*“, ни тѣмъ болѣе позитивной философіи, которая совершенно пренебрегаетъ такимъ анализомъ.

Какъ скоро признана возможность философіи какъ науки о сущности вещей,—и притомъ не только при предположеніи самостоятельности раціональнаго познанія, но и на основаніи фактовъ самого-же эмпирическаго знанія,—то само собою оказывается и несостоятельность позитивизма въ опредѣленіи того, что онъ понимаетъ подъ философіею и что съ подлинною философіею не имѣетъ ничего общаго кромѣ имени. Философія, по мнѣнію Конта, отличается отъ другихъ наукъ не содержаніемъ или методомъ, а только сравнительною общностію своей области; она есть не болѣе, какъ систематическое изложеніе общихъ выводовъ и фактовъ, добытыхъ другими положительными науками. Прежде всего замѣтимъ, что философіи въ такомъ видѣ, въ какомъ желаетъ видѣть ее Контъ, до сихъ поръ не было въ наукѣ, да нѣтъ ея и у самого Конта,—что одно уже можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ ея невозможности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое дала бы намъ философія, какъ систематизированное обобщеніе фактовъ естественныхъ наукъ? Это было бы краткое, сжатое изложеніе выводовъ каждой науки въ современномъ ея состояніи,—выводовъ, разумѣется, изложенныхъ догматически, безъ доказательствъ, такъ какъ иначе изложеніе результатовъ науки совпало бы съ самою наукою, повторяя только то, что въ ней уже находится. Но такое энциклопедическое изложеніе выводовъ наукъ, по тому самому, что оно есть только изложеніе выводовъ, не имѣло бы никакого научнаго значенія. Оно, пожалуй, могло бы имѣть значеніе педагогическое, литературное, общеобразо-

вательное, какъ экстрактъ самаважнѣйшихъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ, — экстрактъ, по самому существу дѣла болѣе или менѣе поверхностный, по наукою, философіею въ особенности, этого популярнаго сборника никто не назоветъ. Вотъ почему до сихъ поръ ни одинъ серьезный ученый не тратилъ своихъ силъ на составленіе подобной энциклопедической все-науки, названной Контомъ философіею. Да и Контъ въ своей философіи то ли даетъ намъ, что самъ считаетъ философіею? Нѣтъ, къ чести его философскаго ума, онъ даетъ гораздо больше. Мы не найдемъ въ его философіи простой систематизаціи общихъ выводовъ положительныхъ наукъ, а найдемъ нѣчто другое. Самая важная и самая оригинальная часть его ученія есть, какъ извѣстно, такъ называемая классификація наукъ. Для успѣшной разработки наукъ, по его мнѣнію, ихъ нужно изучать и обогащать изслѣдованіями въ извѣстномъ методическомъ порядкѣ, — однѣ прежде, другія послѣ, такъ какъ однѣ науки служатъ необходимымъ условіемъ изученія другихъ, безъ котораго эти послѣднія не могутъ не только совершенствоваться, но и быть понятными, какъ напр. астрономія безъ математики. Разсматривать въ подробности это ученіе намъ нѣтъ нужды; но мы можемъ спросить: подходитъ ли это существенное содержаніе его философіи къ тому опредѣленію этой науки, которое онъ самъ выставилъ? Обобщеніе-ли только результатовъ положительныхъ наукъ представляетъ его своеобразная ихъ классификація? На этотъ вопросъ, вѣроятно, затруднился бы отвѣчать положительно Контъ, такъ какъ онъ, конечно, и самъ согласится, что его ученіе о взаимоотношеніи наукъ составляетъ не простой экстрактъ наличныхъ данныхъ изъ разныхъ наукъ, а собственное, оригинальное начертаніе плана организаціи наукъ или пути, какимъ онѣ должны идти, чтобы достигнуть совершенства. Онъ, очевидно, исходитъ изъ чисто теоретической идеи или идеала знанія и говоритъ не столько о томъ, что такое науки суть въ ихъ наличной дѣйствительности, сколько о томъ, какими онѣ должны быть и какъ группироваться, чтобы достигнуть совершенства; онъ самъ считаетъ даже очень вѣроятнымъ, что разумъ никогда не достигаетъ идеальнаго совершенства позитивной системы, къ кото-

рой непрестанно стремится *). Такимъ образомъ, въ основѣ его труда лежитъ чисто рациональная идея знанія, которая и даетъ философское значеніе его опыту классификаціи наукъ. Этотъ опытъ, конечно, не составляетъ всей философіи; онъ составляетъ рѣшеніе одной изъ проблемъ логики или гносеологіи. Но это есть опытъ философіи, не подходящей, какъ мы сказали, подъ его собственное опредѣленіе философіи и своимъ противорѣчіемъ этому опредѣленію уже опровергающей его.

Дѣйствительно, если философія имѣетъ право существованія, то никакъ не въ томъ жалкомъ и убогомъ видѣ, какъ понимаетъ ее Контъ.; Систематизація результатовъ различныхъ положительныхъ наукъ, какъ мы замѣтили, можетъ дать только болѣе или менѣе искусно составленный сборникъ важнѣйшихъ свѣдѣній изъ нихъ, но не самостоятельную науку. Но и этотъ сборникъ, чтобы быть удачнымъ, долженъ быть проникнутъ и освѣщенъ какою-либо объединяющею философскою идеею, независимою отъ этихъ свѣдѣній и не сообщаемую ими. Если философія возможна, то не иначе, какъ при предположеніи особаго, отличнаго отъ другихъ наукъ предмета этого изслѣдованія, условливающаго, разумѣется, и особенность метода этого изслѣдованія. Что она имѣетъ такой предметъ,—мы уже видѣли.

В. Нудрявцевъ

(Окончаніе отъ слѣдующей книжки).

*) Cours de Phil. posit. 1830. T. 1, 5.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОБЫЧНЫХЪ ВЗГЛЯДОВЪ И СУЖДЕНІЙ О РАЗЛИЧНЫХЪ ВИДАХЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И НАЧАЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА. *)

IV.

О происхожденіи общества съ точки зрѣнія экономической.—Первобытный характеръ общественной жизни.—Эгоизмъ, какъ основное начало дѣятельности человека.—Стремленіе къ личной свободѣ, какъ послѣдствіе этого начала.—Соціальный вопросъ.—Трудъ и капиталъ.—Взглядъ на общество, какъ на мѣсто дѣйствія борьбы интересовъ.—Ученый социализмъ.—Изложеніе и критика его началъ.

И теоретическая и практическая дѣятельность во всѣхъ видахъ представляютъ служеніе обществу. Поэтому необходимы здравыя понятія объ обществѣ и общественной жизни, дабы направленіе той и другой дѣятельности было правильнымъ. А такія понятія мы можемъ найти путемъ критическаго разсмотрѣнія обычныхъ и довольно распространенныхъ взглядовъ и сужденій по этому предмету.

Въ самомъ началѣ нашего разсужденія было указано на то, что необходимость общества и общественной жизни прежде всего вытекаетъ изъ невозможности одному человѣку своими силами, своимъ трудомъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, т. е. добыть и приготовить всѣ необходимыя для того средства. Къ этому простѣйшему представленію о происхожденіи общества примыкаетъ и съ нимъ связывается слѣдующій взглядъ на условія существованія и назначеніе общественной жизни.

Первичныя основныя условія, отъ которыхъ зависитъ удовлетвореніе насущныхъ потребностей, повсюду одни и тѣ-же

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 3.

(пища, одежда, жилище) и, конечно, насколько одинъ человѣкъ пользуется этими условіями, настолько-же онъ исключаетъ другихъ изъ пользованія тѣми-же условіями. Этого однако недостаточно для того, чтобы явилось право частной собственности, главнымъ образомъ на землю, а не только на продукты труда. Можно вѣдь пользоваться сообща съ другими тѣми-же владѣніемъ, по мѣрѣ участія каждаго въ общемъ трудѣ, напр. въ общемъ обработываніи земли, принадлежащей не одному, а всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, многимъ. Утверждаютъ, что въ первобытныхъ обществахъ дѣйствительно собственность, — главнымъ образомъ владѣніе землею, которая есть первичная основа и источникъ всякаго благосостоянія, — имѣла характеръ не частный, а общинный; указываютъ при этомъ на то, что и теперь еще существуетъ общинное землевладѣніе. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе разныхъ причинъ, напр. завоеванія, должно было возникнуть преобладаніе однихъ надъ другими, а вмѣстѣ съ тѣмъ общинный бытъ неминуемо долженъ былъ рушиться. Право частной собственности, со всѣми имѣющими связь съ этимъ правомъ неурядицами и злоупотребленіями, получило перевѣсъ надъ собственностію общинною. Общинный бытъ всѣхъ уравнивалъ, связывалъ въ одно цѣлое неразрывными узами общаго труда и общаго пользованія плодами этого труда; каждый чувствовалъ и сознавалъ необходимость взаимнаго содѣйствія для достиженія общаго благосостоянія; чувство равноправности, безъ сомнѣнія, было отличительною чертою нравовъ въ быту общинномъ; теперь-же изъ общины стали выдѣляться отдѣльныя личности, которыя болѣе уже не отождествляли своихъ интересовъ съ интересами общины. Какъ-бы, впрочемъ, ни произошло преимущественное положеніе однихъ предъ другими въ отношеніи средствъ къ обезпеченію своего существованія, важно то, что такія преимущества упрочивались чрезъ обращеніе ихъ въ законъ, и такимъ образомъ экономическія отношенія, измѣняясь, влекли за собою соотвѣтственную перемѣну и въ правовыхъ отношеніяхъ, и въ самыхъ понятіяхъ о правѣ и законѣ. А это показываетъ, что условія и отношенія экономическаго быта въ общественной жизни имѣютъ значеніе фундаментальное. Отъ экономическихъ отношеній зави-

ситъ весь строй общественной жизни, характеръ понятій и нравовъ, господствующихъ въ обществѣ. Законъ превращалъ въ право то, что первоначально было либо злоупотребленіемъ, или же результатомъ случайностей, которыя были для однихъ благоприятны, для другихъ бѣдственны. Какимъ образомъ случай или насиліе могли получить значеніе закона и превратиться въ право, — это объясняется тѣмъ, что здѣсь дѣйствовало въ сущности то-же начало, которое положило основаніе существованію самаго общества. Основное свойство человѣческой природы, какъ и всякаго живаго существа, есть побужденіе къ самосохраненію; отсюда эгоизмъ — основной мотивъ или принципъ дѣятельности человѣка. Только эгоизмъ, или побужденіе къ самосохраненію заставляеть человѣка искать общенія съ подобными себѣ, ради наилучшаго обезпеченія своего существованія, и для достиженія наибольшей суммы выгодъ или удовольствій. Но тотъ-же эгоизмъ естественно побуждаетъ каждого во что-бы то ни стало удержать за собою разъ прибрѣтенное преимущество. Самое большее, чего можно требовать для каждаго, при такомъ взглядѣ на основной принципъ и цѣль общежитія, есть требованіе свободы: пусть каждый свободно располагаетъ своими силами, и своею дѣятельностію достигаетъ возможно лучшаго положенія въ обществѣ. Впрочемъ, стремленіе къ личной свободѣ есть необходимое послѣдствіе и выраженіе эгоизма, принятаго за основное и необходимое начало дѣятельности человѣка: свобода есть интересъ личный; ограниченія-же свободы, напротивъ, требуются и налагаются не личнымъ, а общимъ интересомъ. Вотъ почему политическая экономія, какъ извѣстно, началась съ того, что первые экономисты, рассматривая эгоизмъ, какъ единственное начало, дѣйствующее во всѣхъ разнообразныхъ формахъ труда, путемъ анализа фактовъ экономической дѣятельности, пришли къ тому выводу, что прямой экономической расчетъ требуетъ предоставленія обществу полной свободы труда. Свобода эта, по соображеніямъ экономистовъ, должна возбудить соревнованіе (конкуренцію) и борьбу интересовъ между отдѣльными предпринимателями, а необходимымъ послѣдствіемъ соперничества предпринимателей должно оказаться увеличеніе и усовершеніе производства во всѣхъ

сферахъ труда: желая получить какъ можно болѣе выгоды, каждый изъ предпринимателей естественно долженъ стараться превзойти другихъ въ предложеніи обществу своихъ продуктовъ и качествомъ, и изобиліемъ, и дешевизною этихъ продуктовъ, а такимъ образомъ, дѣйствуя единственно въ своемъ собственномъ интересѣ, ища только своихъ собственныхъ выгодъ, каждый тѣмъ самымъ будетъ приносить пользу всему обществу. На этомъ основаніи предполагалось, что взаимное соперничество, сверхъ расширенія и усовершенія формъ производства, приведетъ и къ другому, еще болѣе важному послѣдствію. Если каждый, заботясь о своихъ собственныхъ интересахъ, чрезъ-то самое будетъ содѣйствовать общему благосостоянію, то не слѣдовало ли думать, что ничѣмъ неограничиваемое соперничество на поприщѣ промышленнаго труда, возбужденное предоставленною каждому личною свободою дѣятельности, создастъ само по себѣ наилучшій порядокъ жизни, возвыситъ общее благосостояніе, установивъ желательное равновѣсіе интересовъ различныхъ общественныхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ. Но опытъ не оправдалъ этихъ ожиданій. Свободное соперничество въ области промышленнаго труда, вмѣсто соглашенія интересовъ, производитъ, напротивъ, совершенное ихъ раздѣленіе. Здѣсь начало такъ называемаго *соціального вопроса*. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ: какимъ образомъ уничтожить, и уничтожиться-ли когда-либо та пропасть, которая все болѣе и болѣе развѣрзается между двумя общественными классами богатыхъ и бѣдныхъ? Общество не можетъ процвѣтать, если въ немъ не обеспечена свобода для cadaго. Между тѣмъ, хотя въ принципѣ свобода и предоставляется всѣмъ, признается за каждымъ право на нее, однако этому противорѣчитъ фактическая зависимость рабочихъ отъ предпринимателей, пролетаріевъ отъ богатыхъ, — зависимость, которая нерѣдко бываетъ хуже всякаго рабства. Безъ матеріальнаго обезпеченія свобода превращается въ иллюзію, а матеріальное обезпеченіе жизни не всегда достижимо даже при самомъ упорномъ и непрерывномъ трудѣ. Если трудъ есть естественное предназначеніе человѣка и основаніе, которымъ опредѣляется его достоинство, то казалось бы, что единственно посредствомъ труда человѣкъ и долженъ

себя обезпечивать, т. е. прибрѣтать средства къ своему существованію, и притомъ, достойному человѣка, при которомъ, т. е. возможно было-бы для него развитіе своихъ умственныхъ силъ и нравственныхъ стремленій. Почему-же однако не всегда достигается трудомъ эта цѣль? Потому, говорятъ, что кромѣ труда существуетъ еще другой важнѣйшій источникъ обезпеченія, — это именно *капиталъ*. Капиталъ поглощаетъ трудъ и чрезъ то лишаетъ его всякаго самостоятельнаго значенія. Кто принужденъ довольствоваться однимъ лишь трудомъ и на трудъ возлагать всѣ свои надежды, тотъ неизбѣжно рано или поздно впадаетъ въ зависимость отъ капитала и дѣлается его добычею, ибо вслѣдствіе этой зависимости несравненно большая доля прибрѣтеній, продуктовъ труда, достается не самому трудящемуся, а счастливому обладателю капитала. Капиталомъ-же въ экономической наукѣ принято называть „ту часть накопленнаго труда, которая идетъ на производительные процессы“ *). Т. е. капиталъ и есть именно та часть сбереженнаго труда, которая стремится къ возможно большому увеличенію, расширенію себя, что, конечно, возможно только на счетъ труда настоящаго и будущаго. Итакъ, борьба между капиталомъ и трудомъ въ сущности есть борьба между однимъ видомъ труда и другимъ его видомъ, между трудомъ накопленнымъ, слѣдовательно прежнимъ, — и трудомъ настоящимъ, наличнымъ. Въ какой-же степени эта борьба неизбѣжна, въ самомъ-ли дѣлѣ она ничѣмъ инымъ не можетъ быть предотвращена, и общество не можетъ быть избавлено отъ пагубныхъ для него послѣдствій этой борьбы иначе, какъ только совершеннымъ уничтоженіемъ права частной собственности на капиталъ, т. е. превращеніемъ капитала изъ частной собственности въ собственность, какъ выражаются, коллективную, общественную?

Для всякаго промышленнаго труда необходимы искусственныя орудія — средства производства, а также матеріалъ; но какъ для добыванія матеріала, такъ и для изготовленія ору-

*) „Научное значеніе слова *капиталъ* тѣснѣе значенія, въ которомъ это слово употребляется въ разговорномъ языкѣ; первое разумѣетъ подъ капиталомъ только ту часть накопленнаго труда, которая идетъ на производительные процессы, второе-же понимаетъ подъ капиталомъ всю сумму накопленнаго труда“. *Экономическая теорія Маклеода*, И. Иванюкова. 1870 года, стр. 63.

дѣй производства, тоже необходимы затраты труда. Предположимъ, что у одного есть орудія и матеріаль—вообще всё необходимое средства производства, другой-же можетъ предложить только свой трудъ. Такъ какъ для того, чтобы получился извѣстный продуктъ, равно необходимы и трудъ и орудія производства, то понятно, что результатъ труда, какъ совершеннаго помощію орудій, долженъ быть собственностію не только того, кто употребилъ свой трудъ, но также того, кому принадлежать необходимыя орудія и матеріаль, и вообще всё средства производства, безъ которыхъ трудъ не былъ-бы производительнымъ; и чѣмъ совершеннѣе орудія, чѣмъ болѣе они облегчаютъ трудъ, чѣмъ болѣе требуется издержекъ для изготовленія орудій,—тѣмъ большее, конечно, право имѣетъ владѣлецъ ихъ на произведенія труда, совершеннаго при помощи этихъ орудій. Разсматривая вопросъ теоретически, мы ничего несообразнаго не находимъ въ такомъ именно рѣшеніи его. Но не такимъ оно представляется на дѣлѣ. Для объясненія же этого несоотвѣтствія между теоретическимъ рѣшеніемъ вопроса и практическими его послѣдствіями, необходимо взять во вниманіе самый принципъ, полагаемый обыкновенно политической экономіею въ основаніе при разсмотрѣніи экономическихъ явленій:

Принципъ этотъ, какъ сказано, есть эгоизмъ. Слѣдуя этому принципу, прежде всего необходимо принять за правило, что каждый предприниматель-хозяинъ, задумывая то или другое дѣло, имѣетъ въ виду единственно тѣ выгоды, какихъ онъ можетъ ожидать для себя отъ осуществленія этого дѣла; и это, повидимому, подтверждается тѣмъ простымъ соображеніемъ, что если-бы дѣло не давало никакой выгоды, то, конечно, никто и не взялся-бы за него. Понятно теперь, что чѣмъ болѣе сокращаются издержки производства, по извѣстному дѣлу, тѣмъ выгоднѣе должно быть это дѣло для предпринимателя. Конечно, вмѣстѣ съ удешевленіемъ производства понижается стоимость и самыхъ продуктовъ, но взамѣнъ того представляется возможность расширять неопредѣленнымъ образомъ границы производства, а это съ избыткомъ вознаграждаетъ потерю на цѣнѣ предуктовъ; расширеніе-же производства дѣлается возможнымъ и даже необходимымъ благодаря тому, что, вслѣд-

ствіе удешевленія продуктовъ, увеличивается потребленіе ихъ. Такимъ образомъ, и усовершенствованіе техники производства, и расширеніе его размѣровъ прямо служатъ къ увеличенію выгодъ производства *для предпринимателей*. Но что выгодно для однихъ, то можетъ быть далеко невыгоднымъ для другихъ. И дѣйствительно, если для предпринимателей уменьшеніе издержекъ производства выгодно, то для рабочихъ оно не выгодно тѣмъ, что множество рабочихъ должно, вслѣдствіе этого, оказаться излишнимъ, т. е. остаться безъ работы (машины замѣняютъ живую рабочую силу). Правда, вмѣстѣ съ сокращеніемъ труда, послѣдовавшаго отъ усовершенія техники производства, какъ сказано, произошло также расширеніе производства: стали въ обширныхъ размѣрахъ изготовлять продукты, которые прежде производились въ значительно меньшемъ количествѣ. Но это расширеніе производства слѣдуетъ относить не столько на счетъ привлеченія къ труду большаго количества рабочихъ, сколько на счетъ усовершенствованія машинъ. При томъ-же, чѣмъ болѣе увеличивается число людей, занятыхъ исключительно промышленнымъ трудомъ, тѣмъ большому количеству угрожаетъ опасность остаться безъ работы, слѣдовательно безъ средствъ къ существованію, вслѣдствіе торговыхъ кризисовъ и разнаго рода колебаній, которымъ подвержена промышленность, временно пріостанавливающихъ, или по крайней мѣрѣ уменьшающихъ верѣдко производство въ известной области труда. Да и помимо такихъ исключительныхъ случаевъ, машинное производство, упрощая трудъ рабочаго, чрезъ то самое умаляетъ его цѣну, а это уменьшеніе цѣны за трудъ можетъ быть въ нѣкоторой мѣрѣ вознаграждено только *непрерывностію и продолжительностію* труда, чрезъ что и самъ рабочій превращается въ машину. Трудъ цѣнится уже не по значенію его результатовъ, а *по времени продолженія* его; это потому, конечно, что достоинство или цѣнность продуктовъ зависитъ не отъ искусства рабочаго, а отъ машины *).

Такимъ образомъ, на-сколько условія, содѣйствовавшія успѣ-

*) Едва-ли можно признать цѣлесообразнымъ и умѣстнымъ примѣненіе той-же мѣры (времени) къ оцѣнкѣ не только промышленнаго, но и умственного труда, каковъ напр. трудъ преподавателей.

хамъ промышленности, приносятъ выгодъ предпринимателямъ, прогрессивно увеличивая доходы ихъ, на-столько-же они оказываются невыгодными для рабочаго класса, поставляя рабочихъ въ самое неблагопріятное положеніе, и уменьшая даже ихъ заработную плату. Процессъ сосредоточенія выгодъ въ рукахъ капиталистовъ не ограничивается, впрочемъ, этимъ, т. е. стѣсненнымъ положеніемъ собственно рабочаго класса, но порождая соперничество между самими предпринимателями, ведетъ къ тому, что болѣе обширная промышленность поглощаетъ мелкую; а чрезъ то разъединеніе между богатымъ классомъ и классомъ трудящихся все болѣе увеличивается. „Процентъ немущаго класса постоянно увеличивается въ отношеніи къ имущему, среднія состоянія исчезаютъ и социальное неравенство, зависимость труда отъ капитала проявляются все болѣе въ крупныхъ размѣрахъ и яркихъ формахъ“ *). Если-же таковъ ходъ дѣлъ въ области экономической, то не должно-ли само государство взять на себя заботу о предупрежденіи дурныхъ послѣдствій, пораждаемыхъ свободою конкуренціи, чрезъ ограниченіе этой свободы, посредствомъ принятія мѣръ, клонящихся къ поддержанію и облегченію участи слабыхъ въ неравной борьбѣ ихъ съ сильными? Но дѣло въ томъ, что, по теоріи, господствующей у экономистовъ, эгоизмъ есть единственное дѣйствующее начало въ экономической области. Начало-же это, по ученію экономистовъ, обнаруживаетъ свое дѣйствіе не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но также въ отдѣльныхъ общественныхъ группахъ или классахъ, тѣсно сплоченныхъ въ своей средѣ единствомъ интересовъ. Поэтому существуетъ эгоизмъ не только личный, но и сословный, и антагонизмъ интересовъ проявляетъ свою силу не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но также во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ группъ. Съ этой точки зрѣнія общество представляетъ зрѣлище непрерывно происходящей въ немъ борьбы интересовъ; и само собою понятно, что государственная власть не можетъ оставаться безучастною зрительницею этой борьбы: она неминуемо примыкаетъ къ одной изъ

*) *Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени*, профессора И. Иванюкова. 1881 г. стр. 124.

соперничающихъ общественныхъ группъ; конечно, къ той, которая въ данное время является господствующею; такъ что государство, по мнѣнію экономистовъ, на самомъ дѣлѣ представляетъ не общіе, а частные интересы одного общественнаго класса. Это тѣмъ болѣе, говорятъ, должно быть такъ, что само правительство есть ничто иное, какъ созданіе господствующаго въ государствѣ общественнаго класса, если не прямо образуется изъ членовъ этого класса. Вотъ почему съ недоувѣріемъ относятся къ такъ называемому государственному социализму, т. е. къ мѣрамъ, которыя предпринимаются законодательнымъ путемъ въ пользу рабочаго класса. Если же и не отвергаютъ совершенно значенія этихъ мѣръ, то ограничиваютъ его единственно тѣмъ, что онѣ приближаютъ рѣшеніе соціального вопроса, которое неминуемо должно послѣдовать, какъ *результатъ необходимо совершающагося* историческаго процесса. Признавая основнымъ началомъ, дѣйствующимъ въ области экономической, эгоизмъ, и видя въ этомъ началѣ обнаруженіе натурального побужденія (къ самосохраненію), которое, какъ естественный законъ, производитъ всѣ истекающія изъ него послѣдствія въ силу присущей ему необходимости, экономисты большею частію не допускаютъ того, чтобы рѣшеніе тагъ называемаго соціального вопроса могло быть дѣломъ предусмотрительности и доброй воли людей. Напротивъ, они полагаютъ, что такъ какъ самый этотъ вопросъ представляетъ собою неизбежный результатъ историческаго процесса, то и самое рѣшеніе его можетъ послѣдовать только въ силу исторической необходимости, независимо отъ доброй воли людей, напротивъ даже вопреки ей. Исторія должна разрубить узелъ, ею же самою завязанный. Въ какомъ-же именно видѣ слѣдуетъ представлять это рѣшеніе соціального вопроса, долженствующее послѣдовать въ силу исторической необходимости?

Существуетъ такъ называемый *ученый социализмъ*, который чуждается социализма демократическаго и революціоннаго. Называется онъ ученымъ потому, что онъ не проектируетъ практическаго рѣшенія вопроса, считая его дѣломъ исторіи, а не предусмотрительности и произвола людей, но только опредѣляетъ и выводитъ это рѣшеніе на основаніи данныхъ, пред-

ставляемыхъ прошлымъ и настоящимъ временемъ. Вотъ каково должно быть рѣшеніе соціального вопроса по предположенію ученаго социализма.

Имѣя въ виду, что средневѣковая феодальная система, т. е. землевладѣльческая власть дворянскаго сословія смѣнилась въ Европѣ торжествомъ средняго (промышленнаго) класса, который провозгласилъ свободу и равенство правъ, ученый социализмъ полагаетъ, что новый порядокъ можетъ наступить лишь, когда восторжествуетъ четвертый классъ надъ своими поработителями, т. е. когда теперешній рабочій классъ станетъ во главѣ общественнаго управленія *). „Третье сословіе, — сказано въ книгѣ профессора И. Иванюкова, исполнило важную роль въ исторіи развитія человѣчества. Въ борьбѣ за улучшение своего соціального положенія, ему пришлось выста-

*) „Самый могучій авторитетъ научнаго социализма, — читаемъ въ книгѣ профессора И. Иванюкова, — *Карлъ Марксъ* полагаетъ возможнымъ осуществленіе главныхъ основаній социализма *лишь тогда* (курс. въ подл.), когда капиталистическія отношенія такъ глубоко расчленятъ общество на два класса: — незначительный, сравнительно съ населеніемъ, классъ капиталистовъ и объединенный, организованный самимъ механизмомъ капиталистическаго производства, немущій рабочій классъ, — что трудъ откажется выносить далѣе свою капиталистическую оболочку, и она *разрывается*“. „Прогрессъ промышленности (слова Карла Маркса), *невольнымъ орудіемъ* котораго служитъ буржуазія, ставитъ на мѣсто изолированія работниковъ конкуренціей — ихъ революціонное объединеніе ассоціаціей. Слѣдовательно, съ развитіемъ крупной промышленности, буржуазія терлетъ подъ ногами почву, на которой она производитъ и присваиваетъ себѣ продуктъ. Поэтому, прежде всего, она роетъ свою собственную могилу. Паденіе ея и побѣда пролетаріата *равно неизбежны*“. *Основныя положенія теоріи экономической политики*, стр. 131. — Еще яснѣе объ этомъ сказано въ слѣдующихъ словахъ того-же К. Маркса: „Современный крупный капиталъ произошелъ и продолжаетъ увеличиваться чрезъ уничтоженіе мелкой ремесленной промышленности и крестьянскаго хозяйства. Эти патріархальныя хозяйственныя формы, исключая сосредоточеніе въ большихъ массахъ орудій производства въ рукахъ отдѣльнаго лица, исключаютъ въ тоже время и кооперацію, значительное раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, господство надъ природою, словомъ исключаютъ развитіе общественной производительной силы. Въ этомъ недостаткѣ производительности мелкой промышленности заключается причина, почему на низшей ступени общественнаго развитія, она начинаетъ исчезать, уступая свое мѣсто крупному производству. Уничтоженіе мелкой промышленности, обращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ крупныя, общественно-сосредоточенныя, — эта фактическая, законами конкуренціи порождаемая, экспроприація земли и орудій труда у народа образуетъ первоначальную исторію современнаго крупнаго капитала. Коль скоро этотъ процессъ превращенія и въ

вить противъ привилегированныхъ классовъ идею свободы и равенства правъ людей. Но общественные порядки, посредствомъ которыхъ думали осуществить эту идею, оказались не достигающими цѣли. Свобода конкуренціи оказалась лишь свободою для сильныхъ; вмѣсто осуществленія равенства правъ, она стала сильнѣйшимъ источникомъ фактическихъ привилегій. Между тѣмъ идеи свободы и равенства крѣпко засѣли въ сознаніи современнаго общества; изъ нихъ исходитъ устройство новѣйшаго либеральнаго государства; проведеніе ихъ въ жизнь составляетъ существенный интересъ *четвертаго сословія, политическая сила котораго быстро возрастаетъ*. Такимъ образомъ, продолженіе дѣла, начатаго, но не оконченнаго, *третьимъ сословіемъ*, является историческою миссіею *четвертаго сословія* ^{4. *)}.

глубину и въ ширину достаточно разложило старое общество, коль скоро прежніе самостоятельные ремесленники и крестьяне превращены въ пролетаріевъ, а ихъ орудія производства въ новѣйшій крупный капиталъ, наступаетъ борьба капиталовъ между собою; крупные капиталы побиваютъ—во второй ступени развитія — мелкіе капиталы. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ капиталовъ развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ внутри частнаго капитала кооперативная (общественная) форма труда, сознательное технологическое приложеніе науки, усовершенствованная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща, и вслѣдствіе всего этого, высшее экономизированіе труда. Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся относительнымъ числомъ магнатовъ капитала, которые монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, увеличивается социальная пропасть между имущими и неимущими классами, усиливаются ощущенія бѣдности, эксплуатаціи, униженія и, какъ слѣдствіе, растутъ ропотъ и протесты рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, объединяется и организуется *самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства*. Антагонизмъ общественныхъ отношеній, развившихся на капиталистической почвѣ, достигаетъ крайняго напряженія. Сосредоточеніе средствъ производства и кооперативная организація труда достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Реализуются новыя основанія социальнаго строя. Капиталистическій процессъ производства и присвоенія есть отрицаніе частной собственности, основанной на трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства *производится имъ же самимъ съ неизбѣжностію естественнаго процесса*. Снова возстаивается собственность на принципѣ труда, но уже на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры, именно на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ и *ихъ общиннаго владенія землею и средствами производства, произведенными самими работниками*. Ibid. стр. 147—149.

*) Ibid. стр. 127.

Принципъ новой организаціи, которая должна осуществиться послѣ того, какъ настанетъ господство четвертаго сословія, заключается въ томъ, что капиталъ, т. е. орудія и средства производства, будетъ собственностію общества, а не отдѣльныхъ лицъ, а потому и продукты труда, которые теперь поступаютъ въ собственность капиталистовъ, будутъ распределяться между самими производителями, смотря по количеству труда каждаго изъ нихъ. Этимъ не исключается частная собственность, а только ограничивается предметами потребленія, продуктами общественнаго труда, которые должны поступать въ раздѣль. Раздѣль продуктовъ общаго труда будетъ производиться общинами (каждою общиною въ своей средѣ), на основаніи свѣдѣній, предварительно собранныхъ о количествахъ потребностей на каждый родъ предметовъ, за выдѣленіемъ нѣкоторой части продуктовъ на общія нужды, а также въ запасъ, такъ что социалистическое государство должно представлять федерацію общинъ различныхъ размѣровъ, изъ коихъ каждая „владѣетъ самостоятельно, въ размѣрѣ ея автономныхъ правъ, частію національнаго капитала и удовлетворяетъ непосредственно большую часть своихъ потребностей“ *). „При этомъ автономныя права отдѣльныхъ общинъ должны быть сгармонизированы съ общими интересами государственной жизни“.

Основываясь на этихъ немногихъ чертахъ будущей организаціи труда и собственности, какъ она представляется въ теоріи ученаго социализма, мы должны предположить, что люди, конечно, будутъ тогда совсѣмъ иными по своимъ правамъ, понятіямъ, свойствамъ своей природы. Ибо теперь господствуетъ разладъ; тогда-же будетъ гармонія; теперь дѣйствуетъ эгоизмъ, тогда-же будетъ господствовать справедливость. Теперь въ области экономической каждый имѣетъ въ виду только свои выгоды; тогда-же всѣ будутъ заботиться объ общемъ благосостояніи. Такой переворотъ, такое коренное измѣненіе въ правахъ

*) „Только при широкой политической и экономической автономіи общинъ возможно осуществленіе основнаго социалистическаго принципа. Никакой центральный органъ не въ состояніи выполнить громадную задачу управленія національнымъ хозяйствомъ, не говоря уже о томъ, что при управленіи національнымъ хозяйствомъ изъ центра общественная жизнь приняла-бы казарменный характеръ въ полномъ значеніи этого слова“. Ibid. 151.

и понятіяхъ людей произойдетъ' единственно отъ того, что' будетъ уничтожено существующее теперь раздѣленіе интересовъ частныхъ, личныхъ отъ интересовъ общихъ; тогда' частныя интересы будутъ совпадать съ общими. „Принципомъ“ такого общественнаго порядка (какой предполагается теоріею ученаго социализма) является уже не частный интересъ лица, ассоціаціи или общины, а сознаніе взаимности интересовъ и взаимной помощи какъ частей цѣлому, такъ и цѣлаго частямъ“ *). Известный англійскій экономистъ и философъ Джонъ Стюартъ Милль объ этомъ такъ рассуждаетъ: „Люди способны проникаться общественнымъ духомъ' гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуешь' объ успѣхѣхъ, съ которыми многочисленныя человѣческія общества могутъ *привыкать* въ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была-бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали-бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и естественно напли-бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. Въ коммунизмѣ гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою-же самою причиною, которою такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія: *онъ не имѣлъ-бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса*“ **). Итакъ, все дѣло въ учрежденіяхъ: теперь господствуетъ капиталистическая частная собственность. Отсюда эгоизмъ, борьба частныхъ интересовъ, а слѣдствіемъ этой борьбы является раздѣленіе общества на два враждебные другъ другу класса—имущихъ и неимущихъ, предпринимателей и рабочихъ, капиталистовъ и пролетаріевъ. Въ государствѣ социалистическомъ капиталъ будетъ не частною собственностію, а достояніемъ всего общества, слѣдовательно не будетъ самаго источника происходящей теперь борьбы интересовъ; вмѣсто вражды тогда будетъ господствовать гармонія, единодушіе, общеніе интересовъ. Значить, мы впра-

*) И. Иванюкова: *Основныя положенія*... стр. 142.

**) Ibid. 154—155.

вѣ сказать: измѣните учрежденія и люди стануть иными; чувства ихъ, понятія, нравы должны измѣниться соотвѣтственно перемѣнѣ самихъ учреждений. Но отъ кого зависитъ перемѣна учреждений? Не есть-ли это дѣло доброй воли людей? Нѣтъ, говорятъ намъ, учрежденія являются всегда необходимымъ результатомъ историческаго процесса, а историческій процессъ дѣйствуетъ съ такою-же необходимостію, какъ и всякій естественный процессъ. Наме дѣло—изучать условія и ходъ историческаго процесса съ тѣмъ, чтобы предвидѣть, къ чему этотъ процессъ долженъ привести. Однако-жь исторія дѣйствуетъ чрезъ людей, и нельзя раздѣлять дѣло исторія отъ дѣятельности самихъ людей. Посему, если исторія дѣйствуетъ съ такою-же необходимостію, какъ и всякій естественный процессъ, то это должно повимать такъ, что дѣятельность людей, чрезъ которую выполняетъ свои задачи исторія, имѣетъ характеръ фатальный. Посмотримъ-же, въ чемъ состоялъ этотъ фатализмъ человѣческихъ дѣйствій, создавшихъ существующій теперь порядокъ вещей въ области экономической? Выше было сказано, что хотя усовершеніе техники производства и сократило трудъ, но именно, благодаря этому, многіе были лишены заработка, ибо дѣло, которое исполнялось прежде большимъ количествомъ людей, при машинномъ производствѣ требовало уже значительно меньшаго числа рукъ. Это не значитъ однако-жь, что и абсолютное число рабочихъ должно было сократиться; обращеніе было только относительное, именно относительно производства того или иного промышленнаго дѣла, которое, при усовершенствованной technikѣ, требовало гораздо менѣе, противъ прежняго, затраты времени и труда. *Вообще-же*, классъ рабочихъ не только не уменьшился, напротивъ прогрессивно сталъ увеличиваться, по мѣрѣ развитія торговли и промышленности; но заслуживаетъ вниманія и то, какъ произошло это увеличеніе рабочаго класса и нынѣ также происходитъ. Оно могло произойти и происходитъ только чрезъ превращеніе въ рабочихъ самостоятельныхъ хозяевъ и промышленныхъ людей, которые не могли соперничать съ машиннымъ производствомъ. Слѣдовательно, самое увеличеніе рабочаго класса означаетъ, что положеніе значительнаго числа людей ухуд-

шилось и продолжаетъ ухудшаться; и чѣмъ большее число людей оказалось вынужденнымъ перейти въ классъ рабочихъ, тѣмъ больше было соперничества между самими рабочими въ предложеніи своихъ услугъ, своего труда, такъ что, трудъ рабочаго превратился въ товаръ, сдѣлался предметомъ купли и продажи, а чрезъ то и самое положеніе рабочаго класса сдѣлалось крайне шаткимъ и ненадежнымъ—по причинѣ зависимости труда рабочаго отъ постоянныхъ колебаній спроса и предложенія. Итакъ, вотъ рядъ причинъ, произведшихъ существующій теперь порядокъ вещей въ области экономической. Причины эти дѣйствовали и дѣйствуютъ независимо отъ человеческого произвола, напротивъ, нерѣдко даже—вопреки самымъ благимъ намѣреніямъ, какъ это видно изъ того, что машины изобрѣтались въ видахъ облегченія человеческого труда, а между тѣмъ послѣдствія ихъ употребленія для многихъ были бѣдственными. Но такъ ли это? Точно ли воля человеческая во всемъ этомъ не имѣетъ значенія? Всѣ согласны въ томъ, что свобода конкуренціи — главное условіе, порождающее раздѣленіе и враждебное столкновеніе интересовъ въ экономической области. А извѣстно, что свобода конкуренціи—это излюбленное дѣтище экономистовъ. Поэтому можно сказать, что роль фатума приняла на себя и исполнила политическая экономія. Она несомнѣнно сообщила естественному и всегда, конечно, существовавшему, соперничеству въ трудѣ духъ безпощаднаго, жестокаго своекорыстія, распространивъ убѣжденіе, что эгоизмъ вполне законный и даже необходимый принципъ въ области экономической, что здѣсь каждый самъ долженъ всячески отстаивать свои интересы, что бѣдственное положеніе рабочихъ не зависитъ отъ воли предпринимателей, а есть неминуемое послѣдствіе непреодолимо дѣйствующихъ экономическихъ законовъ, хотя, благодаря также вліянію экономистовъ, сами рабочіе, прежде соперничавшіе въ пониженіи заработной платы, теперь, наоборотъ, вступаютъ между собою въ соглашеніе съ цѣлію возвышенія ея. Трудно было и ожидать иныхъ послѣдствій, кромѣ тѣхъ, какіе видимъ теперь, отъ такъ называемой экономической свободы, когда государство, обязанное вѣдать общіе интересы, благодаря усиліямъ эконо-

мистовъ, было устраниено отъ всякаго участія въ борьбѣ частныхъ интересовъ. Между тѣмъ свобода индивидуальнаго развитія, какъ принципъ экономической, и теперь признается столь насущною потребностію и важнѣйшимъ интересомъ, что даже предполагаемый въ будущемъ строй социалистическаго государства признается осуществимымъ лишь при томъ условіи, если чрезъ него будетъ вполне обеспечиваться индивидуальная свобода. „Какія-бы великія блага ни сулилъ социализмъ, но если онъ не имѣетъ въ виду или не въ состояніи примѣнить на практикѣ свободное заявленіе и удовлетвореніе потребностей, онъ долженъ отказаться отъ надежды видѣть себя когда-либо осуществленнымъ. Свобода опредѣленія и удовлетворенія своихъ потребностей есть безспорно важнѣйшая сторона свободы вообще. При опредѣленіи потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія *извѣтъ*, у каждаго будетъ отнята возможность жить и развиваться сообразно своей индивидуальности“... Но „уничтоженіе частныхъ промышленныхъ предпріятій и спекулятивной торговли ничуть не имѣетъ своимъ слѣдствіемъ устраниеніе свободы опредѣленія потребностей. Общественно организованное производство можетъ столь же полно осуществить свободу удовлетворенія потребностей, путемъ ежедневнаго, еженедѣльнаго, мѣсячнаго, годоваго и вообще періодическаго собранія статистическихъ свѣдѣній (о томъ, что кому нужно), какъ это осуществляется въ частно-хозяйственной системѣ посредствомъ заявленія каждымъ спроса на рынкѣ“ *).

Такимъ образомъ, социалистическія общины, каждая для себя, будутъ производить всего столько, сколько нужно, ни болѣе ни менѣе, смотря по заявленнымъ потребностямъ каждаго. Совпаденіе частныхъ интересовъ съ общими, на которое Милль указываетъ, какъ на преимущество будущаго социалистическаго государства, будетъ въ этомъ государствѣ достигаться не подчиненіемъ частныхъ личныхъ интересовъ требованіямъ общаго блага, не ограниченіемъ ихъ общими интересами, а напротивъ посредствомъ приспособленія дѣятельности общественной къ потребностямъ, желаніямъ и вкусамъ каждаго въ отдѣльности, ибо свобода индивидуальнаго развитія—таковъ важнѣйшій ин-

*) Иванюковъ, сочин. цит. стр. 144—145.

тересъ, который долженъ быть обезпеченъ будущимъ социалистическимъ устройствомъ государства. Напрасно въ такомъ случаѣ Милль говорить объ общественномъ духѣ, предполагая, очевидно, что социалистическое устройство государства, какимъ представляетъ его ученый социализмъ, рассчитано на возможно широкое развитіе общественнаго духа. На самомъ дѣлѣ и надобности не будетъ въ существованіи такового духа, ибо каждый въ сущности будетъ трудиться, совмѣстно съ другими, главнымъ образомъ *въ своемъ личномъ интересѣ*, единственно дабы обезпечить свободу индивидуальнаго развитія: каждый будетъ предъявлять свои требованія и отъ общины получать средства къ ихъ удовлетворенію, конечно, должно полагать, въ размѣрѣ сообразномъ съ количествомъ совершеннаго имъ труда. Но гдѣ самымъ важнымъ дѣломъ считается свобода индивидуальнаго развитія, тамъ неминуемо должны быть и злоупотребленія этою свободою; а послѣдствіемъ злоупотребленій должно быть разстройство гармоніи, которая не могла бы даже и осуществиться въ предполагаемомъ социалистическомъ государствѣ уже потому одному, что никакихъ нѣтъ основаній съ полною увѣренностію полагать, что каждая община будетъ справедливо распредѣлять продукты общаго труда. Напротивъ распредѣленіе продуктовъ общаго труда, въ предѣлахъ каждой общины, между ея членами самою общиною, а между общинами—государствомъ, которое по теоріи должно вѣдать лишь удовлетвореніе общихъ нуждъ всей федераціи,—что легко представить себѣ,—оказалось бы неисчерпаемымъ источникомъ раздоровъ и междуусобій какъ между гражданами, такъ и между цѣлыми общинами. Да и какъ же можетъ быть иначе, коль скоро предполагаемое социалистическою теоріею устройство государства можетъ возникнуть и осуществиться только путемъ насилія. „Реализація новаго социальнаго строя совершится въ силу исторической необходимости и съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ буржуазія уничтожила феодальный строй и провозгласила новыя права личности и народа“ *). Возможное ли дѣло, чтобы справедливость господствовала при такомъ устройствѣ общественной жизни, которое само опи-

*) Ibid. стр. 150.

ралось бы на насилии, слѣдовательно—на несправедливости. Можетъ ли быть осуществленною справедливость посредствомъ насилия, слѣдовательно—посредствомъ нарушенія справедливости? Справедливость можетъ ли быть плодомъ несправедливости? Экономисты утверждаютъ, что можетъ. Не иное что, какъ это именно, утверждается ими въ томъ случаѣ, когда они высказываютъ положеніе, что правовыя отношенія и понятія зависимы отъ условій и отношеній экономическаго быта. *) Но чѣмъ-же можетъ быть доказана эта зависимость юридическихъ понятій отъ экономическихъ отношеній? Ссылаются на то, что теперь мы напимѣрь считаемъ рабствъ оупіющею несправедливостію, жестокостію, между тѣмъ какъ въ древности Аристотель—этотъ величайшій мыслитель—оправдывалъ рабство. Говорятъ еще, что въ древности считали унизительнымъ для достоинства человѣка, какъ гражданина, занятіе физическимъ трудомъ, промыслами, торговлею. Это, конечно, потому—такъ рассуждаютъ по этому поводу—что рабство служило основаніемъ всего экономическаго быта въ древности. Тоже видимъ и въ средніе вѣка: „землевладѣніе, служившее въ средніе вѣка исключительнымъ источникомъ богатства привилегированнаго класса, наложило свою печать на понятіе чести и

*) Въ неоднократно упомянутой книгѣ проф. И. Иванюкова, въ самомъ началѣ ея читаемъ: „Всѣ до сихъ поръ существовавшія организациі собственности у народовъ, вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, порождали іерархію общественныхъ классовъ; управление и законодательство всегда и всюду, прямо или косвенно, принадлежало наиболѣе богатымъ классамъ; послѣдніе пользовались своею властью сознательно и бессознательно въ своихъ интересахъ; почему во всѣ эпохи законы запечатлѣны интересами господствующихъ классовъ.“ „Мысль, что организациі собственности на каждой ступени развитія составляетъ важнѣйшій экономическій факторъ въ образованіи юридическихъ и политическихъ учрежденій, вошла въ науку прочно лишь въ послѣднее время. Ближайшимъ поводомъ къ ея уразумѣнію и распространенію послужилъ разладъ между соціальною дѣйствительностію XIX в. и гуманными идеалами, осуществленіе которыхъ было задачей французской революціи“. Какъ жестоко ошибается здѣсь г. Иванюковъ! То, что онъ считаетъ новѣйшимъ пріобрѣтеніемъ науки, далеко не ново. Еще въ древности, въ эпоху Сократа и Платона, софисты учили, что справедливое то-же, что законное, а какъ законы постановляютъ правители, то справедливое то-же, что выгодное для правителей и не выгодное для подвластныхъ, потому что правители, при постановленіи законовъ, руководятся, конечно, своими собственными интересами. Подробно разбирается и опровергается этотъ софистическій взглядъ на справедливость въ извѣстномъ діалогѣ Платона *Государство*.

нравственности. Вести промышленное предприятие, заниматься торговлею считалось для господствующаго класса позорнымъ и безчестнымъ, и приличнымъ казалось извлекать доходы только изъ поземельной собственности“. Если бы всѣ подобныя указанія дѣйствительно доказывали, что всегда, во всякое время то именно и признавалось справедливымъ, что на дѣлѣ существовало, такъ что справедливое въ одно время,—въ другое время, по причинѣ измѣнившихся условій жизни экономическихъ, оказалось бы несправедливымъ,—тогда конечно нельзя было бы придумать такой вопіющей несправедливости, которую, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, люди не могли бы признать справедливою. Словомъ понятія о справедливости и несправедливости пришлось бы признать крайне измѣнчивыми, шаткими, зависящими отъ обстоятельствъ. Такъ дѣйствительно и думаютъ нѣкоторые мыслители, полагающіе, что человекъ не только можетъ привыкнуть ко всякому положенію, но и приспособить свой умъ ко всякимъ понятіямъ, и что послѣднее даже въ большей степени возможно для него, чѣмъ первое, ибо худшее положеніе всегда стараются перемѣнить на лучшее, понятіями же тѣми и довольствуются, какія внушаются фактами окружающей дѣйствительности. Все это было-бы вѣрно, по крайней мѣрѣ отчасти, если-бы дѣйствительно вышеозначенныя ссылки или историческія указанія доказывали то, что ими хотятъ доказать. Но не трудно убѣдиться, что скорѣе они доказываютъ противное тому, что ими хотятъ доказать. Какимъ образомъ Аристотель оправдывалъ рабство? Онъ указывалъ на то, что повсюду въ природѣ существуютъ отношенія подчиненности и господства. Прежде всего въ каждомъ цѣломъ, состоящемъ изъ частей правильно сложенныхъ, есть части господствующія и подчиненныя, т. е. зависящія отъ другихъ. Во всякомъ живомъ существѣ душа есть начало правящее, а тѣло подчиненное, равно и въ душѣ неразумное подвластно разуму. Отсюда Аристотель выводилъ, что тѣ-же отношенія господства и подчиненности должны быть и между людьми, при чемъ дѣйствительно онъ полагалъ, что сама природа такое различіе (по умственнымъ способностямъ) устанавливаетъ между людьми, вслѣдствіе котораго одни предназна чены господство-

вать, а другіе способны лишь повиноваться и быть исполнителями чужой воли *). Итакъ, вотъ въ какомъ смыслѣ Аристотель оправдывалъ рабство. Вся сила его аргументаціи заключается въ мысли, которую можно выразить такъ. Справедливость требуетъ, чтобы существовали и между людьми отношенія подчиненности и господства, такъ какъ отношенія эти повсюду существуютъ и установлены самою природою. А развѣ теперь мы не считаемъ справедливымъ, чтобы существовали въ обществѣ отношенія подчиненности и господства? Можно сказать, конечно, что рабство есть нѣчто большее, нежели простое отношеніе подчиненности, ибо рабъ считался собственностію своего господина. Отсюда слѣдуетъ, что Аристотель имѣлъ ошибочный взглядъ на рабство; но никакъ это не значитъ, что Аристотель признавалъ справедливымъ то самое, что мы теперь признаемъ несправедливымъ. Онъ признавалъ рабство справедливымъ, но на столько, на сколько усматривалъ въ немъ то самое, что и мы также признаемъ справедливымъ, именно отношеніе господства и подчиненности. Далѣе говорятъ, что въ древности не уважался трудъ физическій, промышленный? Прежде всего замѣтимъ по этому вопросу, что въ древности не менѣе насъ знали цѣну труда. Такъ у Ксенофонта, въ его „Достопамятностяхъ“, читаемъ: „трудящіеся надъ тѣмъ, чтобы приобрести добрыхъ друзей и обуздать враговъ, чтобы сдѣлаться сильными по тѣлу и душѣ, какъ можно лучше устроить свой домъ и друзьямъ чтобы приносить пользу и отечеству оказать услуги,—таковые съ удовольствіемъ трудятся ради всего этого, и счастливо живутъ, ибо и сами довольны собою, и другіе ихъ хвалятъ и соревнуютъ имъ. Напротивъ нерадѣніе и мимолетныя удовольствія, которыя достигаются безъ труда, ни тѣлу не приносятъ пользы, ни душу не обогащаютъ сколько-нибудь значительнымъ познаніемъ, между тѣмъ какъ усилія постоянныя и непрерывныя вознаграждаются успѣхами во всемъ добромъ. Вотъ и Гезіодъ говоритъ: нетрудно сдѣлать много зла; путь зла легокъ и вблизи насъ находится, а путь добродѣтели боги повелѣли орошать потоми; крутой это путь и длиненъ, но хотя въ началѣ и неровенъ, за то потомъ дѣ-

*) См. „Политика“ Аристотеля, переводъ Н. Скворцова (1865 г.) стр. 15 и дал.

лается легкимъ, сколько-бы ни былъ труденъ. Эпихармъ тоже свидѣтельствуеть; вотъ его слова: только цѣною труда все доброе покупается нами у боговъ. Онъ-же сказалъ: безумный, не домогайся легкаго (τα μαλακὰ), чтобы не досталось тяжелое (τὰ σκληρὰ)*). Тотъ-же Гезіодъ, на котораго ссылается Сократъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ Ксенофонта „Достопамятностей“, говоритъ еще слѣдующее: „Ты же Персій, потомокъ боговъ, помня заповѣданное намъ, всегда трудись (ἐργάζεο), чтобы голодъ возненавидѣлъ, а всѣми почитаемая, увѣнчанная Деметра возлюбила тебя и твои житницы наполнила зерномъ; голодъ—неразлучный спутникъ лѣниваго; и боги и люди негодуютъ на того, кто живетъ въ праздности, подобно трутнямъ, которые, находясь въ бездѣйствіи, труды пчель поѣдаютъ. Но ты ищи удовольствія въ томъ, чтобы своевременно исполнять свои дѣла; трудами люди приобрѣтаютъ богатство; трудящійся любезенъ и богамъ бессмертнымъ, и смертнымъ, а празднаго ненавидятъ. Въ трудѣ ничего нѣтъ постыднаго, напротивъ праздность постыдна“ **).

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ древности вполне понимали значеніе труда и уважали его. Несмотря на то, есть безспорно различіе въ понятіяхъ древнихъ о трудѣ сравнительно съ понятіями, существующими въ наше время. Тогда не уважался трудъ промышленный; промыслъ, какой-бы то ни былъ, ремесло тогда считали несообразнымъ съ достоинствомъ свободнаго гражданина. Но это потому единственно, что всякій промыслъ имѣетъ характеръ корыстный, ибо имѣетъ прежде всего то значеніе, что служитъ источникомъ дохода, между

*) Мемор. II. I. 19, 20.

**) Ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δὲ τ' ὄνειδος. Ἔργα καὶ ἡμεραι, 296—310. Вотъ и еще нѣсколько изреченій, выражающихъ тоже понятіе о важности труда: „трудящемуся отъ боговъ дается въ удѣлъ плодъ труда—слава“ Эсхилъ (Fragm. 342, edit. F. Didot).—„Если и бываетъ счастье между людьми, то оно не приобрѣтается безъ труда“ (ἄνευ καμάτων οὐ φάνεται). Пиндаръ, (Швейск. XII).—„Смотри, никакое счастье не дается безъ труда.“ Софоклъ (Электра, 945). „Трудъ, по выраженію Эврипида, отецъ славы“.—

Nil sine magno

Vita labore dedit mortalibus.

Гораций (sat. IX, V. 60).

тѣмъ какъ гражданинъ, по понятіямъ древнихъ, всего болѣе долженъ быть занятъ безкорыстно общественною дѣятельностію; свободнымъ человѣкомъ, и потому истиннымъ гражданиномъ, тогда считался только тотъ, кто свою жизнь посвящалъ служенію интересамъ общимъ, интересамъ своего отечества, а не своимъ собственнымъ. Что дѣйствительно промышленный трудъ только потому не уважался въ древности, что всякій промыслъ имѣетъ частное, такъ сказать личное, а не общее значеніе, въ этомъ нетрудно убѣдиться. Извѣстно, что въ древности высоко цѣнили воспитательное значеніе гимнастики; гимнастическія игры имѣли даже религіозное значеніе; поэтому занятіе гимнастикой считалось, конечно, вполне достойнымъ и даже обязательнымъ для гражданина, но только при томъ условіи, если оно не было обращено въ ремесло, если т. е. не назначалась ему *спеціальная* цѣль—сдѣлаться атлетомъ. Наслаждаться музыкою, играя на какомъ-либо музыкальномъ инструментѣ, или-же слушая игру другаго, считалось дѣломъ благороднымъ и достойнымъ гражданина; напротивъ, быть музыкантомъ-мастеромъ, заниматься музыкою какъ ремесломъ, какъ источникомъ наживы, — это признавалось уже не достойнымъ свободного гражданина. Философія признавалась высшимъ даромъ боговъ, однако-же когда софисты стали преподавать философію за деньги, и такимъ образомъ занятіе философіею сдѣлали ремесломъ, то это нововведеніе единодушно и сильно порицали, какъ опасное для достоинства самой философіи, Сократъ, Платонъ и Аристотель. Итакъ, нельзя отрицать того, что презрительный взглядъ на промышленный трудъ у древнихъ истекалъ изъ чувствъ благородныхъ, изъ понятій возвышенныхъ о достоинствѣ и назначеніи человѣка. Отъ гражданина они требовали дѣятельности вполне безкорыстной, рѣшительнаго предпочтенія общихъ интересовъ интересамъ собственнымъ. Конечно, взглядъ древнихъ на промышленный трудъ нельзя не признать одностороннимъ. Но такую-же крайность, не менѣе заслуживающую порицанія, представляетъ существующее теперь и, по духу своему, противоположное понятіямъ древнихъ, стремленіе къ специализированію всякой дѣятельности, къ ограниченію своей дѣятельности ближайшими, не выходящими изъ круга данной спе-

ціальности, задачами. Раздѣленіе труда—господствующій теперь принципъ, но при раздѣленіи должно-же быть нѣчто и обобщающее, связующее разнородныя сферы труда. Въ древности не могли успѣшно развиваться и процвѣтать ремесла; промышленный трудъ не былъ свободнымъ; напротивъ въ наше время господствуетъ склонность—обращать всякое занятіе въ ремесло. Съ точки зрѣнія экономической, господствующей теперь, существуютъ только частные интересы, и всякое занятіе есть промысль, источникъ дохода, или выражаясь на языкѣ экономистовъ—производство цѣнностей... Такимъ образомъ, мы не можемъ утверждать, что при сравненіи современнаго взгляда на трудъ съ тѣмъ, какой существовалъ въ древности, всѣ преимущества на нашей сторонѣ. И пусть не говорятъ, что только благодаря существованію рабства въ древности, которое обезпечивало жизнь свободнымъ, послѣдніе могли уже не заботиться о себѣ, а всецѣло отдаваться безкорыстному служенію общимъ государственнымъ интересамъ. Какъ будто преданность общимъ задачамъ дѣятельности, и подчиненіе имъ цѣлей спеціальныхъ, и теперь не обязательны для каждаго въ такой-же мѣрѣ, въ какой признавалась обязательность ихъ въ древности. Поэтому нельзя сказать, чтобы теперь правовыя понятія существенно измѣнились сравнительно съ древними. Измѣнилось экономическое положеніе; условія дѣятельности теперь иныя, но общія задачи всякой дѣятельности въ государствѣ и теперь тѣ-же, по крайней мѣрѣ по общимъ понятіямъ о нихъ. Вообще же измѣненіе понятій правовыхъ въ большей мѣрѣ зависитъ отъ причинъ совершенно инаго порядка, чѣмъ отъ причинъ экономическихъ. Нужно-ли говорить о томъ, что и средневѣковыя понятія о долгѣ чести рыцарской покровительствовать бѣднымъ и немощнымъ, защищать свое достоинство, проявлять во всѣхъ обстоятельствахъ затруднительныхъ, угрожающихъ—неустранимость, мужество, — что эти понятія, какъ-бы они ни видоизмѣнялись въ зависимости отъ перемѣны въ условіяхъ жизни, какъ-бы ни были разнообразны формы ихъ выраженія и примѣненія,—въ существѣ своемъ и теперь остаются неизмѣнными.

Послѣ сказаннаго мы вправѣ утверждать, что понятія о спра-

ведливомъ, объ обязательномъ, о должномъ не такъ измѣнчивы, какъ полагаютъ экономисты. Совершенно ложно то мнѣніе, что вмѣстѣ съ перемѣною экономическихъ отношеній и условій, соотвѣтственнымъ образомъ измѣняются также и понятія правовыя. Нѣтъ никакого основанія полагать, что перемѣна экономическихъ условій, хотя-бы совершенная насильственно, неминуемо повлечетъ за собою переворотъ и въ понятіяхъ юридическихъ, такъ что признаваемое теперь несправедливымъ вдругъ станутъ всѣ считать справедливымъ потому только, что насильственно установленъ новый порядокъ вещей. Тогда всякое насиліе, достигшее успѣха, само собою оправдывалось-бы въ силу измѣнившихся въ соотвѣтственномъ ему направленіи понятій. Но это къ счастью далеко не такъ: справедливость не можетъ быть порождена несправедливостію.

Но развѣ ученій социализмъ предвидитъ торжество несправедливости? Напротивъ, онъ полагаетъ, что существующій порядокъ вещей, въ области экономической, какъ основанный на несправедливости, т. е. на несправедливомъ преобладаніи однихъ въ ущербъ другимъ, долженъ смѣниться порядкомъ справедливымъ. Предполагаемый социализмомъ будущій строй государства представляется ему какъ торжество справедливости. Но это то именно и значить, что понятія юридическія не такъ уже зависимы отъ фактическихъ отношеній въ области экономической, какъ полагаютъ экономисты. Социалистическій строй государства еще не существуетъ и однако имѣется уже понятіе о справедливости, соотвѣтствующее этому строю и его оправдывающее; слѣдовательно понятія не только слѣдуютъ за фактами въ видѣ оправданія ихъ, но и предупреждаютъ факты. Не значить ли это, что понятіе о справедливости въ сущности не зависимо отъ такого или иного строя общественной жизни, что нельзя поэтому признать этотъ именно строй жизни справедливымъ, а другой всякій несправедливымъ? Какъ понятіе идеальное, оно одинаково приложимо ко всякому строю общественной жизни, слѣдовательно во всякомъ практикуется, т. е. осуществляется болѣе или менѣе. Въ такомъ случаѣ, къ чему перевороты? И существующій строй общественной жизни болѣе или менѣе справедливъ, не лишенъ справедливости; и всякій дру-

гой, какой только можно представить себѣ, опять-таки будетъ лишь болѣе или менѣе справедливымъ, а никакъ не всецѣло справедливымъ. Справедливость, слѣдовательно, можетъ осуществляться лишь постепенно посредствомъ правильнаго историческаго хода, а не чрезъ перевороты. Всякій переворотъ сразу уничтожаетъ *все то справедливое, что уже приобрѣло фактическую устойчивость и дѣйствовало какъ живая органическая сила въ низвергнутыхъ цѣликомъ учрежденіяхъ*; а такъ какъ созданный вновь порядокъ не можетъ же сразу окрѣпнуть, и выраженные въ немъ идеи не могутъ вдругъ приобрести жизненное значеніе, то послѣ всякаго переворота, вмѣсто всего, что въ отвергнутомъ порядкѣ было жизненнаго, — остается пустота.

Въ какихъ-бы мрачныхъ краскахъ ни изображали существующія условія экономическаго быта, и даже весь строй общественной жизни, экономисты социалистическаго направленія; но очевидно, возможно и сообразно со справедливостію желать и домогаться лишь исправленія замѣчаемыхъ недостатковъ въ существующемъ порядкѣ вещей, вмѣсто того чтобы заниматься праздными фантазіями о замѣнѣ его совершенно новымъ строемъ общественной жизни. Никакой изъ всѣхъ возможныхъ, такъ сказать, порядковъ общественной жизни не обладаетъ привилегіею на совершенную, абсолютную справедливость, и, наоборотъ, во всякомъ *порядкѣ* общественной жизни, если только это точно порядокъ, — существуетъ и дѣйствуетъ въ известной степени справедливость. Слѣдовательно, и въ современномъ капиталистическомъ строѣ общественной жизни дѣйствуетъ не одинъ эгоизмъ, но также чувство или идея справедливости.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И .

ПИСЬМО XI *).

НЕ МНѢНІЯ ТОЛПЫ ОТКРЫВАЮТЪ НАМЪ ДВЕРЬ ВЪ СВАТИЛИЩЕ МУДРОСТИ; ОНА ПРИОБРѢТАЕТСЯ УСЕРДНЫМЪ ИСКАНІЕМЪ ИСТИНЫ, КОТОРОЕ СПОСОБСТВУЕТЪ ПРАВИЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ УМА И ВОСПИТАНІЮ ВЪ СЕБѢ МУЖЕСТВЕННО-ВОЗВЫШЕННАГО ХАРАКТЕРА.

Узнаю моего Луцилія—онъ начинаетъ дѣлаться такимъ, какъ обѣщаль. Слѣдуй этому доброму движенію духа, покорствуя которому ты шелъ къ добродѣтели, попирая ногами тѣ блага, которыхъ добивается толпа. Я не желаю, чтобы въ стремленіи къ усовершенствованію ты перешелъ тѣ границы, которыя предначерталъ себѣ. Ибо фундаментъ, который ты заложилъ, и безъ того занимаетъ много мѣста: окончи только то, что предпринялъ, и осуществи свои добрые замыслы. Ты будешь мудръ въ самомъ главномъ, если заткнешь себѣ уши *отъ шума толпы* не воскомъ, которымъ, какъ говорятъ, Улиссъ **) залѣпилъ уши своихъ спутниковъ, а чѣмъ-нибудь болѣе твердымъ и плотнымъ. Тѣ голоса, которыхъ они (Улиссъ съ спутниками) боялись, были оболъстительны, но слышались только изъ одного мѣста; а голоса, которыхъ мы должны бояться, раздаются не съ уединенной скалы, а слышатся во всѣхъ углахъ міра. Опасно проѣзжать не мимо одного только мѣста, но и

*) Ер. 31.

**) Проѣзжая мимо острова сиренъ, Улиссъ залѣпилъ уши своимъ спутникамъ, дабы послѣдніе не могли слышать ихъ оболъстительнаго пѣнія.

чрезъ всѣ города, ибо въ нихъ свила себѣ гнѣздо оболъстительная извѣженность. Сдѣлайся глухъ ко всѣмъ, говорящимъ о своей сильной привязанности къ тебѣ. Съ видомъ благодушія побуждаютъ они насъ ко злу; и если хочешь быть счастливымъ, моли Бога не допустить того, чего желаютъ тебѣ друзья. Не благо тѣ вещи, обилія въ которыхъ они тебѣ желаютъ; одно существуетъ благо, основаніе и оплотъ счастливой жизни—довѣріе къ самому себѣ. Но это довѣріе къ себѣ мы можемъ приобрѣсть, только не боясь труда и полагая его въ числѣ вещей, которыя *сами по себѣ* ни хороши, ни дурны. Ибо невозможно, чтобы одинъ и тотъ-же предметъ былъ то дуренъ, то хорошъ, то легокъ и пріятенъ, то отвратителенъ. Трудъ самъ по себѣ, какъ трудъ, не есть безусловное благо; не бояться труда—вотъ въ чемъ состоитъ благо. Такимъ образомъ, я не рѣшусь обвинять и тѣхъ людей, которые трудятся для суетности; напротивъ на людей, которые прилежатъ ко всему нравственно-прекрасному, взираю я не иначе, какъ съ почтительнымъ удивленіемъ; и чѣмъ болѣе они будутъ склоняться въ эту сторону, чѣмъ менѣе будутъ дозволять себѣ послабленія и отдыха, тѣмъ настойчивѣе я буду взывать къ нимъ: поднимайся и усовершайся; соберись съ духомъ и поднимись на возможную высоту, не переводя дыханія! Вѣдь благородныя души находятъ свою пищу только въ трудѣ.

Тебѣ нѣтъ нужды, сообразно съ давнишними желаніями твоихъ родителей относительно тебя, избирать что-либо, что ты желалъ-бы видѣть отчисленнымъ на твою долю; и вообще человѣку, имѣющему большой опытъ, постыдно даже и доселѣ обращаться къ божеству съ безпрестанными просьбами. Что пользы въ обѣтахъ *)? Самъ дѣлай себя счастливымъ, и ты сдѣлаешь себя счастливымъ, если будешь убѣжденъ, что все то прекрасно, въ чемъ соприсутствуетъ добродѣтель, и все то отвратительно, гдѣ проглядываютъ злыя свойства человѣка. Какъ ни что не блеститъ безъ примѣси свѣта, ни одинъ предметъ не бываетъ темень, если его не охватитъ мракъ или онъ не будетъ закрытъ другимъ темнымъ предметомъ; какъ независимо отъ огня нѣтъ тепла, безъ воздуха—холода; такъ точно и

*) Молитвы къ Богу съ обѣщаніемъ жертвъ въ случаѣ исполненія просимаго.

все въ *человѣческихъ* дѣяніяхъ бываетъ нравственно - прекраснымъ или постыднымъ, смотря потому, связано-ли оно съ добродѣтелью или порочностью.

Въ чемъ-же состоитъ благо? Въ правильномъ пониманіи вещей. А зло?—въ невѣдѣніи ихъ. Вотъ почему мудрый и опытный человѣкъ принимаетъ или отвергаетъ ихъ, смотря по обстоятельствамъ времени; но онъ удаляетъ ихъ безъ боязни и принимаетъ безъ удивленія, если имѣетъ душу возвышенную и мужественную. Я не допускаю даже и того, чтобы ты ослабѣвалъ и терялъ бодрость *при стремленіи къ познанію вещей*; не отказываться отъ труда еще мало значить, должно искать его. Но что это за трудъ, который называютъ *нелѣпымъ* и *излишнимъ*?—спросишь ты. Это трудъ, который вызывается низкими побужденіями. Онъ не безусловно низокъ; хотя и не въ той мѣрѣ, какъ тотъ, который тратится для возвышенныхъ цѣлей, но онъ заслуживаетъ все-таки нѣкоторой похвалы, ибо свидѣтельствуетъ о выносливости души, которая нудитъ себя въ тяжкому и затруднительному, и говорить себѣ: зачѣмъ оставаться въ бездѣйствіи? Бояться труда и усилій не совмѣстно съ достоинствомъ мужа! Но дабы добродѣтель была совершенной, сюда должны привходить правильность и равномерное, постоянно одинаковое, гармоническое направленіе жизни во всѣхъ положеніяхъ.

Такую задачу невозможно осуществить безъ познанія вещей и безъ той науки, изъ которой мы узнаемъ о божественномъ и человѣческомъ. Вотъ высшее благо; владѣя имъ, ты приблизишься къ Божеству и не будешь испытывать страха предъ Нимъ, какъ преступникъ. Но какъ можно дойти до этого пункта?—спросишь ты. Ты пойдешь не чрезъ Аппенинскія или Греческія горы *), не чрезъ пустыни Кандавіи **); не нужно будетъ тебѣ проѣзжать ни мимо Сиртовъ ***) , ни мимо Сциллы и Харибды, *этихъ опасныхъ мѣстъ*, которыя ты уже миновалъ однажды *цѣною* своей скромной должности ****). Въ этомъ дѣлѣ

*) Отроги Альповъ.

**) Суровая горная страна Иллирии на границѣ Македоніи.

***) Два своими мелями опасные для мореплаванія морскіе залива на сѣверномъ берегу Африки.

****) Луцилій былъ прокураторомъ Сициліи.

путь безопасенъ, пріятенъ, начертанъ тебѣ самой природой. Если ты не отступишь отъ ея указаній, станешь близко къ Богу. Не приблизить тебя къ Богу ни изобиліе денегъ—Онъ не имѣеть ихъ, ни пышныя одежды—Онъ не нуждается въ нихъ; ни слава, ни тщеславіе и извѣстность твоего имени между народами. Никто не знаетъ Бога, многіе даже не имѣютъ о Немъ достойныхъ мыслей и—безнаказанно; ни толпа слугъ, которые переносятъ тебя въ носилкахъ по городскимъ улицамъ и сельскимъ дорогамъ. Богъ—всевышній и всемогущій—все носить въ Своей десницѣ. Даже и красота и крѣпость тѣлесная не сдѣлаютъ тебя счастливымъ—эти блага не уживаются со старостью.

Надлежитъ искать того, что не подвергается порчѣ отъ времени, чему нельзя положить границъ. Что же это такое? Это духъ человѣка, это правота, благонастроенность и возвышенное мужество человѣческой души. Какъ ты назовешь ее иначе, какъ не божественною силою, избравшею себѣ обитель въ человѣческомъ тѣлѣ? Возвышенныя свойства человѣческой души могутъ обрѣтаться въ такой же мѣрѣ у вольноотпущенника и раба, какъ и у римскаго всадника. Что такое римскій всадникъ, вольноотпущенникъ, рабъ? Имена, порожденныя тщеславіемъ или несправедливостью. Подняться къ небу можно и изъ самаго темнаго уголка на землѣ; возстань только,

и себя

Бога достойнымъ яви.

Но ты не представишь образъ достойный Бога изъ золота и серебра: въ этомъ веществѣ не могутъ отразиться черты богоподобія. Подумай, что изображенія боговъ, когда они были къ намъ милостивы, дѣлались и изъ глины.

ПИСЬМО XII *).

ДОЛЖНО ПОВИНОВАТЬСЯ ВОЛѢ БОЖІЕЙ ДОБРОВОЛЬНО И ОХОТНО; ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ—ПОСТОЯННАЯ БОРЬБА.

Ты на что-то негодуешь или жалуешься, и не видишь при этомъ, что зло заключается не въ предметахъ твоего негодованія или жалобы, а въ томъ, что сердишься и скорбишь. Спроси меня, и я скажу тебѣ, что для человѣка мужественнаго нѣтъ ничего болѣе удручающаго, какъ мысль о томъ, что въ мірѣ существуютъ бѣдствія. Я сдѣлаюсь невыносимымъ для себя самого въ тотъ день, когда окажусь не въ состояніи вносить какія-либо тяжести жизни. Плохо ли у меня здоровье? Таковъ удѣлъ судьбы. Семейные почилы? Домъ развалился? Потери, раны, заботы, опасности испыталъ я? Но такъ часто бываетъ; мало того—такъ должно быть. Тутъ видно высшее опредѣленіе, а не простой случай. Если ты вѣришь мнѣ, когда я безъ утайки раскрываю сокровеннѣйшія мои помышленія, то знай—вотъ какъ въ трудныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ я привыкъ держать себя: я вижу въ этомъ волю Божію, но не какъ рабъ повинуюсь я ей, а припимаю ее охотно. Я слѣдую за Нимъ добровольно, а не потому, что меня принуждаетъ необходимость. Какія бы ни были превратности жизни, я не встрѣчу ихъ съ лицомъ печальнымъ и злымъ: нѣтъ подати, которую я сталъ бы вносить неохотно; ибо всѣ несчастія, вырывающія у насъ стоны и боязнь ихъ, суть подати, налагаемыя на насъ жизнью. Не надѣйся освободиться отъ нихъ, мой Луцилій, и не ищи. Ты чувствуешь боль во внутренностяхъ; ты не находишь болѣе удовольствія въ яденіи; ты замѣчаешь въ себѣ ежедневныя потери; забѣгу впередъ тебя: ты боишься за свою жизнь. Какъ, развѣ ты не зналъ, что, желая старости, ты желалъ всего этого. Все можно встрѣтить въ долгой жизни, какъ на длинномъ пути встрѣчаются и пыль, и грязь, и дождь. Да; но вѣдь я хотѣлъ жить, не испытывая никакихъ тягостей, скажешь ты. Такая малодушная, женственная рѣчь позорить мужа. Посмотрю, какъ ты встрѣтишь мое

*) Ер. 96.

желаніе, которое исходитъ не только изъ добраго, но и мужественнаго сердца: пусть божественныя силы сохранять тебя отъ обольстительной ласковости судьбы! Спроси себя, согласился ли бы ты, имѣя возможность выбора, жить на рынкѣ, гдѣ только можно ѣсть и пить, или въ лагерѣ? Вѣдь наша жизнь, Луцилій, есть служба воина. Вотъ почему тѣ, которые постоянно заняты, проходятъ взадъ и впередъ по утомительнымъ и трудно-проходимымъ путямъ и предпринимаютъ опаснѣйшіе походы, въ лагерѣ считаются людьми мужественными и занимаютъ высшія мѣста; тѣ же, которые предаются гнусной ослабляющей праздности и покою, въ то время какъ другіе трудятся, суть не болѣе какъ нѣженки; ихъ покой и безопасность выкупается на счетъ ихъ собственнаго позора.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

29 Февраля № 4. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго комптета православнаго миссіонерскаго общества.—Краткая вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчаго завода за послѣднюю треть 1883 года.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Отъ 29-го декабря—5-го января 1883—84 года, за № 180, о книгѣ А. Царевскаго: „Уроки по закону Божію, способствующіе усвоенію пространнаго катихизиса православной Церкви“, съ журналомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 23-го минувшаго декабря за № 695, журналъ Учебнаго Комитета, № 430, по прошенію смотрителя Черкаскаго духовнаго училища Арсенія Царевскаго, объ одобреніи для приобрѣтенія въ бібліотеки духовныхъ училищъ и народныхъ школъ, а также въ церковныя бібліотеки составленной имъ книги, подъ заглавіемъ: „Уроки по закону Божію, способствующіе усвоенію пространнаго христіанскаго катихизиса православной Церкви“ (Выпускъ первый. Черкасы 1883 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ означенную книгу Царевскаго одобрить для употребленія въ духовныхъ училищахъ, въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи катихизиса, а также для приобрѣтенія въ церковныя бібліотеки. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и для объявленія о книгѣ Царевскаго, подъ заглавіемъ: „Уроки по закону Божію, способствующіе усвоенію пространнаго христіанскаго катихизиса православной Церкви“. (Выпускъ первый. Черкасы. 1883 г.), правленіемъ духовныхъ училищъ и благочиннымъ

церквей сообщить, съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

1884 года февраля 10-го дня награждены набедренникомъ: настоятель Николаевской церкви слободы Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Аванасій Горайнъ, помощникъ настоятеля Рождество-Богородичной церкви села Каплуновки, того же уѣзда, священникъ Василій Масловъ и помощникъ настоятеля священникъ села Шебеляна, Зміевского уѣзда, Николай Прскоповичъ.

— Утверждены въ должности законоучителей: настоятель Георгіевской церкви села Павловки, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Василій Тугариновъ Павловскаго сельскаго училища и настоятель Николаевской церкви села Городнаго. священникъ Теодоръ Федоровъ Городнянскаго сельскаго училища, а настоятель Крестовоздвиженской церкви села Кручика, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Мартирій Подольскій и настоятель Покровской церкви села Козьменки, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Владыковъ уволены отъ должности законоучителей Подольскій—Павловскаго сельскаго училища, а Владыковъ Городнянскаго сельскаго училища.

— Настоятель Александро-Свирской церкви слоб. Александровки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Іаковъ Макухинъ опредѣленъ депутатомъ 2-го округа, того же уѣзда.

— Священникъ слоб. Левковки, Изюмскаго уѣзда, Петръ Мартыновъ утвержденъ въ должности настоятеля Левковскаго прихода, того же уѣзда.

— Діакону Покровской церкви слоб. Рублевой, Волчанскаго уѣзда, Семену Булгакову разрѣшено употреблять черную скуфью внѣ храма при требоисправленіяхъ.

— Діаконъ-псаломщикъ Петропавловской церкви слоб. Петропавловки, Старобѣльскаго уѣзда, Θεоктистъ Спѣсявцевъ перемѣщенъ на псаломщичье мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Старой-Айдари, того же уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ Андрей Насѣдкинъ опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Успенской церкви слоб. Коробочки, Зміевского уѣзда.

— И. д. псаломщика Покровской церкви слоб. Верхней Писаревки, Волчанскаго уѣзда, Павелъ Поповъ перемѣщенъ на праздное причетническое мѣсто къ Іоанно-Богословской церкви слоб. Средняго Бурлучка, того же уѣзда.

— Мѣсто п. д. псаломщика при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Юнаковки, Сумскаго уѣзда, предоставлено безмѣстному п. д. псаломщику Митрофану Краснокутскому.

— И. д. псаломщика Успенской церкви с. Калиновки, Сумскаго уѣзда, Павелъ Красинъ умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикъ Троицкой церкви села Проруба, Іоаннъ Ковалевскій.

— Умерли: Благочинный 1-го округа Лебединскаго уѣзда протоіерей Іоанъ Томашевскій; діаконовъ-псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви слоб. Старой-Айдари, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей Воскобойниковъ и сверхштатный п. д. псаломщика Архангело-Михайловской церкви слоб. Новой-Айдари, того-же уѣзда, Петръ Лядскій.

— И. д. псаломщика Петропавловской церкви слоб. Великотской, Старобѣльскаго уѣзда, Евтропій Ветуховъ удаленъ отъ занимаемаго имъ мѣста за нетрезвую жизнь.

— Церковный староста Николаевской церкви слободы Ново Андреевки, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Стефанъ Павленко награжденъ похвальнымъ листомъ.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: г. Чугуева Покровской, — купецъ Филиппъ Мелехинъ; Богодуховскаго уѣзда, слоб. Колонтаева къ Успенской, — крестьянинъ Иванъ Павлюкъ и Николаевской — крестьянинъ Иванъ Власенко; Валковскаго уѣзда къ Покровской слободы Огульцевъ — крестьянинъ Лаврентій Пелешенко; Зміевскаго уѣзда къ Георгіевской села Гуляй-Поля — землевладѣлецъ майоръ Николай Ольденборгеръ; Изюмскаго уѣзда къ Вознесенской слоб. Никифоровки — крестьянинъ Филиппъ Мачуженко, къ Рождество-Богородичной села Щуроваго — крестьянинъ Аврамъ Лявниненко, къ Покровской села Маякъ — крестьянинъ Иванъ Меркуловъ, къ Григорьевской слоб. Новоселовки — крестьянинъ Андрей Землякъ и въ Рождество-Богородичной слоб. Великой-Комышеваха — отставной рядовой Петръ Топчій; Старобѣльскаго уѣзда къ Тихоновской церкви слоб. Вѣлкуракиной — Михаилъ Горохтыло и къ Богородицкой слоб. Кочинной — крестьянинъ Моисей Холошевскій.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Настоятельскія: въ слоб. Ново-Серпуховѣ, Зміевскаго уѣзда при Успенской церкви въ слоб. Рябушкахъ, Лебединскаго уѣзда.

Псаломщическія: въ слоб. Ивановкѣ, Изюмскаго уѣзда и въ сл. Верхней-Писаревкѣ, Волчанскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета поступило: въ октябрѣ мѣсяцѣ — отъ протоіерея Павла Солицева 3 р., отъ священника Андрея Григоренкова 3 р.; въ ноябрѣ: отъ надворнаго совѣтника Георгія Петровича Доронина 3 р., отъ священника Іоанна Ракшевскаго 6 р.; въ декабрѣ: отъ настоятельницы Хорошевскаго женскаго монастыря, игуменіи Евпраксіи 3 руб., отъ казначеи того же монастыря, монахини Геронтіи 3 р., протоіерея Михаила Павлова 3 р., протоіерея Іакова Булгакова 3 руб., отъ священниковъ: Василя Алексѣевскаго 3 р., Николая Матвѣева 3 р., Александра Ветухова 3 р., Матвѣя Мовсеева 3 р., Михаила Сенявина 3 р., Аполлона Станкова 3 р., Василя Мантулина 3 р., Іоанна Ѳедоровскаго 3 р., Александра Ѳедорова 3 руб., Григорія Капустянскаго 3 руб., и д. псаломщика Ивана Павлова 3 р., потомственнаго почетнаго гражданина Петра Сенявина 3 р., и кружечнаго сбора: отъ Хорошевскаго монастыря 5 р. 50 к., отъ Іоанно-Богословской церкви, Харьковской духовной семинаріи 30 р., отъ Куряжскаго монастыря 3 руб., отъ церквей 5 округа Старобѣльскаго уѣзда 24 руб., и отъ Ахтырскаго монастыря 3 руб. Итого поступило 128 р. 50 к. А въ теченіи всего 1883 года поступило 2,432 р. 45 к.

Краткая вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода за послѣднюю треть 1883 г., т. е. съ 1-го сентября 1883 г. по 1-е января 1884 г.

На 1-е января 1884 года состоитъ въ наличности кассы: наличными 9,804 р. 6¹/₂ к., билетами 100 р.

Въ матеріалахъ:

Свѣчей бѣлыхъ, золоченыхъ и желтыхъ въ складахъ и лавкахъ 1,381 п. 18¹/₂ ф. на 29,000 р. 49 к., восковыхъ крестиковъ 17⁷/₈ ф. на 17 р. 87¹/₂ к., воску бѣлаго 3,209 п. 6¹/₄ ф. на 60,973 р. 96³/₄ к., воску желтаго 1185 п. 38¹/₄ ф. на 20694 р. 91¹/₂ к., обвощенныхъ остатковъ 13 п. 20⁵/₈ ф. на 108 р. 12¹/₂ коп., свѣчныхъ огарковъ 39 п. 8³/₈ ф. на 627 р. 35 к., золота для золоченія свѣчей 190 книжекъ на 120 р. 65 к., фитильной бумаги, оберточной бумаги, увязи, этикетовъ и другихъ матеріаловъ на 412 р. 67¹/₂ к., укупорочныхъ деревянныхъ ящичковъ 1,600 шт. на 880 р., керосину, стеариновыхъ свѣчей на 2 р. 66 к., рогожныхъ кулей 2,150 шт. на 196 р. 45 к.

Въ хозяйствѣ завода:

Паровикъ, котлы, трубы, вѣса, обозъ, лошади, сѣно, овесъ, хозяйственные принадлежности завода, въ канцеляріи правленія завода и епархіальныхъ на 4,046 р. 25 к. Въ недвижимости епархіальнаго завода какъ-то: землѣ, лѣсѣ, каменныхъ и другихъ постройкахъ 30,000 р.

Въ долгахъ заводу:

Уѣздные комисіонеры за свѣчи 48,163 р. 60 к., монастыри и харьковскія городскія церкви за отпущенныя свѣчи 7,508 р. 52³/₄ коп., заемъ церквамъ и Харьковскому духовному училищу на окончаніе постройки 7,100 руб., за проданные хозяйственные предметы 11 р. 50 к.—А всего въ деньгахъ и матеріалахъ 222,269 р. 4 к.

Долги епархіальнаго завода:

Займовъ отъ церквей, причтовъ и частныхъ лицъ 25,272 р. 71 коп., процентовъ на нихъ на 1-е января 1884 г. 953 р. 29 коп. Авансоваго взноса отъ церквей за 471 п. 20 ф. свѣчей 12,259 р. А всего заводъ долженъ 38,485 р. А за исключеніемъ означеннаго долга заводъ имѣетъ въ наличности 183,784 р. 4 к.—Кромѣ того изъ прибылей завода выдано на содержаніе Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища за 1882 и 1883 годы 11,671 р.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Слухъ о вступленіи въ монашество московскаго протоіеря Д. Г. Богоявленскаго.—Празднованіе 75-й годовщины С.-Петербургской духовной академіи.—1000-лѣтіе памяти Св Кирилла, просвѣтителя славянъ.—50-лѣтній юбилей епископства преосвященнаго Антонія Зубко. — Письмо его о воссоединеніи униатовъ. — Миссіонерская дѣятельность Андреевскаго братства на Кавказѣ — Новое братство. — Присоединенія изъ раскола къ православной Церкви.—Представленіе о пересмотрѣ законоположеній о ересьхъ и расколахъ. — Школа учительницъ церковнаго пѣнія.— Миргородское общество любителей церковнаго пѣнія.— Заботы объ обезпеченіи надлежащаго успѣха въ церковно-славянскомъ чтеніи и пониманіи читаемаго учащимися. — Соизволеніе на принятіе подъ Высочайшее покровительство Харьковскаго Благотворительнаго Общества. — Книги, поднесенныя въ истекшемъ году Его Императорскому Величеству.—Оумма пожертвованій на сооруженіе памятника въ Бозѣ почившему Императору. — По поводу 19-го февраля. — Пожаръ въ Святыхъ Горахъ. — Расширеніе помѣщенія медицинскаго факультета Харьковскаго университета.—О пошлянѣ на заграничный каменный уголь.—Руководство въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми.—Мѣры противъ эпизоотіи.—Проектъ правилъ объ отвѣтственности хозяевъ аптекъ.—Цілейный вопросъ.—Извѣстіе о судьбѣ проекта Кохановской комиссіи.—Проектъ сліянія почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій.—Вопросъ о заселеніи окраинъ нашихъ владѣній въ Азіи.—Мервь.—Благородный поступокъ крестьянина.—Суевѣріе.—Модное воспитаніе.—Разнаго рода религіозность.—Естествовѣденіе и христіанство.

— Въ „Моск. Вѣдом.“ сообщается о поступленіи въ монашество настоятеля Екатерининской, при Матросской богадѣльнѣ, церкви, протоіеря Д. Г. Богоявленскаго и выражается по этому поводу радость, такъ какъ наше монашество пріобрѣтаетъ въ немъ одного изъ полезныхъ дѣятелей. Прот. Богоявленскій первый положилъ въ Москвѣ начало религіознымъ собесѣдованіямъ съ народомъ; онъ же въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ доказывалъ на опытѣ возможность примѣненія у насъ общенароднаго церковнаго пѣнія, съ участіемъ всѣхъ молящихся.

— 17 февраля исполнилось 75 лѣтъ существованія С.-Петербургской духовной академіи и обычный академическій актъ принялъ поэтому видъ юбилейнаго празднества, отличавшагося особенно торжественностью. Наканунѣ въ академической церкви отслужена была ректоромъ академіи, преосвященнымъ епископомъ ладожскимъ, Арсеніемъ, панихида по умершимъ членамъ академіи и по всѣмъ лицамъ, извѣстнымъ своею дѣятельностію на пользу академіи, со дня ея основанія. Въ концѣ перваго часа пополудни обширный актовъ залъ академіи былъ переполненъ публикою, состоявшею преимущественно изъ теперешнихъ и бывшихъ студентовъ академіи; не мало было свѣтскихъ лицъ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: высокопреосвященные митрополиты—кіевскій Платонъ и московскій Іоанникій, архіепископы: тверской Сав-

ва и ярославскій Іоаннъ; епископъ Выборгскій Сергій, протопресвиторъ Г. Л. Янышевъ, редакторъ „Православнаго Обозрѣнія“, московскій протоіерей П. А. Преображенскій, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой, ректоръ университета И. Е. Андреевскій, начальникъ женскихъ гимназій И. Т. Осининъ и др. Ровно въ 1 часъ въ залъ вошелъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, бывшій студентъ академіи (VI курса), вмѣстѣ съ ректоромъ академіи, и актъ открылся пѣніемъ студентами молитвы „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра.“. Затѣмъ профессоръ Н. И. Барсовъ прочелъ отчетъ о состояніи и дѣятельности академіи за 1883 годъ. Въ отчетѣ прежде всего было упомянуто о понесенной академіею утратѣ въ лицѣ почетныхъ членовъ: архіепископа Евгенія, епископа Хрисанеа, протопресвитора В. Б. Бажанова и М. И. Богословскаго, скончавшихся въ минувшемъ отчетномъ году. Отчетъ заключился слѣдующими словами: „Празднуя сегодня 75-лѣтіе со дня своего основанія и 15-лѣтіе со времени введенія новаго устава и готовясь вступить въ новый періодъ своего существованія, по новому уже Высочайше утвержденному уставу, академія можетъ сказать, что она и на будущее время пойдетъ по тому же пути служенія Церкви и высшей духовной наукѣ, каково она держалась и въ предыдущіе періоды своего существованія“. По прочтеніи отчета хоръ студентовъ исполнилъ гимнъ „Боже Царя храни“, послѣ чего профессоръ И. С. Якимовъ прочиталъ рѣчь объ ассирійскихъ памятникахъ и ихъ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ историческимъ книгамъ. Въ ней показано было значеніе открытыхъ въ сороковыхъ годахъ клинообразныхъ надписей на мѣстѣ древней Ниневіи для уясненія текста библіи и ветхозавѣтной исторіи еврейскаго народа. Торжество закончилось молитвою „Достойно есть...“.

— 14 февраля, въ день тысячелѣтней памяти св. Кирилла, въ большой залѣ думы состоялось подъ предсѣдательствомъ митрополита московскаго торжественное годичное собраніе Славянскаго благотворительнаго общества; по прочтеніи отчета митрополитъ московскій произнесъ прочувствованную пастырскую рѣчь, въ которой приглашалъ присутствующихъ и вообще русскихъ людей благотворить угнетеннымъ славянскимъ народностямъ. Результатомъ его рѣчи была весьма успѣшная подписка въ пользу галиційскихъ семействъ, находящихся въ несчастіи. Торжество завершилось духовной кантатой.

— По поводу этого достопамятнаго для славянъ дня „Кіевлянинъ“ говоритъ: „день 14 февраля—праздникъ не только церковный, но

и народный, притомъ всеславянскій. Имена солунскихъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія—незабвенны въ исторіи славянскаго міра. Огромныя заслуги, оказанныя ими болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ дѣлу основанія и перваго развитія славянскаго просвѣщенія, по истинѣ принадлежатъ къ тѣмъ великимъ міровымъ событіямъ, память о которыхъ остается жить на вѣки вѣчныя въ сознаніи народовъ“.

Поставивъ далѣе такого рода вопросъ: „Всегда-ли мы, русскіе, памятуемъ должнымъ образомъ объ этихъ заслугахъ солунскихъ братьевъ?“—„Кіевлянинъ“ отвѣчаетъ на него отрицательно и усиливаетъ упрекъ „русскимъ“ тѣмъ, что западные и южные славяне оказываются гораздо отзывчивѣе насъ къ памяти о великихъ просвѣтителяхъ славянства: „Какъ у католиковъ—чеховъ, моравовъ, словинцевъ, хорватовъ, такъ и у православныхъ—сербовъ и болгаръ, 14 февраля и 11 мая свято блюдутся какъ дни праздничныя, посвященные воспоминаніямъ о славныхъ дѣяніяхъ славянскихъ первоучителей“. Въ заключеніи кіевская газета высказываетъ слѣдующее пожеланіе: „5 апрѣля 1885 года истекаетъ тысячелѣтіе кончины св. Меѳодія. Въ западномъ католическомъ мірѣ, который въ лицѣ папства, какъ извѣстно, въ недавнее время измѣнилъ свое отношеніе къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, дѣлаются обширныя приготовленія къ торжественному празднованію этого дня. Православному славянству, конечно, не слѣдуетъ отставать отъ католическаго и Россіи, какъ представительницѣ православія, очевидно, должна принадлежать главная роль въ устройствѣ достоюжнаго чествованія славянскихъ первоучителей“.

— 4 февраля праздновался 50-лѣтній юбилей епископства въ архіерейскомъ санѣ преосвященнаго Антонія Зубко. Въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи многихъ членовъ Славянскаго благотворительнаго общества и другихъ лицъ, настоятелемъ собора отслужено благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія юбиляру. Юбиляръ—87-лѣтій старецъ, проживающій нынѣ въ Пожайскомъ монастырѣ, близъ Ковно, удостоился Высочайшаго рескрипта, грамоты Св. Синода и сердечнаго привѣтствія со стороны православнаго русскаго общества. Славянское благотворительное общество составило ему адресъ и отправило телеграмму; избранное общество, присутствовавшее на обѣдѣ высокаго именинника митрополита Исидора, съ удовольствіемъ встрѣтило провозглащенный тостъ за здоровье юбиляра и отправило телеграмму слѣдующаго содержанія: „присутствующіе за трапезою у высокопреосвященнѣй-

шаго именинника митрополита Исидора шлютъ вашему высокопреосвященству искреннія пожеланія душевнаго мира и добраго здравія, и вспоминаютъ о многоплодныхъ трудахъ вашихъ, посвященныхъ воссоединенію униатовъ съ святою Церковью и возрожденію Западно-русскаго края“.

Въ „Моск. Вѣд.“ появилось замѣчательное письмо этого архіепископа. Письмо это, написанное подъ диктовку высокопреосвященнаго Антовія, но за его подписью, и адресованное одному изъ его друзей, справедливо признано имѣющимъ историческое значеніе. Въ немъ о воссоединеніи униатовъ высказано слѣдующее мнѣніе сотрудника митрополита Іосифа Сѣмашки:

„Теперь какъ-бы изъ загробной жизни повѣдаю вамъ тайну
Ни митрополитъ Іосифъ, ни я и никто другой, какъ только Богъ, послалъ ангела мирна, вѣрна наставника, въ лицѣ Императора Николая I: онъ былъ главный виновникъ воссоединенія униатовъ въ лоно православной Церкви. Уніаты чувствовали любовь и довѣріе къ помазанникамъ Божиимъ и къ матери православной Церкви; но подъ гнетомъ латинизма одичали, огрубѣли, потеряли сознаніе личнаго достоинства и до такой степени считали себя недостойными, что даже не мечтали, дабы о нихъ вспоминали, и не ожидали милости царской и сердечности православной Церкви. Все въ нихъ съ нѣжнаго возраста было заковано въ грубыя понятія и закрыто темною завѣсой самовластия папизма. Но когда помазанникъ Божій открылъ свое любящее сердце и принялъ на свою богатырскую грудь почти дикихъ, и сказалъ, что мы его званныя дорогія дѣти и близки его сердцу, закрѣпивъ свою рѣчь яснымъ орлинымъ взглядомъ и нѣжною улыбкой добраго отца, въ одну минуту мы возродились: завѣса клеветы, обмана и интриги спала съ нашихъ глазъ; его взглядъ освѣтилъ насъ, а сердце, давно уже наболѣвшее отъ нашей нерѣшительности, поняло эту любящую отеческую улыбку, почувало счастливую минуту, и всѣ мы, согрѣтые царскимъ словомъ, бросились къ нему съ довѣріемъ и любовью, а мать православная Церковь, которую намъ съ малыхъ лѣтъ представляли какою-то строгою, неумолимою, карающею, приняла насъ любовно: ни одного упрека, ни намека на наше заблужденіе... Все это передали мы нашимъ братьямъ, и дѣло воссоединенія униатовъ совершилось собственно по вдохновенію Божію и заботами Николая I.

Причемъ же я тутъ!!!“

— Въ отчетѣ Ставропольскаго (на Кавказѣ) Андреевскаго братства за истекшій годъ приведено нѣсколько примѣровъ миссіонер-

ской дѣятельности членовъ братства, свидѣтельствующихъ, что борьба съ раскольниками не всегда бываетъ безопасной для личности православныхъ дѣятелей. Одинъ молодой священникъ (о. Архангельскій) горячо принялся за просвѣщеніе старообрядцевъ и молочанъ своего прихода и достигъ того, что около десяти человекъ расположилъ къ православію. Вожаки раскола и молочанства отнеслись къ его дѣятельности крайне недружелюбно, на публичныхъ бесѣдахъ производили буйства и стали угрожать ему явными насиліями, такъ что небезопасно было выходить изъ дому. Священникъ принужденъ былъ, наконецъ, просить епархіальное начальство о переводѣ его на другой приходъ, что и было исполнено. Въ томъ же отчетѣ читаемъ интересное свѣдѣніе о постановкѣ, какая сообщена въ Кавказской епархіи внѣ-богослужебнымъ собесѣдованіямъ. Въ отчетѣ читаемъ: изъ донесеній священниковъ, ведущихъ праздничныя внѣ-богослужебныя собесѣдованія, видно, что уже опредѣлились значеніе и цѣли, какія могутъ быть достигнуты этимъ путемъ, именно: просвѣщеніе народа истинами православной религіи, нравственное воспитаніе народа чрезъ уясненіе христіанскихъ нравственныхъ обязанностей и чрезъ отвлеченіе отъ празднаго бездѣлья и разгула, церковно-эстетическое воспитаніе и облагороживаніе чувствъ народа чрезъ обученіе прихожанъ пѣнію церковныхъ пѣсней съ ихъ высокохудожественными и умилительными напѣвами и, наконецъ, ослабленіе и искорененіе суевѣрій и старообрядческихъ и иныхъ сектантскихъ заблужденій. Широкая и свѣтлая перспектива открывается для дѣятельности православнаго духовенства. Можно отмѣтить съ удовольствіемъ еще тотъ фактъ, что нѣкоторые священники въ связи съ внѣ-богослужебными собесѣдованіями открываютъ новыя средства для христіанскаго просвѣщенія и воспитанія своихъ прихожанъ: такъ, достопочтенный о. Сахаровъ настоятель, чтобы взрослые и родители, приходящіе на его собесѣдованія, приводили съ собою и дѣтей, которыхъ онъ на глазахъ ихъ родителей учитъ, какъ нужно молиться, и обучаетъ краткимъ молитвамъ; а священникъ станицы Прохладной о. Григорій Рудневъ завелъ вечернія занятія съ учениками, кончившими курсъ станичной школы, повторяя съ ними и пополняя свѣдѣнія изъ закона Божія, а школьный учитель—свѣдѣнія изъ свѣтскихъ предметовъ; также нѣкоторые священники даютъ книги Св. Писанія и разнаго религіозно-нравственнаго содержанія для чтенія грамотными прихожанами на дому. Все это — отрадные факты.

— Утвержденъ уставъ С.-Петербургскаго православнаго брат-

ства во имя Пресвятыя Богородицы, на который нельзя не обратить вниманія. Братство это имѣеть цѣлью распространеніе грамотности и рѣлигіозно-нравственнаго просвѣщенія въ предѣлахъ Петербургской епархіи. Черезъ разнообразныя и дѣятельныя сношенія съ разными властями, свѣтскими и духовными, братство будетъ заботиться о повсемѣстномъ распространеніи церковно-приходскихъ школъ, внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій пастырей съ народомъ, устройствѣ церковныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ, развитіи церковнаго пѣнія. Средства братства состояются изъ добровольныхъ приношеній лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ братства. Никакихъ обязательныхъ взносовъ не полагается. Братчикъ принимаетъ на себя только нравственное обязательство содѣйствовать осуществленію цѣлей братства. Для пріобрѣтенія денежныхъ средствъ совершенно не дозволяются искусственнымъ мѣры, какъ то: балы, концерты, литературныя чтенія и проч. Во главѣ братства стоитъ его совѣтъ, какъ и въ большинствѣ благотворительныхъ обществъ. Братство это имѣеть за себя всѣ симпатіи. Оно вправѣ рассчитывать на важные результаты, если только въ самомъ началѣ своей дѣятельности поведетъ дѣло правильно. Въ такомъ дѣлѣ, при общей твердой и неуклонной дѣятельности совѣта, необходимо довѣріе и разсредоточеніе дѣятельности по приходамъ и отдѣльнымъ районамъ. Нужно, чтобы отдѣленія этого братства образовались въ уѣздахъ и все слушало одной центральной воли, которая, какъ надо думать, несомнѣнно направитъ все ко благу русской народности и православія, ибо въ нихъ корень нашей силы и могущества. („Свѣтъ“).

— Въ Калужскомъ кафедральномъ соборѣ 22 января 1884 года присоединенъ изъ раскола къ православной Церкви бывшій лже-діаконъ секты раскольниковъ-окружниковъ, поставленный въ сей чинъ самимъ лже-архіепископомъ московскимъ Антоніемъ ШUTO-вымъ къ модельнѣ на фабрикѣ Богородско-Глуховской мануфактуры, Боровскій мѣщанинъ Михаилъ Кондратьевъ Чичкинъ. Это присоединеніе Чичкина—небывалое торжество для Калужской церкви; ибо хотя трудами противораскольнической миссіи, учрежденной въ Калугѣ и Боровскѣ, не мало уже обращено раскольниковъ къ православной Церкви, но то было обращеніе лицъ простаго званія. Обращеніе же Чичкина есть первое обращеніе изъ членовъ раскольнической лже-іерархіи, совершенное трудами еще недавно учрежденной противораскольнической въ г. Боровскѣ миссіи. Присоединеніе новообращеннаго лже-діакона Чичкина къ православной Церк-

ви, по чиноположенію, чрезъ таинство муропомазанія, совершенно было предъ позднею литургіею ключаремъ собора священникомъ Васи́лемъ Смирновымъ, а причастіе святыхъ Христовыхъ Таинъ благоизволилъ преподавать новоприсоединенному Чичкину на поздней литургіи въ соборѣ самъ учредитель Боровской противораскольнической миссіи и главный двигатель миссіонерскаго дѣла въ Калужской епархіи преосвященный Владиміръ, епископъ Калужскій и Боровскій; при чемъ Чичкинъ въ слухъ и раздѣльно произносилъ за преосвященнымъ положенную молитву предъ причащеніемъ. По показанію присоединеннаго, данному въ консисторіи, Чичкинъ родился и воспитанъ въ расколѣ поповщинской секты окружниковъ. Съ малыхъ лѣтъ любилъ церковную службу, становился на клиросѣ, читалъ и пѣлъ въ старообрядческой моленной въ Боровскѣ. Лѣтъ 8 назадъ ѣздилъ въ Бѣлую Кривицу и тамъ прожилъ 1½ года, исправляя должность псаломщика въ тамошнемъ монастырѣ. По возвращеніи изъ Бѣлой Кривицы на родину въ Боровскѣ былъ избранъ Боровскимъ старообрядческимъ попомъ Θεодоромъ (нынѣшнимъ Боровскимъ лже-епископомъ Θεодосіемъ) на должность уставщика при его домово́й моленной. А въ 1880 году лже-архіепископомъ Антоніемъ Шутовымъ посвященъ въ діакона къ часовнѣ на фабрику Богородско-Глуховской мануфактуры. Бывая въ Москвѣ, онъ ходилъ на собесѣдованія съ раскольниками, производимыя преосвященнымъ Мисаиломъ, еп. Можайскимъ. Эти собесѣдованія заронили въ немъ первыя сѣмена сомнѣнія въ истинности того вѣрованія, котораго доселѣ держался онъ со всею ревностію. Услышавъ объ открывшихся собесѣдованіяхъ на родинѣ своей—въ Боровскѣ, онъ нарочито прибылъ сюда, присутствовалъ на собесѣдованіяхъ, познакомился съ тамошними миссіонерами, особенно съ о. Жаровымъ, и изъ публичныхъ и частныхъ бесѣдъ о предметахъ разногласія старообрядцевъ съ православными вынесъ глубокое убѣжденіе въ правотѣ, непогрѣшимости и вѣчности Церкви Греко-Россійской и съ другой стороны въ незаконности священства австрійскаго. Посему не желая болѣе оставаться въ пагубномъ заблужденіи раскола, рѣшился немедленно присоединиться къ православной Церкви и 18 января, явившись въ Калугу, лично о семъ заявилъ преосвященному.

— Въ „Донск. Еп. Вѣд.“ сообщается о замѣчательномъ фактѣ обращенія (6 ноября 1883 г.) цѣлаго раскольническаго причта въ православіе: лжеіерея австрійскаго священства Саввы Спиглазова съ семействомъ и уставщика Павла Цанова также съ семействомъ.

Какъ Савва, такъ и его псаломщикъ не довольствовались тѣмъ, что спокойно сидѣли на своихъ теплыхъ мѣстахъ, а усердно занимались чтеніемъ разныхъ сочиненій по спорнымъ вопросамъ, и дѣло начало уясняться для нихъ далеко не въ пользу раскола. Окончательному же убѣжденію ихъ въ несостоятельности своихъ возрѣній помогли, какъ кажется, происходящія время отъ времени въ станицѣ бесѣды съ раскольниками приходскаго священника о. Макарова, при участіи пріѣзжающихъ иногда единовѣрческихъ священниковъ. На этихъ бесѣдахъ Савва не разъ показывалъ свое искусство въ дѣлѣ защиты раскольническаго священства; но по мѣрѣ развитія въ немъ сомнѣній на счетъ законности этого священства, защита становилась менѣе горяча и искренняя; наконецъ, на одной бесѣдѣ онъ заявилъ своимъ приверженцамъ, что не въ силахъ опровергнуть доказательства, приводимыхъ со стороны православныхъ противъ законности австрійскаго священства, и что, по совѣсти, онъ не можетъ не согласиться съ своими противниками. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по станицѣ. Раскольники по этому случаю собрали общее собраніе и на этомъ собраніи пришли къ тому заключенію, что виною такого страннаго для нихъ явленія служатъ, съ одной стороны, страсть бывшаго ихъ священника и псаломщика къ чтенію книгъ, съ другой,—частныя, близкія сношенія ихъ съ православными вообще; а потому разъ навсегда порѣшили—на будущее время не избирать себѣ во священника чловѣка книжнаго, свѣдущаго въ писаніи, иначе онъ уйдетъ въ православную Церковь.

— Въ виду изданія закона 3 мая 1883 года, предоставляющаго раскольникамъ разныя льготы по отправленію богослужебныхъ требъ и гражданскія права, кодификаціоннымъ комитетомъ, по свѣдѣніямъ „Москов. Вѣд.“, внесено въ государственный совѣтъ представленіе о настоятельности пересмотра отдѣленія о ересьхъ и расколахъ и отмѣны цѣлаго ряда статей, касающихся раскольниковъ въ нашемъ Уложеніи о наказаніяхъ.

— Въ Москвѣ возникла мысль учредить при одномъ женскомъ учебномъ заведеніи особую школу учительницъ церковнаго пѣнія. По проекту устава этой школы, въ нее предполагается принимать преимущественно дочерей сельскихъ священниковъ, владѣющихъ голосовыми средствами и музыкальными способностями. Обученіе въ этой школѣ будетъ безплатное и потому отъ правительства испрашивается на сей предметъ пособіе въ размѣрѣ 200 р. въ годъ на каждую ученицу. „Новости“ слышали, что проектъ этотъ ми-

нистерствомъ народнаго просвѣщенія встрѣченъ весьма сочувственно. Что же касается до гарантіи въ томъ, что предполагаемая николюю цѣль дѣйствительно будетъ достигнута, то министерство считаетъ необходимымъ, чтобы выпускаемыя изъ школы учительницы церковнаго пѣнія, предварительно полученія диплома на это званіе, подвергались въ своихъ познаніяхъ испытанію или въ Московской консерваторіи, или въ Московскомъ обществѣ любителей церковнаго пѣнія. Въ такомъ смыслѣ предложено учредительницѣ школы измѣнить проектированный ею уставъ новаго учебнаго заведенія.

Одновременно съ тѣмъ утверждаются въ епархіяхъ общества для содѣйствія развитію церковнаго пѣнія. Таково Миргородское общество любителей церковнаго пѣнія. Изъ напечатаннаго въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ устава видно, что цѣль общества: а) развивать существующую въ жителяхъ г. Миргорода склонность къ хоровому церковному пѣнію, б) доставлять духовное утѣшеніе прихожанамъ въ праздничные и воскресные дни посредствомъ стройнаго исполненія въ церкви церковныхъ пѣснопѣній. Въ уставѣ сдѣлано примѣчаніе, что общество, если найдетъ къ тому средства, можетъ распространить дѣятельность и на весь Миргородскій уѣздъ, причемъ сельскіе благочинные вступаютъ въ общество несмѣняемыми членами пѣвческаго комитета.

— Изъ полученныхъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣній видно, что ученики нѣкоторыхъ изъ двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ сего министерства обнаруживаютъ слабыя успѣхи въ церковно-славянскомъ чтеніи, а именно: дѣти прошедшія курсъ 1-го класса, плохо разбираютъ славянскую книгу, дѣлая ошибки въ буквахъ и удареніяхъ. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія нашелъ, что, при преподаваніи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ, слѣдуетъ имѣть въ виду двѣ цѣли: а) бѣглое и правильное чтеніе церковно-славянской грамоты и б) нѣкоторое знаніе церковно-славянской грамматики. Нынѣ министръ народнаго просвѣщенія, по словамъ „Русск. Кур.“, проситъ попечителей учебныхъ округовъ подвергнуть вообще вопросъ о мѣрахъ обезпеченія надлежащаго успѣха въ церковно-славянскомъ чтеніи и пониманіи читаемаго учащимися въ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, а равно и вообще въ начальныхъ городскихъ училищахъ; обсужденію состоящихъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ совѣтовъ.

— Государыня Императрица, согласно ходатайству Харьковскаго Благотворительнаго Общества, Высочайше соизволила на принятіе означеннаго общества подъ свое высокое покровительство. По всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, 2 февраля на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе Государя Императора.

— Въ истекшемъ году имѣли счастье поднести, чрезъ оберъ-прокурора св. Синода, Его Императорскому Величеству: 1) родственики покойнаго митрополита московскаго Филарета—IV томъ издаваемыхъ „Словъ и рѣчей“ его; 2) преосвященный Савва, архіепископъ тверской — изданный имъ „Указатель московской патріаршей ризницы“; 3) предсѣдатель С.-Петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета, преосвященный ладожскій епископъ Арсеній — изданные этимъ комитетомъ семь томовъ „Историко-статистическаго описанія С.-Петербургской епархіи“; 4) настоятель православной придворной церкви въ Штутгартѣ, священникъ Сергѣй Любимовъ — составленную имъ на нѣмецкомъ языкѣ книгу „Die Krönung der Zaren in Moskau“; 5) членъ археологической комиссіи, коллежскій ассесоръ Гильдебрандъ — экземпляръ 3-й и 4-й книгъ „Справочнаго словаря и объяснительнаго словаря къ Новому Завѣту“; 6) Иванъ Барсуковъ — составленное имъ сочиненіе: „Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій“, и 7) коммерціи совѣтникъ Николай Найденовъ — альбомы съ изданными имъ видами московскихъ соборовъ, монастырей и церквей. Государь Императоръ, удостоивъ принять означенныя книги, Высочайше повелѣтъ изволилъ: за поднесеніе оныхъ благодарить вышеупомянутыхъ лицъ.

— Предсѣдатель Высочайше учрежденнаго комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника въ Возѣ почившему Императору Александру II, московскій ген.-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что на сооруженіе памятника въ Высочайше учрежденный комитетъ поступило по 15 сего февраля пожертвованныхъ суммъ съ процентами на оныя 1.036,782 р. 58 к.

— Московскія газеты посвящаютъ прочувствованныя статьи двадцати-трехъ-лѣтней годовщинѣ дня 19 февраля, съ которымъ, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, „навсегда будутъ соединены самыя свѣтлыя воспоминанія, изъ рода въ родъ будетъ передаваться обычай чествовать его, какъ день обновленія Русской земли. Въ этотъ памятный день, двадцать три года тому назадъ, сбылось завѣтное желаніе лучшихъ русскихъ людей — увидѣть „народъ неугнетенный и рабство, падшее по манію Царя“; въ этотъ день „надъ отечествомъ свободы просвѣщенной возшла прекрасная заря“.

Весьма кстати привести здѣсь изъ „Русской Старины“ нѣсколько образцовъ объявленій, печатавшихся въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1799 годъ и рисующихъ мрачную картину крѣпостнаго права:— „Нуженъ къ надзиранію надъ дѣтьми отъ 8 до 15 лѣтъ французъ, который-бы хорошо умѣлъ читать и писать по французски. Большихъ свѣдѣній отъ него не требуется, а только, чтобы былъ благонравенъ и хорошаго свойства. — Продается за излишествомъ добраго поведенія дѣвка, 18 лѣтъ, умѣющая шить и вязать и которая способна на всякую домашнюю бѣлую и черную работу. — Продастся плотникъ молодыхъ лѣтъ и большаго росту, съ женою, сыномъ и дочерью. Московск. части подъ № 147. Тутъ-же продаются англійскіе часы“.

— День заговѣнья не прошелъ благополучно для Святыхъ Горь. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ произошелъ пожаръ. Загорѣлся трехъ-этажный корпусъ, въ которомъ помѣщалась преимущественно старшая братія. По словамъ нѣкоторыхъ монаховъ, огонь первоначально показался изъ келіи фотографа-монаха и затѣмъ быстро распространился по всему корпусу. Благодаря тому, что пожаръ произошелъ ночью, борьба съ грознымъ пламенемъ производилась мало-успѣшно: происходили крикъ, сутолока, полнѣйшій безпорядокъ; одинъ монахъ провалился на крышѣ и еще неизвѣстно спасли его, или нѣтъ. Въ монастырѣ оказалась только одна труба, за пожарными инструментами послали въ Маяки (разстояніе — 10 верстъ) и въ Славянскъ (20 верстъ); но до-сихъ-поръ (13 февр.) эти инструменты не прибыли, а огонь со страшной силой продолжаетъ свое разрушительное дѣйствіе и нѣтъ надежды, что оны скоро прекратится — корпусъ очень большой и верхній этажъ его весь деревянный. Положительно слѣдуетъ поставить въ упрекъ такому богатому монастырю, что у него нѣтъ или почти нѣтъ средствъ бороться съ бѣдою, такъ неурочно нагрянувшей на насъ и могущей окончиться весьма печально. („Хар. Губ. Вѣд.“)

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія существуетъ предложеніе расширить помѣщенія медицинскаго факультета Харьковскаго университета путемъ приспособленія для этой цѣли выстроеннаго коммерціи совѣтникомъ Харитоненко дома для общежитія студентовъ. Г. Харитоненко изъявилъ готовность пожертвовать на тотъ-же предметъ еще 50 тыс. руб., но съ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство, принявъ отъ него весь этотъ даръ, т. е. домъ и 50 тыс. руб., обезпечило ежегодный отпускъ 6 тыс. руб. на 20 стипендій при Харьковскомъ университетѣ имени г. Харитоненко. Этотъ

способъ расширенія помѣщеній Харьковскаго университета признанъ вполне удобнымъ, тѣмъ болѣе, что это можетъ быть приведено въ исполненіе въ сравнительно непродолжительное время. Что же касается самаго приспособленія дома общежитія для медицинскаго факультета, устройства анатомическаго театра и утилизаціи, имѣющихъ освободиться въ зданіи университета помѣщеній, то на этотъ предметъ нужна сумма въ 50 тыс. руб. сверхъ жертвуемой г. Харитоненко, которая, какъ „С.-П. Вѣд.“ сообщаютъ, будетъ испрашена въ законодательномъ порядкѣ чрезъ государственный совѣтъ.

— Наложеніе пошлины на каменный уголь, ввозимый изъ-за границы, интересуетъ, конечно, весь Югъ, въ особенности Донецкій бассейнъ. Полагаемъ, поэтому, что будутъ не безынтересны свѣдѣнія столичныхъ газетъ о томъ, какъ дебатировался этотъ вопросъ въ тарифной комиссіи, засѣдающей теперь въ Петербургѣ. 2-го февраля комиссія эта имѣла засѣданіе подъ предсѣдательствомъ директора департамента мануфактуръ и торговли, тайнаго совѣтника Ермакова. Рѣчь шла, главнымъ образомъ, объ углѣ, предназначаемомъ для Петербурга и Балтійскаго побережья. Петербургское биржевое купечество и заводчики отстаивали беспошлинный ввозъ, утверждая, что 2½ коп. съ пуда составитъ тяжелый налогъ. Представители-же донецкаго угля, отъ которыхъ преимущественно выступилъ горный инженеръ Авдаковъ, доказывали противное. По ихъ мнѣнію, донецкій уголь только и можетъ конкурировать въ Москвѣ съ привознымъ англійскимъ углемъ, подъ условіемъ обложенія послѣдняго соотвѣтственною пошлиной. Въ настоящее время Москва потребляетъ болѣе 10 милліоновъ пудовъ англійскаго угля, причемъ поцвозъ этого угля производится лишь въ лѣтнее время. Между тѣмъ, какъ объяснили представители донецкой каменноугольной промышленности, при установленіи пошлины на привозный заграничный уголь, представится возможность снабжать круглый годъ Москву изъ Донецкаго района минеральнымъ топливомъ, по цѣнѣ болѣе доступной, нежели вѣщія, и чуждой сколько-нибудь значительныхъ колебаній. Послѣ продолжительныхъ и довольно оживленныхъ преній, сторонники установленія пошлины восторжествовали. Общее собраніе тарифной комиссіи, значительнымъ большинствомъ, рѣшило въ принципѣ обложить заграничный уголь, вдоль всей западной границы, въ размѣръ 2½ коп. съ пуда, а по черноморской границѣ по 3 коп. Большинство экспертовъ, созданныхъ въ числѣ 83 человекъ, повидимому, склонились къ этому по-

слѣднему размѣру пошлины, несмотря на сильный протестъ Одесскаго биржеваго комитета. („Юж. Кр.“).

— Министерство государственныхъ имуществъ, заваленное теперь просьбами изъ провинціи о доставленіи сельскимъ хозяевамъ свѣдѣній на счетъ мѣръ, которыя должны быть приняты предстоющею весною противъ вредныхъ насѣкомыхъ, желая удовлетворить эти просьбы возможно скорѣе, отпечатало особую брошюру, въ которой подробно изложены всѣ приемы для руководства въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми, и разсылаетъ ее въ непродолжительномъ времени всѣмъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, съ цѣлью раздачи ея сельскимъ хозяевамъ.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ слѣдующее мѣропріятіе съ цѣлью пресѣченія чумной эпизоотіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ средней полосы Россіи. Какъ извѣстно, эта эпизоотія, столь гибельно отражающаяся на сельскомъ хозяйствѣ, часто заносится въ предѣлы означенныхъ губерній гуртами при слѣдованіи ихъ по грунтовымъ трактамъ, идущимъ параллельно курско-харьково-азовской желѣзной дорогѣ; поэтому министерство нашло возможнымъ воспретить прогонъ убойнаго скота по указаннымъ трактамъ, равно какъ и по вѣтвямъ ихъ, и направить этотъ скотъ на желѣзнодорожную станцію „Харьковъ“ для обязательнаго помѣщенія его въ вагоны. Мѣра эта, которая войдетъ въ силу съ 15 числа будущаго марта, проектируется лишь, какъ временная, на три года. При этомъ можемъ добавить, что желѣзная дорога предполагаетъ взимать за провозъ каждой штуки скота по 1¹/₄ к. съ версты.

— Въ виду встрѣчающихся за послѣднее время частныхъ нарушеній содержателями аптекъ и ихъ уполномоченными существующихъ правилъ объ отпускѣ лекарствъ и особенно ядовитыхъ медикаментовъ, въ правительственныхъ сферахъ проектируется установить новыя, болѣе строгія правила объ отвѣтственности хозяевъ аптекъ, ихъ провизоровъ и аптекарскихъ помощниковъ за нарушение правилъ о приготовленіи и отпускѣ лекарствъ изъ аптекъ. На основаніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ, какъ извѣстно, за приготовленіе лекарствъ и лекарственныхъ составовъ не по правиламъ фармацевтики, за составленіе лекарствъ изъ веществъ не соответствующаго качества или вѣса, а равно и за приготовленіе ихъ въ нечистыхъ или вредныхъ здоровью сосудахъ, управляющей аптекой подвергается денежному взысканію: въ первый разъ не свыше десяти, во второй разъ—не свыше двадцати и въ третій разъ—не

свыше ста рублей. По свѣдѣніямъ, полученнымъ „Юж. Кр.“ изъ Петербурга, на будущее время проектируется значительно увеличить размѣръ денежныхъ взысканій за упомянутыя нарушенія, и одновременно подвергать виновнаго тюремному заключенію отъ трехъ дней до трехъ недѣль, если нарушеніе случилось уже во второй или третій разъ.

Независимо отъ этого, съ введеніемъ новаго закона объ аптекаряхъ, предполагается весьма значительно измѣнить нынѣ существующія правила объ отвѣтственности послѣднихъ за отпускъ лекарствъ по рецептамъ лицъ, не имѣющихъ права производить врачебную практику. Въ силу 894 ст. улож. о наказ., управляющіе аптеками за такіе поступки подвергаются лишь: въ первый разъ выговору, во второй разъ—денежному взысканію до 25 руб., а въ третій разъ—штрафу до 50 руб. Взамѣнъ денежныхъ штрафовъ, какъ пишутъ въ „Юж. Кр.“ изъ Петербурга, проектируется установить арестъ, если нарушеніе не повлекло за собой дурныхъ послѣдствій, и лишеніе права управлять аптекой на извѣстное время, если нерадѣніе имѣло послѣдствіемъ причиненіе кому-либо вреда въ здоровьи.

— Закончившее нынѣ свою дѣятельность особое совѣщаніе, учрежденное при министерствѣ финансовъ для пересмотра существующихъ правилъ о питейной торговлѣ, признало пьянство дѣяніемъ, наказуемымъ лишь въ томъ случаѣ, когда оно соединено съ разореніемъ семьи. Совѣщаніе предположило: во 1-хъ, лицъ, предающихся пьянству, сопряженному съ разореніемъ семьи, подвергать опредѣленному наказанію; во 2-хъ, учреждать надъ ними опеки, какъ надъ расточителями и, въ 3-хъ, независимо отъ этого, признано полезнымъ право оглашать имена пьяницъ и воспрещать имъ отпускъ крѣпкихъ напитковъ изъ питейныхъ заведеній. Далѣе совѣщаніе признало необходимымъ: 1) обложить наказаніемъ часто повторяющійся и опасный проступокъ появленія въ публичномъ мѣстѣ лица въ состояніи явнаго опьяненія; 2) обложить наказаниями: лицъ, угощающихъ крѣпкими напитками сельскіе и волостные сходы,—и въ особенности содержателей питейныхъ заведеній, угощающихъ эти сходы для полученія отъ нихъ разрѣшенія на открытіе въ ихъ селахъ питейныхъ заведеній,—лицъ, угощающихъ членовъ волостнаго правленія, ради исполненія послѣдними дѣйствій, касающихся ихъ служебныхъ обязанностей, членовъ сходовъ, а также и лицъ волостнаго управленія, принимавшихъ участіе въ подобныхъ угощеніяхъ должностныхъ лицъ

сельскаго и волостнаго управленія, допустившихъ на сходахъ такого рода безпорядокъ, и, наконецъ, членовъ волостныхъ правлений и судовъ, вымогавшихъ угощеніе отъ лицъ, имѣющихъ дѣла въ правленіяхъ и судахъ.

Наконецъ, комиссія признала необходимымъ обложить наказаніемъ тѣхъ должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія, которыя, по небрежности, невниманію или изъ желанія покровительствовать незаконнымъ проступкамъ виноторговцевъ, зная о какомъ-либо совершающемся или совершившемся въ предѣлахъ ввѣренной ихъ надзору мѣстности. нарушенія правъ о питейной торговлѣ, не приняли мѣръ къ его обнаруженію и прекращенію.

— „Общество охраненія народнаго здравія“ въ Петербургѣ намѣрено ходатайствовать, чтобы проектъ, выработанный комиссіею по питейному вопросу, предварительно разсмотрѣнія его въ государственномъ совѣтѣ, былъ переданъ упомянутому обществу для пересмотра и присовокупленія своихъ замѣчаній съ медицинской и гигиенической точекъ зрѣнія. Намъ кажется это совершенно излишнимъ и могущимъ служить лишь къ затяжкѣ и безъ того затянувшася дѣла.

— „Новое Время“ сообщаетъ очень любопытное извѣстіе, а именно, что проектъ, выработанный Кахановскою комиссіею о реформѣ мѣстныхъ учреждений, подвергнется новому пересмотру при содѣйствіи будто-бы особыхъ экспертовъ—6-ти губернаторовъ и 6-ти предводителей дворянства.

— На разсмотрѣніе государственнаго совѣта поступилъ, какъ „С.-Пет. Вѣдом.“ слышали, выработанный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ о сліяніи почтовыхъ и телеграфныхъ учреждений. Цѣль проектируемаго преобразованія, съ одной стороны—улучшеніе быта чиновниковъ, служащихъ въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствахъ, увеличеніемъ окладовъ изъ суммъ, которыя должны образоваться отъ уменьшенія личнаго состава служащихъ. Съ другой стороны, проектъ имѣетъ въ виду соединеніе почтовыхъ и телеграфныхъ учреждений въ одно вѣдомство, что предполагается производить постепенно, въ продолженіи пяти лѣтъ, и окончить въ 1888 году. Сбереженія же, какія получатся послѣ реформированія, будутъ обращены на улучшеніе самихъ почтово-телеграфныхъ учреждений. Тамъ, предполагается въ обѣихъ столицахъ и въ наиболѣе населенныхъ торговыхъ центрахъ улучшить городскую почту усиленіемъ штата почтальоновъ и устройствомъ такъ называемой „трубной почты“ (Rohr-post), по образцу существующей въ

Берлинѣ. Съ утвержденіемъ проекта, въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ имперіи и царства Польскаго почтовые и телеграфныя конторы будутъ помѣщаться въ одномъ зданіи, что несомнѣнно доставитъ публикѣ большое удобство. Проектируемое главное управленіе почтъ и телеграфовъ будетъ, какъ говорятъ, непосредственно подчинено министерству внутреннихъ дѣлъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и главное тюремное управленіе.

— Вопросъ о заселеніи окраинъ нашихъ владѣній въ Азіи элементомъ чисто русскимъ, осѣдлымъ, неоднократно обращалъ вниманіе русскаго правительства, но до сихъ поръ предпринимавшіяся съ этою цѣлью мѣропріятія носили по преимуществу случайный характеръ; только сравнительно въ послѣднее время, въ виду возникавшихъ недоразумѣній на нашихъ китайскихъ границахъ и командировки туда спеціальныхъ чиновниковъ, съ цѣлью точнаго опредѣленія границы и регулированія нашихъ отношеній къ азіатскимъ сосѣдямъ, вопросъ этотъ вновь выдвинутъ и сталъ очереднымъ; по крайней мѣрѣ, какъ „Рус. Кур.“ сообщаетъ, въ высшихъ административныхъ сферахъ въ принципѣ рѣшено привести въ систему какъ отдѣльныя предпринимавшіяся мѣры съ цѣлью заселенія нашихъ азіатскихъ границъ, такъ и тѣ, которыя имѣютъ быть приняты на будущее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слышно, предстоящею весной, въ видахъ заселенія Приморской области, предполагается направить путемъ, открытымъ прошлымъ лѣтомъ, генераломъ Черняевымъ, до 700 человекъ новобранцевъ и нижнихъ чиновъ, семьи которыхъ пожелали-бы послѣдовать за мужьями для заселенія нашихъ слабонаселенныхъ азіатскихъ окраинъ.

— Присоединеніе Мерва къ русскимъ владѣніямъ не произвело никакого впечатлѣнія на заграничныхъ биржахъ; нашъ кредитный рубль остается въ прежней стоимости. О положеніи Мерва въ настоящемъ и прошломъ находимъ въ „Военномъ Сборникѣ“ такія свѣдѣнія:

Текинцы не аборигены Мервинскаго оазиса; они живутъ тамъ всего только полстолѣтіе. Сто лѣтъ назадъ этотъ оазисъ былъ одною изъ цвѣтущихъ персидскихъ провинцій. Въ 1784 году эмиръ бухарскій Маасумъ, замышляя разграбить Хоросанъ, вступилъ въ Мервъ и послѣ трехъ лѣтъ упорной борьбы занялъ весь оазисъ, опустошилъ его и большую часть жителей вывелъ въ Бухару. Страна опустѣла. Бухарцы, однако, были почти только номинальными владѣльцами оазиса, который въ 1794 году заняло туркменское племя сарыкъ, владѣвшее имъ сорокъ лѣтъ. Въ 1834 году сарыки

были вытѣснены текинскими родами, вышедшими изъ Ахала, съ которыми мервинскіе текинцы не прекращали сношеній до самаго послѣдняго времени. Родовъ этихъ было и осталось четыре: бахши, сышла, бекъ и вакшъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ своего хана, власть и вліяніе котораго на родичей весьма незначительны, вслѣдствіе чего между родами шла непрестанная борьба, сопровождавшаяся грабежами и разбоями. Бухара и Хива, еще въ недавнее время торговавшіе съ Мервомъ, вынуждены были прекратить торговля сношенія именно вслѣдствіе внутреннихъ беспорядковъ и усобицъ между мервинцами. Не помогло бухарцамъ и то, что они держали мервинскихъ заложниковъ, жизнь которыхъ должна была служить обезпеченіемъ цѣлости каравановъ. Эти же внутреннія усобицы привели мервинцевъ и къ русскому подданству. При чемъ Россія приобрѣла 48,000 кибитокъ (до 200,000 человѣкъ) еще такъ недавно крайне враждебнаго ей населенія, и богато одаренный природою край, орошаемый рѣкою Мургабъ, берущою начало на сѣверныхъ склонахъ Парамиза, въ Авганистанѣ. Мургабъ для Мерва тоже, что Нилъ для Египта. Все плодородіе оазиса, съ запада, сѣвера и востока ограниченаго песками, создано этою рѣкою, разводимою по арыкамъ. Число наиболѣе крупныхъ оросительныхъ каналовъ доходитъ до 24. Благодаря обилію воды, въ оазисѣ разведены обширные сады, и пашни даютъ обильные урожаи. Не смотря на это, полагаютъ, что Мервинскій оазисъ становится недостаточнымъ для прокормленія всего его населенія, вслѣдствіе чего текинцы Мерва идутъ вверхъ по Мургабу и переходятъ даже на сосѣднюю рѣку Теджанъ (Гери-Рудъ). Они арендуютъ, сверхъ того, нѣсколько участковъ земли у персидскаго правительства, на сѣверъ отъ персидскаго ханства Келать, платя за это довольно дорого. Виной этому, главнымъ образомъ, внутренняя неурядица. Сто лѣтъ назадъ населеніе оазиса было многочисленнѣе, и все пространство къ югу отъ Мерва, между рѣками Мургабомъ и Теджанъ (Гери-Рудъ), и теперь еще носитъ очевидные слѣды существовавшей прежде культуры. Пески здѣсь разбросаны клочками между участками удобной для воздѣлыванія почвы, и вездѣ видны слѣды каналовъ и значительныхъ поселеній. Текинцы не даромъ говорятъ, что имъ недостаетъ только порядка, чтобъ упрочить свое благоденствіе. Если Бухара и Хива вели торговлю съ Мервомъ, и даже „весьма значительную“, принимая для поддержанія ея мѣры, то значить было съ кѣмъ и чѣмъ торговать, проходя, трудными, маловодными путями по нѣсколькимъ сотъ верстѣ.

Отъ Мерва, какъ отъ центра, расходится много дорогъ по всѣмъ

направленіямъ. На сѣверъ онѣ ведутъ въ Хиву; на сѣверо-востокъ въ Бухару, къ Чарджу и Наразуму на Аму-Дарьѣ; на западъ— въ Ахаль-Теке; на югъ въ Персію и Герать.

Эти пути заслуживаютъ особаго вниманія по своему политическому значенію, особенно ведущій въ Герату, гдѣ дорога держится недалеко отъ рѣки Мургабъ и проходитъ большею частью по мѣстностямъ, довольно густо населеннымъ туркменами.

— „Южн. Краю“ пишутъ изъ Полтавы: „Въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца 1883 г., въ полтавскомъ земельномъ банкѣ продавалось, между прочимъ, имѣніе одной помѣщицы Харьковской губерніи, г-жи Ж. Продаваемое имѣніе было, какъ видно, послѣднимъ ея достояніемъ. Со слезами просила она членовъ правленія пощадить ее и отсрочить хотя на нѣкоторое время продажу имѣнія; члены, посовѣтовавшись между собою, нашли возможнымъ сдѣлать разсрочку обязательнымъ платежамъ, изъ которыхъ одну часть, помнится, 700 руб., предложили ей внести немедленно. Триста рублей она имѣла, а четырехъ сотъ никакъ не могла добыть немедленно. Къ кому она ни обращалась, изъ находившихся тутъ лицъ, какъ ни плакала, прося помочь ей—все было напрасно! Роковая минута уже висѣла надъ нею. Но вотъ изъ толпы посѣтителей выдѣляется мужчина среднихъ лѣтъ, съ черною съ просѣдью бородою, прилично одѣтый, подходитъ къ г-жѣ Ж. и предлагаетъ ей недостающую сумму денегъ.... Только кисть великаго художника могла бы нарисовать картину восторга и въ то же время недовѣрїи несчастной къ неожиданно свалившемуся на нее счастью.... Она спрашиваетъ незнакомца: что она должна дать ему за это? Какой документъ и проч.? „Ничего“, совершенно спокойно отвѣтилъ тотъ. Онъ назвалъ себя при этомъ крестьяниномъ Богодуховскаго уѣзда—Лукьянченко, присовокупивъ, что когда будутъ у нея деньги и она въ состояніи будетъ отдать ихъ ему, то выслала бы ихъ по указанному адресу....

Предоставляю самому читателю судить объ ощущеніи, испытанномъ присутствующими.

Нѣтъ сомнѣнія, что внутренній міръ души Лукьянченко и ему подобныхъ вовсе не нуждается въ похвалахъ.... Тенлыя дѣянїя являются потребностью и необходимою духовною пищею подобныхъ ему существъ. Пишу же я эти строки по одному уже тому, что оглашеніе въ печати подобныхъ поступковъ имѣетъ, по моему мнѣнію, громадное воспитательное значеніе, въ особенности въ настоящее время, когда только и слышешь, что о дурныхъ поступкахъ“.

— Въ числѣ разнаго рода суевѣрій, существующихъ въ простомъ народѣ, важное мѣсто занимаетъ вѣра въ домового, вліяніе котораго простирается на все хозяйство, и особенно на скоть. Не влюбить домовою скотину, напр. лошадь, — онъ измучить и совсѣмъ изведетъ ее. Въ виду этого столь распространеннаго суевѣрія въ народѣ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые относящіеся сюда факты, заимствованные нами изъ одной газеты. Газетѣ сообщены они корреспондентомъ изъ села Большой-Рогозянки, Харьковскаго уѣзда. Однажды утромъ здѣшній священникъ заходитъ во дворъ своего прихожанина и видитъ его лошадь сильно вспотѣвшею, со всѣми признаками большаго утомленія; освѣдомляется и получаетъ оригинальный отвѣтъ. Лошадь его сѣрой масти, вѣроятно, не приплась ко двору, потому что каждое утро онъ выводитъ ее изъ сарая совершенно взмыленною, что эта лошадь, какъ показали уже прежніе случаи, непременно пропадаетъ, если онъ не поторопится замѣнить ее другою, иной масти; что будь весна или лѣто, когда лошадь не ночуетъ, то опасенія не было-бы никакого. Разсмотрѣвши сарай, соломенная крыша котораго никогда не возобновлялась, а только починивалась снаружи, почтенный батюшка рѣшилъ: не остаются-ли на зиму въ живыхъ, при тепломъ помѣщеніи, летучія мыши, которыя и беспокоятъ лошадь такъ жестоко въ ночной темнотѣ, будучи привлекаемы сначала бѣловатымъ цвѣтомъ лошади, а затѣмъ ея потомъ. Потому онъ посоветовалъ перевести пока лошадь въ чье-либо другое помѣщеніе. Крестянинъ такъ и сдѣлалъ, и лошадь его перестала съ того времени биться по ночамъ и начала замѣтно поправляться. Теперь, если вѣрно, что летучія мыши, при извѣстной теплотѣ и другихъ благопріятныхъ условіяхъ, могутъ не замирать у насъ на зиму, то мѣстному священнику не представится въ дальнѣйшемъ особеннаго труда — разсѣять распространенное народное повѣрье о домовыхъ, по ночамъ будто ѣздящихъ на лошадяхъ. Не давно дознано еще самымъ несомнѣннымъ наблюденіемъ, что жестоко могутъ беспокоить лошадь небольшіе звѣрки, такъ называемые ласки, ласочки, изъ породы хорьковъ. Описывать ихъ здѣсь не для чего, потому что онѣ всѣмъ извѣстны, какъ селящіеся перѣдко вблизи человѣческаго жилья и истребляющія мышей. Эти ласки взбираются на лошадь, прицѣпливаются къ такимъ мѣстамъ, гдѣ удобно удерживаться, и производятъ щекотанье до тѣхъ поръ, пока лошадь бьется, и вспотѣетъ; тогда онѣ лижутъ и сосутъ этотъ потъ. Намъ извѣстенъ хозяинъ, у котораго точь въ точь случилось такое

обстоятельство. Долго недоумѣвали, что за причина безпокойства лошади по ночамъ, какъ будто лѣшій ѣздитъ на ней, пока не замѣтили, какъ однажды вспрыгнула съ нея ласка. Когда ласку убили, лошадь успокоилась.

— Въ „Кіевской Старинѣ“ напечатана очень остроумная характеристика „моднаго воспитанія“ начала текущаго столѣтія, сдѣланная А. С. Пишчевичемъ:

Обозримъ, въ чемъ состоитъ вообще основаніе воспитанія нашей молодежи. Выучи сына танцовать, играть на фортеціано или гитарѣ, и ежели можно, чтобы онъ могъ пѣть, то это будетъ прекрасно; говорить по-французски, разумѣется — только говорить, а что говорить, до того дѣла нѣтъ; по-русски писать русскому неминуемо надобно, но чтобы умѣлъ паче всего сочинять въ стихахъ пасквили на женщинъ, иногда касаться правительства; впрочемъ, дозволяется о законѣ Божіемъ стихами и прозою говорить самымъ неблагопристойнымъ образомъ, и требуется въ добавокъ не имѣть никакой вѣры и насмѣхаться надъ святостью, руководствующею людьми, приписывая созданіе Божіе все случаю слѣпому; послѣ сего не уважать ни старости, ни достоинствъ и ставить себя выше всего... Ко всему этому въ заключеніе, если молодой человѣкъ опрятно и ловко одѣвается въ одежду, для сего же вѣка изобрѣтенную, также самую неблагопристойную, ибо всѣ части мужскаго тѣла не только стянуты, но выставлены наружу со всѣхъ сторонъ, и, дабы не краснѣть такимъ безстыдствомъ, то модная чesка выдумала средство закрывать глаза и все лицо кудрями головныхъ волосъ. Вотъ впрямь изображеніе молодаго человѣка, хорошо воспитаннаго, котораго называютъ женщины милымъ, вертопрахи — ловкимъ, а люди съ разсудкомъ — дуракомъ, отечеству ни на что не надобнымъ... Замѣтимъ, что и женщины „нонѣшняго“ воспитанія приготовляются совсѣмъ противоположно тому, къ чему онѣ сотворены. Должность матери, должность хозяйки совсѣмъ удалены отъ воспитанія ихъ. Болтанье на французскомъ языкѣ, играніе на какомъ либо инструментѣ и пляска — суть главныя черты, которыя входятъ въ модное воспитаніе; добавьте къ этому всю школу кокетства и полунагое одѣяніе — и вы будете имѣть совершенную идею о женщинахъ XIX вѣка, вѣка просвѣщеннаго, которому-бы удивились наши предки, ежели-бы, напримѣръ, скромныя россиянки XVII вѣка, жившія въ своихъ теремахъ, могли встать и обзрѣть поприлежнѣе своихъ согражданокъ.

Нельзя сказать, чтобы эта карриатура на „модное воспитаніе“

въ нашъ просвѣщенный вѣкъ была во всѣхъ своихъ частяхъ анахронизмомъ, прибавляетъ „Южн. Край“.

— Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ „англійскій наслѣдный принцъ“, будучи приглашенъ въ субботу на балъ, испросилъ позволенія оставить балъ до полуночи, такъ какъ религія его запрещаетъ танцы въ воскресенье и считаетъ это нарушеніемъ святости воскреснаго дня.

Въ бытность „персидскаго шаха“ въ Европѣ, когда его приглашали на торжественныя, устрояемыя въ честь его, празднества, онъ напередъ публично заявлялъ, что принимая участіе въ этихъ торжествахъ, онъ будетъ соблюдать свои религіозные обычаи въ выборѣ и приготовленіи пищи.

Основатель знаменитаго дома „Родшильдовъ“, во Франкфуртѣ, когда приглашаемъ былъ на придворныя обѣды, всегда принималъ приглашенія, но не бралъ ни съ одного блюда, кромѣ дозволеннаго іудейской религіей салата.

Иной православный, презрительно нарушая требованія религіи, считаетъ себя выше всякихъ требованій вѣры и Церкви: онъ человѣкъ безъ предразсудковъ, человѣкъ интеллигентный...

„Народъ, не уважающій свою религію, близокъ къ гибели“.

(Рук. для сел. п.),

— У нѣкоторыхъ естествовѣдцовъ считается чуть не аксіомой одно извѣстное изреченіе: „наука о небѣ сниметъ покровъ съ головы Церкви, а наука о землѣ сдвинетъ почву изъ-подъ ногъ ея“. Нынѣ эти науки сдѣлали громаднѣйшіе успѣхи, но покрова съ Церкви не сняли и не сдвинули подъ нею почвы. Напротивъ, теперь исполняется заявленіе, сдѣланное еще въ 1833 году въ одномъ большомъ собраніи англійскихъ естествоиспытателей: „христіанству нечего бояться успѣховъ естествовѣдѣнія, но всего надѣяться“. Результаты естественныхъ наукъ подтверждаютъ ученіе Церкви и лучшіе представители этихъ наукъ были вѣрующими христіанами и нерѣдко благочестивыми исполнителями церковныхъ обрядовъ. Такъ основатель и отецъ новѣйшей астрономіи даже книгу свою посвятилъ папѣ Павлу III; величайшій математикъ, какого знаетъ Европа, былъ благочестивый христіанинъ; знаменитый Кеплеръ свою астрономическую книгу заключаетъ сердечною благодарственною молитвою къ Богу, что Онъ далъ познать ему славу Его въ дѣлахъ рукъ Его; Вольтъ регулярно ходилъ въ церковь къ богослуженію; въ сочиненіяхъ Линнея находятся дѣтски-благочестивыя благодаренія Господу за благодѣянія Его; нѣсколько лѣтъ

назадъ умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ естествоиспытателей, Амперъ, и когда ему хотѣли предложить для чтенія одно мѣсто изъ Омы Кемпійскаго, онъ сказалъ: „нѣтъ надобности, я знаю наизусть“. Д-ръ Бергеръ насчитываетъ шестьдесятъ ученыхъ изъ всѣхъ отраслей естествовѣдѣнія, отъ Бэкона до Рудольфа Вагнера, которые были знаменитыми изслѣдователями, вѣрующими и благочестивыми христианами; Д-ръ Гафнеръ считаетъ клеветою извѣстное выраженіе *tres Physici, duo athei*. Такимъ образомъ на естествовѣдѣніи исполняется сказанное древнимъ почтеннымъ Клавдіемъ: „знаменитости науки стоятъ подлѣ алтаря и кафедры съ шляпою въ рукѣ; легкая же труппа проходитъ мимо алтаря и кафедры съ шляпою на головѣ и горделиво наморщеннымъ челою“. (Рук. для сел. п.)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Алупкѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисарѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Вирючѣ, Гобричѣ, Валкахъ, Верхнеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геничевѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Зкнѣвѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Королевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжнѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-Осколѣ, Обоянѣ, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прплукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Тагацрогѣ, Уманѣ, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Одосѣ и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. погор. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, на Московскои улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета, № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою листокъ для Харьковской епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію - „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.